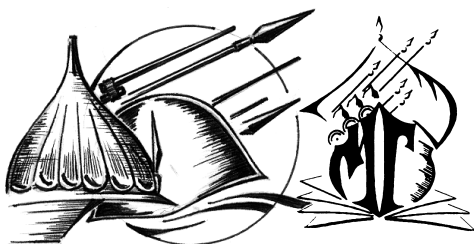

Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2022

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей ЗАВЬЯЛОВ. Русофобия как метод зомбирования и управления	3
Павел ТУЛАЕВ. Разделённое славянство	8
Ирина УШАКОВА. Народная школа Рачинского — для современности	63
Валерий ШАМБАРОВ. Кутузов и британцы	111

ПРОЗА

Татьяна ГРИБАНОВА. Короткие рассказы	15
Артём ПОПОВ. Рассказы	76
Виктор БОЧЕНКОВ. Снежинка. Рассказ	121
Надежда КНЯЗЕВА. Три счастливых дня. Рассказ	134

ПОЭЗИЯ

Леонид САФРОНОВ. Над белой гречихой... Стихи	43
Николай РАЧКОВ. Если свеча горит... Стихи	103
Олег ИГНАТЬЕВ. Надежда на чудо. Стихи	156
Юрий САВЧЕНКО. Сумеречный свет. Стихи	160

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Исконное германское коварство	164

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Валерий КИРИЛЛОВ, Константин ИЛЬИН. «Пятая колонна» — тормоз России 168

РУССКИЙ МИР

Андрей АНТОНОВ. Наше единство проверено веками 176

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Любовь ФЕДУНОВА. «Заповедное» Геннадия Чистякова 182

Геннадий ЧИСТЯКОВ. Стихи 196

СИМВОЛ ВЕРЫ

Сергей КАРАМЫШЕВ. Корни украинской измены 203

Олег СЫРОМЯТНИКОВ. Обезьяна или Бог 224

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Лина МКРТЧЯН. «Сокровище сие мы носим в глиняных сосудах» 231

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Мария МОНОМЕНОВА. Все секреты рассказал... 235

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Альбина ВОЛКОВА. Два фронта России 241

Александр РУДЕНКО. С кем воюет Русский мир? 245

Роман ЮШКОВ. Доживём ли? 247

Андрей СОШЕНКО. Взялись за «Сохнут»... 249

Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Русский мир и СВО 152

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение 257

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. Заповедная зона души. О книге Эммы Меньшиковой «Мгновения вечного времени». 266

КРУГ ЧТЕНИЯ

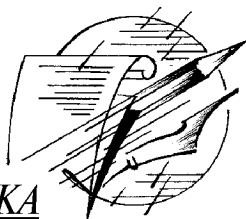
Татьяна ЗОЛотова. На фоне социального оптимизма 285

РУСОФОБИЯ КАК МЕТОД ЗОМБИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

Распад Советского Союза является величайшей катастрофой двадцатого века. Исчезла не только самая большая в мире страна, но и многие народы потеряли возможность полноценного развития.

Теперь культивируется распад России... Политический обозреватель Кейси Мишель недавно написал, что Россия всю свою историю подчиняла территории «диктатуре Москвы и Петербурга», и призвал ее «деколонизировать». По мнению американского публициста, Россия колонизировала Евразию — Кавказ, Крым, Арктику, территории от Волги до Тихого океана. «Пока Россия полностью не деколонизируется, она будет угрожать глобальной стабильности и безопасности», — заявил автор.

Ни для кого не секрет тот факт, что расчленение Советского Союза, а теперь России было и есть извечной мечтой наших врагов. Существование сильного, монолитного Российского государства никогда не давало им покоя. Единство многонационального народа России вызывает головную боль у западной элиты.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Если углубиться в историю, распад Российской империи был спровоцирован еще в марте-июле 1917 г.: от России откололись Польша, Финляндия, стали требовать автономии Украина, Белоруссия, Башкирия, Казахстан, донские казаки, Татарстан и другие «субъекты». К 1918—1920 гг. более десятка народов и крупных территорий обрели статус независимых республик — тогда это были Белорусская народная республика, Закавказская федеративная республика, Грузинская демократическая республика, Республика Армения, Азербайджанская демократическая республика, Молдавская демократическая республика, Бухарский эмират, Хивинское ханство. В Сибири возникла Сибирская республика, на востоке — Дальневосточная республика.

Чтобы восстановить единый дом, у большевиков не было силовых возможностей. В.И. Ленин выдвигает следующее решение — предложить независимым республикам сформировать многонациональное государство, где все участники равны. Чтобы они в это поверили, нужна гарантия. Ею стало введение права наций на самоопределение вплоть до отделения. Никакой народ не будет выходить из союза, где жизнь устроена по справедливости. Поэтому «...признание права на отделение уменьшает опасность распада государства».

Расчёт оказался правильным. В приветствии Всеукраинскому съезду Советов от 10 декабря 1922 г. Ленин пишет: «...Мы признаём себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии». А 30 декабря 1922 г. путём объединения РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР был создан Союз Советских Социалистических Республик.

Существовал и второй вариант, предложенный Сталиным, — лишить республики государственного статуса, введя их в состав РСФСР на правах «культурных автономий». Сталинский вариант был отвергнут. Какой вариант объединения народов является более правильным и более устойчивым к глобальным потрясениям, можно только спорить. И согласитесь, что ни один из них не выстоял бы при предательстве российских элит в 1991 году.

Серьёзным «этапом» по расчленению нашей страны стала Великая Отечественная война, где основу идеологии фашизма составляло освобождение «угнетённых» большевизмом народов, ликвидация «колониальной» российской государственности. Планам Запада опять-таки не суждено было

сбыться, а в горнилах войны возникла мощная мировая супердержава.

В рамках последующей «холодной» войны концепция уничтожения российской государственности была закреплена в США на законодательном уровне. Так, 17 июля 1959 г. в США был принят закон «О порабощенных нациях». Очень цинично, что этот потрясающий по своему вероломству документ был принят в годовщину убийства последнего русского Императора и его семьи. У этого закона есть и другое неофициальное название: «закон о расчленении России».

Суть данного американского закона заключается в том, что Советская Россия поработила Прибалтику, Украину, Белоруссию, страны Закавказья, Туркестан, Идель-Урал, Кавказию. В его тексте читаем: «Так как эти порабощенные нации видят в Соединенных Штатах цитадель человеческой свободы, ищут их водительства в деле своего освобождения и обретения независимости и в деле восстановления религиозных свобод христианского, иудейского, мусульманского, буддистского и других вероисповеданий, а также личных свобод и так как для национальной безопасности соединенных Штатов жизненно необходима непоколебимая поддержка стремления к свободе и независимости, проявляемому народами этих покоренных наций... именно нам следует надлежащим официальным образом ясно показать таким народам тот исторический факт, что народ Соединенных Штатов разделяет их чаяния вновь обрести свободу и независимость».

Несмотря на распад Советского Союза и смену политико-экономического строя на территории всего бывшего союза, этот закон действует до настоящего времени и создает правовую базу для вмешательства США во внутренние дела России и государств бывшего СССР. По мнению ряда экспертов, на реализацию этого закона и осуществление соответствующих политических операций было истрачено большое количество средств, и финансирование происходит по сей день.

Примечательно, что текст закона «О порабощенных народах» был разработан по инициативе сенаторов Дугласа (Иллинойс), Джейвиза (Нью-Йорк), конгрессменов Фейгана (Огайо) и Бентла (Мичиган) и украинского националиста из Галиции Льва Добрянского, проживавшего в США.

Особого внимания требует тот факт, что вновь созданные государства после распада СССР строят свою политику на очернении, отторжении нашего совместного прошлого. При-

---

знаки русофобии можно найти в официальных заявлениях и действиях руководства этих государств.

Также любопытно, что аналогичным образом поступают правительства, которые принято считать «пророссийскими». В Белоруссии признаком хорошего тона принято считать возведение государственной генеалогии к Великому княжеству Литовскому и воспевать битву под Оршей как победу над русской агрессией. Можно спокойно отменять кириллицу в Казахстане, переименовывать основанные русскими города или сносить в Алма-Ате напоминающую о городе Верном историческую застройку.

Многие сейчас стали забывать, что творилось в республиках Средней Азии после распада СССР. Неожиданная ненависть азиатов обрушилась на титульную, по сути, нацию, до этого считавшуюся «старшим братом». Тогда были убиты, изнасилованы и покалечены тысячи русских жителей бывших советских республик. Москва потеряла контроль над ситуацией внутри страны, что привело к экстремизму и формированию исламистского подполья на Кавказе и Средней Азии. Понятно, что протесты начались не просто так. Недавно американцы рассекретили документы, в которых говорится о методах психологического давления, чтобы расшатать ситуацию в те дни. Оказалось, ими специально обучались и использовались профессиональные провокаторы.

Вся государственная идеология вновь созданных государств строилась на противопоставлении себя России и всему русскому. Русофобия, возведенная в ранг государственной политики, позволяла этим новообразованиям получать помощь от США и их союзников. Особенно сложно пришлось руководству Украины, где из представителей братского, а проще сказать, единого народа, нужно было создать противоположность самому себе. Пришлось брать пример с представителей третьего рейха по созданию «исключительной» нации. Во многом именно поэтому конфликт с Украиной перерос в «горячую» стадию.

Ни у кого из руководителей бывших советских республик не хватает мужества признать, что успехи в промышленности, развитие национальной культуры и образования, достижения в социальной сфере были во многом связаны с Россией. Что мы видим у них сейчас — так это полная деградация. Где за последние 30 лет успехи в науке, литературе и искусстве? Где грандиозные стройки и развитие промышленности?

Видим только убыль населения, продажу чего-либо ценного иностранному «инвестору».

Причина в том, что большинство бывших советских республик страдают комплексом неполноценности перед своим большим соседом. Каждая часть бывшей империи мечтает самой стать империей, но нет ни опыта, ни кадров, ни ресурсов. Ностальгия по империи порождает ревность, зависть и отчаяние, выливающиеся в ярую русофобию.

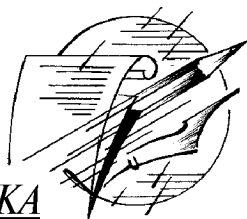
Такой уровень русофобии, который существует сейчас в мире, не может быть вызван никакими объективными причинами. Ненависть внедрена в массовое сознание западного, инертного, духовно пустого общества как способ мобилизовать стадо на решение конкретных задач. В данном случае русофобия выступает как метод управления европейцами и союзниками по НАТО.

Но долго так продолжаться не может. Наши военные на Украине должны положить этому конец. И действовать надо жестко.

РАЗДЕЛЁННОЕ СЛАВЯНСТВО

В конце XVIII века, когда Российская Империя укрепляла свои позиции на Востоке, западный мир переживал промышленный подъем, сопровождавшийся революционными потрясениями. В эпоху Просвещения либеральные идеи масонства — тайного общества, противостоящего аристократической монархии и Церкви, распространились на севере Европы, а затем перекинулись на Американский континент, где разразилась антиколониальная война за независимость США от Великобритании. Вскоре республиканские идеалы «свободы, равенства и братства» захватили сознание демократических сил во Франции. В 1789 г. началась Великая буржуазная революция.

Эта революционная стихия захватила пытливые умы и некоторых деятелей в славянских странах. Русские просветители либерального направления, такие как Н.И. Новиков и А.Н. Радищев, ограничивались преимущественно литературной, исследовательской и издательской деятельностью, а вот польские оппозиционеры сосредоточили свое внимание на организации революционного восстания.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В трагическом 1812 году поляки приняли стратегию Наполеона, финансируемую кланом Ротшильдов. Она была направлена на расчленение православной Империи, отторжение от нее Литвы, Беларуси и Украины. Как только наполеоновская армия перешла через Неман, варшавский сейм объявил о начале восстановления Великой Польши. Под влиянием Французской буржуазной революции и масонских лож в России стало подпольно распространяться антимоноархическое, республиканское движение.

12 марта 1818 г. в Киеве была основана ложа «Соединенные Славяне» (*Les Slaves Reunis*). Она была в союзе с петербургской великой ложей «Астрея» и ложей «Великий Восток» в Польше. Членами тайной организации были русские и поляки, но на эмблеме ложи, с изображением креста с кругом в середине и рук, поданных на союз, была надпись по польски: «*Jednosc Slowianska*» («Славянское единство»).

Члены масонской ложи «Любовь к истине», основанной в 1818 году в Полтаве И. Котляревским, В. Лукашевичем, Н. Тарновским и другими представителями украинской интеллигенции, сначала выступали за пропаганду традиций и славных страниц прошлого Малороссии, а затем выдвинули идею создания славянской федерации с предоставлением равных прав всем республикам. Организация была запрещена, но вместо нее возникли другие.

На базе «Общества первого согласия», основанного в Полтавской губернии артиллеристами братьями П.И. и А.И. Борисовыми, возникло «Общество соединенных славян». Оно было учреждено в 1823 г. под влиянием шляхтича Ю.К. Люблинского, высланного из Варшавы за участие в польском революционном движении. Под влиянием заговорщика кружок Борисовых был преобразован в тайное общество. Целью его стало объединение всех славянских народов в демократическую республиканскую федерацию. Членами ее могли стать: Россия, Польша, Богемия, Моравия, Венгрия с Трансильванией, Сербия, Молдавия, Валахия, Далмация и Кроатия (Хорватия). Каждая страна федерации, распростертой от моря до моря, должна была получить свою конституцию. Достижение панславянского единства планировалось осуществить путем народной революции.

В 1825 г., благодаря содействию будущего декабриста М.П. Бестужева-Рюмина, полтавское «Общество соединенных славян» объединилось с «Южным обществом» П.И. Пестеля в Киеве. Оно, в свою очередь, было связано с польским Патриотическим союзом князя Яблонского, добивавшегося независимости Польши от России и отторжения от нее Малороссии и Литвы.

Когда заговорщики приступили к непосредственной подготовке декабрьского восстания 1825 г., Аракчеев был заранее осведомлен об этом верноподданными Государю. В результате революция офицеров была сорвана.

Разночинцы Малороссии, подверженные республиканским и демократическим влияниям, тоже воспринимали славянские идеи как революционную программу народничества. В 1846 г. народники Николай Костомаров, Тарас Шевченко, Пантелеймон Кулиш и другие основали в Киеве «Кирилло-Мефодиевское братство». Программа товарищества, в основе которого лежали идеи украинского национализма и панславизма, была изложена в «Книге бытия украинского народа» и «Уставе Славянского братства св. Кирилла и Мефодия», главным автором которых был историк Костомаров.

Особой непримиримостью отличались сочинения художника и поэта Тараса Шевченко (1814—1861), в юности выкупленного из рабства его русскими покровителями.

Будучи сторонником крестьянских бунтов, он призывал соотечественников готовить вооруженное восстание. Более того, кумир украинских националистов желал и предвидел убийство Государя императора. «Люди, — говорил Шевченко, — сами сумеют справиться с царем, сами к плахе повлекут». Тайные замыслы революционеров были раскрыты. Весной 1847 г. заговорщики были арестованы и наказаны ссылкой, но потом освобождены.

Наступил бурный 1848 г., вошедший в мировую историю как «весна народов». Эта политическая весна началась в Лондоне, где в феврале был издан всемирно знаменитый «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса. Манифест открывался словами: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» и завершился лозунгом «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»

Затем последовало революционное восстание в Париже, требовавшее возрождения республики. Оно зажгло огонь народного протеста в других странах. Начались волнения в Берлине, Милане, Вене, Праге, Познани. Буржуазия и часть крестьянства выступали против аристократических принципов старых монархий, против консервативного клерикализма и сословного рабства, за «свободу, равенство и братство». Свои требования пытались навязать «бланкисты», заговорщики радикального левого крыла в духе идей Луи Огюста Бланки, а также анархисты. В частности, «пражская весна» оказала огромное влияние на мировоззрение Михаила Бакунина, принявшего панславизм как часть своей революционной идеологии. По следам горячих событий он опубликовал в том же 1848 г. «Воззвание к славянам», звучавшее как набат, как призыв к мировой революции.

Коммунист Энгельс высмеял, идеологически разгромил утопические мечтания Бакунина о всеобщем братстве народов в статье «Демократический панславизм» (1849).

Как немец по происхождению и ура-патриот по убеждениям, он выступил с апологией германизации Европы, не смотря на интернациональную риторику.

Стоит заметить также, что восстание в Польше 1863 и 1864 г. «совпало» по времени с Гражданской войной в США и основанием Коммунистического Интернационала (1864). Именно 28 сентября 1864 г., когда в Лондоне (!) собрался двухтысячный митинг революционеров-эмигрантов в поддержку польского национально освободительного восстания, демонстрантами было принято решение создать Международное товарищество рабочих. Присутствовавший на митинге К. Маркс был избран в состав Генерального совета Интернационала. Он подготовил Учредительный манифест и Временный устав товарищества, утвержденные 1 ноября того же года.

Общеизвестно, что в результате борьбы между большевиками и меньшевиками радикальную часть РСДРП возглавил левый марксист В.И. Ленин. Но одновременно с интернационалистами ленинского толка в партии скрыто действовали сионисты и подрывные агенты зарубежных разведок. В годы Первой русской революции активно проявили себя еврейские революционеры Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд) и Троцкий (Лев Давидович Бронштейн). В ходе восстания 1905 г. они возглавляли Петербургский совет рабочих депутатов. Их доктрина «перманентной революции» была не менее взрывоопасной, чем заговор террористов-народников. Кроме того, оба бунтаря привлекли внимание немецкой разведки, которая завербовала революционеров вместе с Лениным в своих военно-политических интересах.

3 января 1906 г. министр иностранных дел граф Владимир Николаевич Ламздорф (1841—1907) направил Государю служебную «Записку об анархистах». В секретном донесении он обратил внимание на тот факт, что революционное движение в России не только поддерживается из-за рубежа, но даже направляется руководителями международных организаций. Ведущий дипломат среди них выделил «Альянс израэлит универсель» с центром в Париже. Обладая колоссальными денежными средствами, этот альянс помогал масонским ложам и революционным организациям антимонархического направления. По тайным каналам из-за рубежа в Россию попадало большое количество нелегального оружия, которое потом использовали террористы.

Пока панслависты обменивались между собой мнениями по интересовавшим их вопросам на курортах Хорватии и

Польшы, американские банкиры спровоцировали в начале 1904 г. войну на Дальнем Востоке. Она подорвала стабильность в Евразии и вызвала революционное восстание моряков на Черном море. Документально доказано, что еврейский банкир Якоб Шифф, спонсор Общества американских друзей российской свободы, финансировал Японию в ее войне против России.

Этим вооруженным конфликтом пытались воспользоваться польские радикалы во главе с Юзефом Пилсудским, главой Польской социалистической партии. Он начал вести тайные переговоры с японскими представителями в Европе, чтобы развязать войну против царизма на два фронта. В этой инициативе его поддержал Роман Дмовский, внешне державший себя как умеренный националист. В тот момент польские боевики не добились желаемого успеха, но взяли полный реванш в годы революции 1917 года.

Россия пыталась влиять на европейские события с помощью проверенных связей. В апреле 1914 г. Общество славянской взаимности возглавил Александр Аркадьевич Столыпин, родной брат убитого террористами премьера. Он начал готовить встречу лидеров влиятельных политических партий, таких как К. Крамарж, В. Клофач, Я. Прейс. Однако переговоры застряли в идеологических распрях.

В ходе драматических событий Балканской войны император Николай II проявил «особую благожелательность к болгарам». По утверждению князя Николая Трубецкого, русского посланника на Балканах в 1914—1917 гг., после подписании Сан-Стефанского договора «Болгария была нашим любимым детищем, а Сербия — забытой падчерицей». Русские пытались сохранить за болгарями большую часть Македонии и выход к Эгейскому морю, а когда их войска подошли к Адрианополю, Николай II без малейшего промедления поддержал план его взятия.

И опять в международные события вмешались тайные силы закулисы. Упомянутый выше заговорщик и коммерсант-авантюрист Парвус установил дружеские связи с военным министром правительства младотурков Энвер пашой, чтобы поддержать стратегический союз Турции, Германии и Болгарии в противовес «русскому империализму и панславизму». Он поручил своему другу Троцкому работать в качестве корреспондента «Киевской мысли» на Балканах: в Сербии, Болгарии и Румынии. Вся полученная от него информация шла напрямую к руководителю немецкой военной разведки Вальтеру Николаи.

В 1913 и 1914 гг. Троцкий неоднократно встречался и был в дружеских отношениях с идеологом радикальной организа-

---

ции «Млада Босна» Владимиром Гачиновичем, которая боролась за присоединение Боснии и Герцеговины к Великой Сербии под властью Белграда. Деятельность революционеров югославистов поддерживала тайная организация «Объединение или смерть», более известная как «Черная рука». Ею руководил начальник разведывательного отдела генштаба Сербии Драгутин Димитриевич по кличке Апис. Одной из целей заговорщиков было уничтожение Австрийской монархии методами терроризма. По инициативе Аписа несколько боевиков «Млада Босны» были привлечены для организации покушения на наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда.

28 июня 1914 г. в Сараево (Босния) замысел был осуществлен, но он принес не те результаты, о которых думали организаторы террористического акта. Вскоре после убийства эрцгерцога Австро-Венгрия начала военные действия против Сербии, в связи с чем Россия была вынуждена объявить всеобщую мобилизацию. 1 августа Германия вступила на территорию России.

Началась Первая мировая война. Она не привела к освобождению Царьграда от мусульман, о чем мечтали русские панслависты правого толка, а, напротив, источила силы Российской Империи и обернулась разрушительной революцией.

Крушение Российской Империи и других монархий Европы в пучине войны радикально изменило геополитическую карту мира и повернуло события в иное русло, которое предвидел пророк Достоевский. В результате революции, сначала буржуазно-демократической, а потом социалистической, на международной арене появились новые славянские государства: Польская республика (1918—1939), Чехословацкая республика (1918—1938), Королевство Югославия (1918—1945), Украинская Народная Республика (1918). Подкарпатская Русь, называемая также Угорской (т.е. венгерской), после драматических революционных событий временно вошла в состав Чехословакии. От самодержавной Российской Империи отделились Финляндия, Латвия, Литва, Закавказье. Перефразируя слова Бакунина о разделенной Польше, можно сказать, что эти государственные образования возникли «на трупе России».

«Незалежная» Украина, освобожденная от временной немецкой оккупации в конце 1918 г., в результате победы Красной Армии вошла в состав СССР в качестве Украинской Советской Социалистической Республики. А панская Польша, подчиненная диктатору Юзефу Пилсудскому, объявила большевицкой России войну и начала восстановление

Речи Посполитой. В результате польско-советской войны 1919—1920 гг. Украина и Беларусь в который раз оказались разделенными на части. Федерализация многонациональной советской державы на деле дополнила экономические и политические противоречия — этническими. Создание СССР лишь частично восстановило территорию православной Империи.

Но не о таком будущем мечтали русские идеологи славянофильства! Православную соборность подменила идея пролетарского интернационализма. В государственном строительстве победил ленинский принцип о праве наций на самоопределение. Духовенство было терроризировано, интеллигенция запугана или выслана из страны, а великорусский народ, главный оплот славянства, на долгие годы оказался униженным и оскорбленным.

Развал могучей Российской державы смог остановить под интернациональными лозунгами и ценой миллионов жертв Иосиф Виссарионович Сталин. Однако почти все профессиональные славяноведы были репрессированы в 1920—1930 годах. Так называемое «Дело славистов» — это большая тема для будущих исследователей.

Вторая мировая война, развязанная германскими агрессорами, способствовала объединению европейских народов на основе идеологии социальной справедливости и классовой борьбы, а лозунг объединения славян был лишь частью общей антифашистской стратегии. В результате вместо задуманной Всеславянской конфедерации возникло региональное государство Югославия с особой идеологией и независимой политикой.

Освободившись от советской опеки в 1991 г., большинство славянских государств вступило в военный блок НАТО: Польша и Чехия — в 1999 г., Болгария, Словакия и Словения — в 2004 г. (вместе с ними и страны Прибалтики), Хорватия — в 2009 г., Черногория вступила 5 июня 2017 г., через два дня после окончания Всеславянского съезда в России.

Сегодня западные агрессоры продолжают свой натиск на восток, действуя по принципу «Разделяй и властвуй». Вне НАТО из славян остались русские, белорусы, украинцы, сербы, боснийцы и македонцы.

В начале XXI века Славянский мир переживает очередной глубокий кризис. Наши европейские сородичи, оттесненные на вторые и третьи роли на мировой арене, фактически поставлены в подчиненное положение по отношению к традиционным соперникам — германцам и англосаксам.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ПОД ИЛЬИН ДЕНЬ

Июль выдался адски жарким. Деревенские махнули рукой: жди теперь урожая, как с вербы яблок. Ни малейшего колыхания в побуревшей, скрюченной листве деревьев, ни хотя бы лёгкого дуновения. За весь месяц небо, и день и ночь палившее на хутор и его окрестности своё не моргающее око, видевшее все страдания земли, не сжалилось, не проронило даже самой малой слезинки.

Роса не приносила спасения, казалось, закипала, с шипением выжигая даже низменные поймы по берегам обмелевшей Кромы. У неё, горячей, не хватало сил утолить жажду иссушенных, хилых покосов или хотя бы освежить их.

Как ни молилась бабка Маня, обходя на рассвете пожни, как ни шептала, хоть и была она почитаема всяким и каждым на пять деревень в округе, колос на полях так и не смог налиться в полную меру.

И вот на исходе месяца, под Ильин день, воздуха раскалились добела. Зной и томление настолько измаяли всё живое, что чудилось: ху-

ПРОЗА

тор вымер. Разыскав какие-то мало-мальски тенистые прибежища, попрятались птицы, осоловелые мухи, будто вовсе дохлые, очумело кружили на подоконниках крыльца и падали под ноги.

Еле-еле дотянув до заката, ошпаренное солнце ахнуло в пышущие жаром и духотой сумерки. И уже спустя всего каких-то четверть часа над хутором пала оглушительная темень. Луна, словно догадываясь о чём-то подступающем, жутком, предусмотрительно обошла хутор стороной.

Ни проблеска в вышине, ни единой звёздочки. Не объявилась даже Полярная, которая по своему обыкновению любила вскарабкаться на макушку самого высоченного хуторского тополя, что вымахал у Фролыча за бакшой, и оттуда помогала мальчишкам пасти в Сухом логу табун хуторских коней. Нынче бы она ой как пригодилась, потому как подгулявший на крестинах внука дед Тишка вот уже полчаса как безуспешно силился сыскать дорогу до своей, стоявшей по соседству, избы.

Бабе Мане не повезло отметиться вместе с дедом на крестинах. Маявшаяся который день от давления — ныла каждая косточка — она окончательно слегла. Но старого всё же таки выпроводила: мол, не дай Бог, сын разобидится.

Бабкино тело напрочь отказывалось её слушаться, рука с трудом поднималась ко лбу. Совершенно обессиленная, пристроившись на топчане, поближе к Божничке, предчувствуя неладное, она всё перебирала и перебирала губами, уповая на Заступницу, молилась.

Когда дед, к великой своей неожиданности, добрался-таки до лавки в родимой горнице, баба Маня, успев потолковать со всеми святыми разом и с каждым по отдельности, казалась не в себе — надо же! — «для пушей надёжи» вспомнив прабабкино «наушение», творила заговор:

*Твердь земная, твердь Небесная,
Отринь молнию и гром.
Ангелы зла и Ангелы добра,
Встаньте по разную сторону.
Три имени Троицы
И три несокрушимые силы Господа,
Дайте силу заклинанию.
Семь духов планет:
Кассиэль, Захиэль, Самаэль, Анаэль,
Рафаэль, Михаэль, Гавриэль!
Север, юг, восток, запад,
Печать Солнца и печать Луны!*

---

*Разрушаю этим заклинанием поток воды,
Виток ветра, укрощаю стихию
И отнимаю её силу у природы.
Знаю все заклинания семи дней,
Данные Господом
И все псалмы его.
И через то сила воды в моей власти.
Аминь!*

Закончив своё важное дело, баба Маня, покачав укоризненно в Тишкину сторону головой, сказала, как припечатала, dedu всё, что о нём думалось ей на ту пору.

— Э-эх! Горюшко моё ты луковое! Совсе духом занищал! Смолоду держался, а теперя... Довольный, будто Жар-птицу засватал!.. В твои ли лета выставлять себя на посмешище? — и, зная, что от деда теперь и слова клещами не вытянуть, неделю, как побитый щен, будет тише воды, ниже травы, нарочито строго сдвинув свои посеребрённые летами брови, озаботилась: — Скотина-то на дворе, ай, нет? Вставайкась, непогодь надвигается, с минуты на минуту дождайся проливенного дождя. — И смолкла, снова переведя взгляд на Божницу.

Тишка завсегда верил своей бабке на слово. Когда б чего не предрекла, так оно наверняка и сбывалось, проверено сотню раз. От нескрываемой Маниной «сурьёзности» дед скорёхонько прочухался и в надежде на скорое возвращение, даже «не уздув» бабке свет, кинулся опрометью на двор, доглядеть что к чему.

Перво-наперво, зачувя недоброе, в мертвецкой тишине заволновались, зашумели над погребом вековые осокори. В гнёздах, разбросанных на их высоченных сучьях, перепугались, заорали заполошные грачи.

В кромешной темени рассмотреть за окнами хоть что-нибудь подслеповатой бабке не было никакой возможности. К тому же с некоторых пор Тиша заметил: стала его «супружница» заметно туговата на ухо, точнее, на оба. Но разве Маня нуждалась в слухе и зрении, когда всё, что надо, слышала сердцем, видела очами своей мудрой души?

Она учуяла, как за порогом покатила волна за волной, всё крепче, всё яростнее. Деревья сгибались доземи, покуда в палисаднике не затрещала и не разломилась надвое престарелая рябина. Под её дородным стволом хрястнули крылечные перильца. Обрушенной веткой выдрало форточку, и на половицы просыпались, задолдонили, заподпрыгивали незрелые рябиновые ягодины, будто только что нечаянно обо-

---

рвалась с бабулиной шеи двухрядная нитка с её любимыми «антарками».

Следом за ними в горницу спрыгнул обезумевший от страху рыжемордый Василь Василич. Как бы ни пыталась подманить и прижалеть его сердобольная баба Маня, кот, не долго мешкая и зная наверняка, где в их хате самый безопасный угол, шныркнул прямой наводкой на печку.

И вовремя! Потому что через секунду, ярясь и ликуя, в бешеном порыве ураганный ветер распахнул настежь двери и, кандибобером куролеся по горнице, загасил лампадку, сбрасывал с полок чашки-плошки, затрепал занавесками, чёртом ввился в поддувало и, выметаясь, напоследок так завыл и засвистел в трубе, что не на шутку перетрухнувший Василь Василич не стерпел жуткого одиночества и опрометью рванул к бабе Мане на топчан.

Где-то по соседским дворам звенели разбитые стёкла, хлопало и бухало, скрежетало и крушилось. В саду невыносимо стояли яблони, градом бились, тукали о шиферную крышу амбара содранные ураганным ветрицей «наливы» и «медовки».

— И куда он только запропал? Канул и никому ни гугу, нагородит потом побывальщины с три короба, начнёт антимионии разводить... храни его Пресветлая, — сердчая, а больше страшась за деда, балакала Маня в кромешной темноте с забравшимся под одеяло в её ногах Василь Василичем.

И вдруг — у Мани даже сердце захолынуло — иссиня-белым, пронзительным светом пыхнула, растворилась ночная темь. На долю секунды. Точь-в-точь как неделю назад, войдя в чулан, допялась бабка до выключателя, а лампочка щёлк, и вдрызг, на мелкие осколки. Правда, благодаря её мгновенному свету Маня потом уже наощупь сподобилась сдёрнуть с гвоздя косицу «стригуновского», прихватить для Тишки кубан вчерашней кислушки.

Этой мгновенной зловеще-синюшной вспышкой озарилось всё стариковское подворье. Жуковыми очертаниями проявились клетки и сараюшки. Диким, «незнаёмым» зверем, уронив по ветру обычно вздыбленные при безделье оглобли-рога, тарашилась, вытолкнутая бурей на серёдку двора, трухлявая дедова телега. А бережно сложенного под навесом, с трудом отвоёванного у засухи стожка новолетнего сенца и вовсе не видать — «наушшал» размётан от калитки до порушенного крыльца.

Не успела Маня очахнуть от этой страшенной вспышки, как в ещё жутче сгустившейся темени на левом берегу пруда, над самыми коровниками так бабахнуло, что на смятые, полёглые бархатцы палисадника из подгнивших рам бабкиной хаты посыпались вконец расшатанные стёкла.

И тут истрепавшаяся ветрищем небесная ряднина не устояла, прорвалась прямо над хутором! Казалось, на очумевшие от непогоды избы, на разнесённые в щепки леса, на полёглые поля обрушилось, хлынуло нещадными потоками само небо.

Но даже сквозь всё нарастающий шум Маня смогла слышать, а может, опять почуять, что за прудом полыхал скотный двор. Обезумев, истошно ревела скотина, вырываясь наружу, крушила летние навесы и загороди, слышала она и как, надрываясь, матюганились, орали друг на дружку мужики: «Петро-о! Воротину-то, воротину ширше распахни! Ядрёна вошь! Что ж ты молчишь да гляделками хлопаешь! Ай с перепугу языка лишился? Пошшшевеливай! Залучай! Не пушай к торфяным ямам! Захрястнут, трактором не вытянуть! Тамотка и окочурятся!»

Уже по свету, когда в тяжёлых муках родился Ильин день, ураган перешёл в обычный летний дождь, и Василь Василич, хоть и не уважал он эту мокрень, но, как воспитанный кот, спровадился излить свою печаль до ветру. На истерзанной заре объявился, наконец-таки, — в сапогах жмыхала водища — Тишка.

Вошёл, покрестился на Красный угол. Пододвинув табуретку поближе к Мане, измочаленный и, как обычно бывало после тяжкого, но важного дела, довольный, доложил: «Слава Богу! Кажись, всех собрали. Правда, одна-таки подвихнула ногу, да ещё пару в подпалинах... Но ничего... Там сейчас Кузьмич. Он витинар толковый... А ты-то как тут, Манечка? Ты гляди, держись! Чтоб к зиме у меня, как молодая молодка была! Всем помогаешь, а у самой — то понос, то золотуха!.. К кому ж на Бабы Взбрыксы соседи с гостинцами понайдут?.. Опять, небось, пряников узорчатых понаташшут — не подьесть».

НА СВЕТУ

Сей добро, посыпай добром,
Жни добро, оделай добром.

Русская народная поговорка

За какой-то надобностью, скорее всего, дожидаясь пропавшего в продрогшей мороси автобуса, а значит, кого-то встречая, в ареоле света перед захудалой — два столба да на-

---

вес — деревенской автостанцией стоит сухонькая старушонка. Я даже вздрогнула: настолько обличем схожа с моей, давно отошедшей к Господу, Сергеевной! И росточком — точно-точно она, и — самое главное — её, бесконечно родные, глаза. В них — та же память... та же бездна грусти.

Именно по глазам, казалось мне всегда, можно отличить женщин того поколения, народившегося в разруху Гражданской, выжившего в Отечественную. На их бедолажные бабские плечи выпало и полуобморочное голодное житьё, и коровье ярмо, впрягаясь в которое поднимали они на Орловщине послевоенные пожни. Когда я всматриваюсь в глаза бабушкиных погодок, не возникает сомнения: так смотрела испокон в лихолетье Русь.

И так же, как и у моей родимой, вокруг головы этой старушонки поверх тоненького белого подшалка накручена цвета томлёного молока белокрайка. Меж верхних пуговиц на груди «плюшки» — овечьи вязанки, а на лавке рядышком — авоська со ржаными кирпичиками и крупными маковыми баранками. На заострившемся старческом плече прилажена склизкая орешина, на ней — ситцевый, из линялого платка, невеликий узелочек.

Боже ты мой! И узелок — знакомый-перезнакомый! Сколько добрых воспоминаний, дорогих минут жизни связано с ним...

Вообще-то, узляк — вещь знатная! Ведь ещё издревле, ещё с былых времён и крупное, и всяческую мелочь носили на Руси именно в платочных узлах. Бывало, бабуля, собираясь куда-нибудь из дому, никакой иной сумки не признавала, всё-то приговаривала: мол, деды наши смекалистые, ещё когда-когда сообразили, что платок — придумка наиважнейшая, да и торбочка что надо: и тонкая, и лёгкая, и места мало занимает, сверни её, да хоть скомкай, — и в карман.

По правде сказать, у меня и сегодня ещё и в чулане, и в кладовке хранятся на чёрный день узлы. Со всевозможным бабьим тряпьем, хархарами и хламом. Вроде, уже и не нужно, а выкинуть жалко.

А что до прилаживания платка или какой иной тряпицы под сумку, так тут дело самое простецкое, и выеденного яйца не стоит: расстилаешь лоскут, в центр его укладываешь всё, что необходимо, потом завязываешь углы каким-нибудь излюбленным привычным перевоем: хоть крест-накрест, хоть глухим, хоть бабьим, хоть самым наипростецким. А ещё, помнится мне, узелочки бывают прямые и растяжные, петельные или репушкой (бантом).

Затянул, значит, концы покрепче — вот сумка и готова. К тому же — верхний узел одновременно может служить руч-

---

кой. Похочется: в руках ношу неси, а то зацепи, продень под этот крайний узел посошок — да и на плечо. Легко и удобно.

Как сейчас вижу: подымается бабушка по нашей крутой улочке из сельпо, а я уж и все глаза проглядела. Заприметив её издали, срываюсь от калитки, бегу навстречу — узелок с гостинцами поднести. Знаю наверняка: какой-нибудь вкуснятинки бабуля обязательно прикупила!

Усядемся с ней на крылечке, развяжет она свою ношу, что самобранку расстелет: тут тебе и жамки-пряники мятные, и конфеты-подушечки карамельные, а рядышком — до кучи — и отрез штапелю мне да маме на платья, а из остаточка фартук себе свостожит. Радости-то, радости!

Да... Интересно, а что у этой старушки, так похожей на мою родную, в узелочке? Наверно, дожидаясь желанных гостей, тоже приберегла копеечку со своей невеликой «пенсии» к дорожному дню на гостинцы. Вышла загодя, потопталась в магазине, вынула «с груди» носовой платок — тоже «вузлячком».

Расшедрила-ась!.. Ничего не позабыла: для внучат сласти, для дочери — Зина продавщица присоветовала: мол, всегда в нашей бабьей жисти сгодится — шалка шерстяная разбукетистая. Уложила на середку платка, туго-натуго, чтоб, не дай Бог чего не просыпать, затянула концы.

Перебрав глазами выходящих из нашего автобуса, старушка, то ли чтобы убить время до прибытия следующего «пазика», то ли чтобы спрятать росные глаза от знакомых, скинув посошок, прилаживает узелок на авоську и бредёт к кромке, облепленной палой листвой, не просыхающей даже к Петровкам, пристанционной луже. Подзаборная собачонка, склонившись над ней, с голодухи лакает стекленеющую муть. Сполоснув аккуратно подвёрнутые у голенищ литые резиновые сапоги (все приезжие уже разбрелись по пустынным улочкам деревни), старушка снова замирает в терпеливом ожидании.

А у меня, как наяву, опять перед глазами моя бабушка... Увяжет, бывало, она в узлишко харчей: ещё тёплую — печь-то спозаранку истопила — шершавистую, но такую вкуснющую краюху, перемотанный по горлышку пёстрой тряпичей кубанчик кваску, пяток яичек, лучку-укропчику, парудругую томлёных карасиков и спровадит меня в покосы: «Чай, мужики-то изработались, пора и поутречать». Перекину, ну, точь-в-точь как бабуля, кормилец-узелочек на палочке за

спину — и в Плоскую лощину. Домой возвращаюсь опять-таки не впустую — полон узелок шавеля да поплавушек. Настряпаем с бабулей зелёных щей, накроем домашних жарёхой из грибов.

Вот так жили, помогали и нам поживать в нашем доме бабулины узелки да узелочки. Один из них особо памятен нашему семейству. Все знали — разве такое позабудется? — был в бабушкиной судьбе неподъёмный узел со страшной ношей. Ни запить ей, несчастной, тот апрельский день сорок третьего, ни заесть... Принесла она в том жутком узле сама... никому не доверила... в снятой с разом поседевшей головы бело-крайке останки своего двенадцатилетнего сынка Петруши, подорвавшегося на немецком снаряде.

Какой бы ни была та ноша тяжкой, она была её... и нести надо самой... так порешила тогда горемычная. Обезумевшая, падая и подымаясь снова, донесла она дорогой узел до хаты, как и несла потом смиренно свой тяжкий крест до последней черты. А пока... что ж пока? Надо было как-то выживать, коли определил ей наперекор всем горестям оставаться ещё в земной юдоли Господь.

И каждый год на Пасху, на Троицу, на Спас — это уж обязательно! — а сколько несчётных дней ещё — никто не ведает, протопала она на хуторской погост (а я за ней — хвостиком) с водружённым на палочку узелочком. В нём для сынка — то крашенки с куличиком, то «белые наливки» да «пипинки», а то — просто кусочек сахарку. Мол, «рази ж перепадало дитёнку под немцем сластенского?»

Стоит, ёжась от ноябрьской стужи, на захолустной деревенской станции старушка. Если не приглядываться — один в один моя Сергеевна...

За пределами прифонарного пяточка пучится крошечная мга, в ракушечнике бьёт крылом и плачет-надрывается какая-то ночная птица. Накатывает промозглый холод, подползает слякоть, а здесь, на свету, кажется, тепло и уютно.

Измыканная, затурканная бродячая собачонка, слоняясь по станционным задворкам, догадывается, наконец, прикондылять на пяточок «погреться». Пристраивается поближе к женщине и заискивающе засматривает своими масляными глазами в подслеповатые старушкины глаза.

Та, не выдержав взгляда, покопавшись, вынимает буханку-кирпичик. Глаза её оживляются, теплеют, и она отламывает треть, протягивает псине. Нежеванный кусок с лёту исчезает в изголодавшейся пасти. Тогда бабулька снова ныряет в свой узелок. Заглянув в его нутро, отщипывает от чего-то (не разглядеть сквозь замызанное автобусное оконце) —

видать, от прихваченного в дорогу на перекус, и скармливает животинке.

С любопытством наблюдаю за немым диалогом под фонарём.

Спустя несколько минут старушка, сжалившись, лезет ещё за буханкой и, махнув рукой, отрывает добрую половину. Обрадованная псинка, виляя хвостом, нетерпеливо ждёт.

Когда в её ненасытной утробе исчезает и этот ломоть, бабулька — да чего уж! — выдаёт и остаток.

Подкормившись, дворняга доверчиво пристраивается у ног благодетельницы, надеясь, что наконец-то закончилась бродяжья жизнь и сыскалась её хозяйка, наконец она кому-то нужна.

Склонившись, старушка гладит бедолагу по лохматой голове, чешет за ухом. И говорит, говорит что-то дрожащей от неожиданного участия страдальце.

Так они и стоят в ареоле света, одинокая бабулька и приبلудная, никому не нужная, непонятно зачем появившаяся в этот мир бездомная псина.

Автобус взрыкивает и несёт меня просёлками сквозь ноябрьскую темень к родительской деревушке, закотившейся за тридевять земель от городской суеты в места, напропалую позабытые начальством, но от которых, как мне думается, намного ближе до Бога.

На усталые колёса накручиваются ухабистые, непролазные вёрсты, и сами по себе, словно петельки на вязаной пуховой рукавице, всё плывут и плывут, цепляясь одно за другим из далёкого детства, выстраиваются в одно большое, тёплое и светлое, точно «кубинетиковое» лоскутное одеяло, воспоминания о моей бабушке, о бездонном её узелке, о необъятной горé добра, хранившегося в нём.

Чистыми крупными хлопьями с небес опускается первый в этом году снег. На душе легчает. Даже насморк затихает. Может, от того, что прихватила с затерянной станции и увожу с собой частицу света от заброшенного фонаря, частицу его тепла? Может, не бездомную собачку, а меня только что приласкали и пожалели в этом холодном и чужом мире? А быть может, и мне перепало из старушкиного узелка что-то, на первый взгляд, не Бог знает что необычайное, но, оказывается, до сердечной боли, до перехвата в горле необходимое.

НА СЕНОВАЛЕ

Белым наливом скатывается за Васютиным амбаром в седые лопухи переспелая луна. А где-то там, над ольховниками Коровьего болота, ей на смену уже вызревает, вот-вот рас-

---

кроется — только не проморгай! — огненный бутон чудодивного золотистого цветка. Вёдро. Не тянет ни дождём, ни сыростью.

В парном июльском ветерке ситцевая в голубенький огурчик занавеска чуть колышется. Ушлый комаришка всё-таки сыскал лазейку, проскользнул к Митьке под полог, обустроенный мамкой ещё под Троицын день, и вот теперь, спозаранку, когда проявляются самые невероятные видения, самые желанные сны, этот неотвязный паршивец наинаглейшим образом докучает и докучает парнишке гнусавым зундением, «ну прям-таки утерпежу от кропивца нету».

С бакши слышится равномерный хруст. Это бабушка, подобув на бурки галоши, бродит по росным грядкам, хрюпает, набивает для подсвинка Ерошки хоботную плетушку молодого, переполненного соком, ослизлого свекольника. Запах нечаянно растоптанного огуречника смешанного с ядрёным укропным духом прокрадывается сквозь щёлки сеновала, вползает в Митюшкины полуосыпавшиеся сны.

«Поспишь тут, как же!» — пыжится мальчишка, накрывает голову подушкой, пытаясь зацепиться хоть за краешек ускользящей ночи. Но опять незадача — изодранные вчера в бабки Зининых крыжовниках руки так чешутся, так чешутся — мочи нет. С вечера завернули с дружкой Тимкой справиться, не подошла ли на углу её захолустного сада «дулька». Мальчишки сквозь этот сад, как сквозь свойский, зажмурясь, пройдут. Груша пока ещё каляна-а-я! А крыжовник — ничего, в самый раз, только потемну уж дюже лих. И цыпки на пятках, будь они неладны, — чешутся заодно с зарапинами на пальцах. Хоть мажь их бабуля гусиным жиром, хоть не мажь, — Бог даст, может, хоть к Покрову отпадут.

— Хррр! Хррр! Хррр! — скрипит сарайная воротина.

— Вот так каждое утро! И какого рожна ей не спится? Сколько раз обещал себе накапать в петли машинного масла, да где тут! Опять забыл! Теперь вот слушай её песни на свою шею, — ерошит себе волосы, бубнит невыспавшийся Митька.

— Ммм! — Глафира обмахивается хвостом, не даётся доить.

— Ай ты нынче белены объелась? — доносятся до Митьки мамкины строгие-настрогие укоры, а потом ласковые-преласковые причитания. — Опять подойник наподдала, — жалобится она подошедшему Лукичу, своему мужу, Митькиному отчиму. — Витинару, что ли, показать, может, с вымям что приключилоя, вишь как бьётся?

Тянет Лукичовым «беломором», слышно, как он, покашливая, спроваживается под сарайку сготовливаться на сенокос.

Вообще-то мужик он ничего. И рыбалить Митьку научил, и велик с полочки обещался.

«Как папка сгиб в Чечне, мамка совсем было разумом помутилась, — припомнилось Митьке. — Кто знает, как бы сложилось дальше, если б не этот вдовый Лукич. Мамка в нём прям-таки души не чаёт... Да и меня он не забирает... Небось сживёмся!»

Вжик-повжик! Вжик-повжик!

Ишь дедкины пчёлы расчепали под Кулигой — греча зацвела, и с неё уже с неделю как мимо сеновала таскают к себе в ульюшки взяток. К Сергову дню, глядишь, дедуня и медогонку из чулана выкатит.

Пчёлы всё жукают и жукают. С полудрёму Мите уж и не разобрать: то ли они, заботные, взад-вперёд носятся, то ли мурчит бабулина маслобойка.

День-день-тирли-день! — бойко заплескалось из-под сарая. Лукич правит косы.

Ну, теперь уж точно рассыпался Митькин сон. Босый, на плече мятой тряпицей клетчатая рубаха, он шнырко спускается с сеновала по шаткой лестнице на почти подсохшие подорожники двора. Чтобы окончательно очухаться от душной июльской ночи, из притулившейся у крыльца дождевой бочки Митя брызгает на ходу пару пригоршень утренней прохлады на лицо, на голую грудь. И, взбодрясь, влетает в кухню.

Вернувшаяся из курятника бабуля — в подоле фартука с пяток яиц — жалобится ему на рябую курицу: мол, всё никак не угнездится «нескладёха», в который раз подкладень раздавила. Отсерчав, старушка ставит перед внуком приберегавшуюся в сугреве, на загнетке, тарелку с ещё дымящимися блинами, поддвигает миску со сметаной и снова — прямиком к печке. Митя — один румяненкокий блямс в сметану и скорее — в рот. Остальные, с десяток, закатывает в трубочку, суёт тёпленькие за пазуху. Бабуля ещё настряпает — в плошке эвон сколько теста!

Э-эх, кабы шапка-неведимка, пролизнул бы мимо бабули тихонечко!

Парнишка чмокает старушку на бегу, пока та не одумалась, и исчезает за дверью, прежде чем услышать надоедливый («для хороших мальчиков») «молебен».

— Обедать-то, юла, отышшысь, пирог твой любимый с карасями затеяла, а то избегался, всё в сухомятку, кой на чём. Ишь ты, ужаленный! — выглядывает из растворённого

окна бабулино смуглое с белесыми лучиками у краешков глаз лицо. Добрейшая старушка грозит внучонку блестящим от масла пальцем.

— Гоп-ля! — прихватив футбольный мячик, Митя спроваживает с горы к Филькину плёсу гомонливый табун уже подросших, оперившихся гусей. Верховодит ими здоровенный серый вожак, шишконосый Пугач, задира и буян, каких свет не видывал. Всё норовит эдакий расканалья супротив Мити заартачиться.

Неслухи, оставив на полгоре своего хозяина, расперивают крылья, мягко планируют над поросшей анисами стёжкой, над куртинами фиолетовых шалфеев и золотистых болиголовов, будоража шёлковистую водную гладь, плавно оседают на жёлтый сыпучий песок плёса, на противоположный, левый, низменный берег.

Сверкнув белыми, один к одному, зубами, мальчишка улыбается бойкими, приветливыми глазами, футболит в подгорье мяч. И, как заправская птица, расставив в стороны руки-крылья, срывается следом, летит за своими подопечными.

Золотистое — аж глазам жарко! — солнышко, словно смазанная яичным желтком, поджаристая бабулина лепёшка, катится вдогонку за Митей.

Впереди большущий летний день.

БУРАН

Ещё в начале сентября дед Нехай выпросил себе у лесничего в дальнем бору на топлю сухостоя. Думал, за бабье лето дело соспорится, но, видать, не тот уже стал дед. А бывалото, торф на болоте копают, в одиночку выдёргивал из трясины захрястнувшую телегу вместе с конём.

Ну, так вот, проваландался старик с порубкой, не много не мало, до самого Покрова. Заготовил, конечно, изрядно, до травки с избытком хватит. Сложил брёвнышко к брёвнышку — Нехай ещё тот аккуратист! — а домой перевезти так и не успел: последнюю неделю, как назло, то ливанёт дождь со снегом, то обрушится снег с дождём. А в лесу, шутка ли дело, — день-деньской под такой мокренью? И расхворался, рассопливился дед.

Провалялся в лихорадке аж до ноябрьских. Ниловна его своими леченьями вконец измучила. Разотрёт, бывало, бараньим жиром, напоит липовым-мятным взваром, напаялит овчинный тулуп да валенки, с печки все подстилки сдёрнет и закатит деда на жаровые кирпичи. Сама ж угнездится с вязаньем на телятнике и стережёт: ни за какие коврижки,

---

хоть плачь Нехай, хоть матюганься, пока не пропотеет, не выпустит.

Но сколько ж в безделье прохладиться? Дед встал на ноги, как раз школьникам на осенские каникулы распустили. А тут радость старикам нечаянная подвалила — привезла к ним дочка из города на пригляд (сама-то всё в работе) младшенького Ванечку, шестиклассника.

Пока дед чихал да кашлял, упали снега, без Нехая по перепутку уж и просёлок пообкатали. Погоды стояли задушевные — мягкие. Лёгонький морозец, солнечно, тихо.

— В санях бы прокатиться! — умасливал деда внук.

— Чего ж попусту коня-то гонять? Завтра за дровами в Калинов бор поеду, собирайся, коли не боишься замёрзнуть.

Дни выигрались такие ласковые, что даже Ниловна не отказала. Одеда-обула внука, словно в экспедицию на Северный полюс. И провизии собрала корзинку под завяз — на Маланьину свадьбу. Так, знамо дело, на вольном духу есть ещё как хочется!

— А и то правда, поезжай с дедом, унучик, и ты развеисся, и деду весельше будет. Да я ему, бедолажному, теперь и самого себя не доверяю. Пригляди-ка там за им, Ванечка, чтоб не расхлебенивался. А то, жаркий, тулуп-то скинет и станет грузить враздёжку. Возись с ним потом до Роштва. Ай мне заняться больше нечем? — ласково ворчала старушка, провожая своих мужиков «в работы». — Да калинки, калинки, покуль дед управляться станет, пощипи, милай. Тамотка её, в Калиновом-то бору, завсегда видимо-невидимо. Теперь её морозец поприжал, вкуснюща-я-а! Пирогов вам завтра наварнакаю, киселю настряпаю.

Конечно, всё бы так и случилось: и уплетал бы Ванюшка бабушкины румяные, с золотистой хрустящей корочкой пироги, и шлёпались бы в чашку, выплёскиваясь из кубана вместе с киселём, кисло-сладкие ягодины, если бы внезапно — и какой лихоманец её только принёс? — на обратном пути (дед с внуком уже и в лозняки Егорьевой лощины спустились) неожиданно-негаданно выкатилась из-за хутора Степного и поползла над заброшенным полем, цепляясь брюхом за молодой самосевный сосённик, огромная, в полнеба, снеговая тучища.

Белое чудовище кучилось, продвигалось своей могучей тушей на удивление стремительно. Так, что ни Нехай, ни Воронки уже, как бы они ни хотели, а не осилили выскочить из-под неё в ускользящую спасительную полосу Божьего света.

Громадный снежный зверь метнулся в последнем прыжке к горизонту и проглотил вечернюю зарю, бившуюся изломан-

---

ными окровавленными крылами где-то в чашобинах Дмитровского леса.

И ахнула кромешная ночь, и ударил со всей своей неистойвой яростью беспросветный буран. Сорвались, озверело налетели, словно ненасытные цепные псы, чистопольные ветрищи. Осатанели, рвали зубами раздольные воздуха, свирепели и визжали, в белой кипящей мгле вздымали до небес рыхлые неслежалые снега.

Продвинувшись версты две, не боле, сбившись с дороги, Воронок встал как вкопанный, захрапел, заупирался. Вглядывайся, не глядя — не рассмотришь ни малейших ориентиров — ни лесочка, ни кусточка. В диком, адовом котле небо смешалось с землёю. И спереди, и сзади, да куда ни кинься — кипела, клокотала лихая круговерть. И не видать ей ни конца ни края.

Нехай — человек бывалый. И не из таких передраг выбирался. Чего только не доводилось повидать ему в своей крестьянской жизни! И сейчас он мужицким своим чутьём знал наперед, что бы сделали его и дед, и отец, попав в таковскую переделку.

Закопав мальчишку в прихваченное на корм Воронку сено, дед спешил и, чтобы не унесло его, сухопарого, на край света, обвязав себя вожжами, принялся скидывать накрашенные на сани брёвна. Дело спорилось: ломать, как известно, не строить. К тому же, буран с великим рвением пособлял Нехаю: подхватывал и пожирал, раскатывал дрова по непроглядной свирепой пустыне.

— Пожил — восьмой десяток разменял, — приговаривал дед, — а Ванюшку, конечно, жалко... У него, сердечного, вся жистюшка тока-тока налаживается.

Воронок отказывался тянуть даже пустые сани. Встречный ветер подсекал его и валил с ног, хлестал, словно кнутом, по морде, застёбывал бешеные навывкате глаза.

Стыла кровь от вида рассвирепевшей зимней стихии, затмившей весь белый свет. Нехай, цепляясь за оглоблю, дотянулся, схватил коня под уздцы и, развернув его по ветру, потянул за собой. Сколько они так прорывались сквозь непреодолимую мятежную стену, а может, и вовсе — стояли на месте, и буран сам, своею могучей силой, носил их по раздолью, старик не ведал — потерялся во времени. Часли прошёл, пять? Ночь ли ещё верховодила или разродилось непроглядное чудовищное утро?

Как же кляла себя Ниловна, что отпустила по зимнему пути за столько вёрст малого внучонка.

За стенами гудел ураган. Не зажигая света, в отблесках лампадки, бродила старушка из угла в угол, терзалась, не находя себе места.

— Да что ж я, разэтакая, натворила? Сгибли, сердешнаи! Как же я ответ стану перед Ниночкой за унучика держать? Дак и деда жалко... Как не пожалеть? — почитай, полсотни годков бок о бок трёмся... Убить меня, старую дуру, мало!

Истерзав вдоль и поперёк свою душу, Ниловна то принималась голосить на всю хату, то падала перед Пресвятой на колени, неистово шептала:

— Путь и истина сый, Христе, спутника Ангела Твоего рабом Твоим ныне, яко же Товии иногда, послы сохраняюща, и невредимых, к славе Твоей, от всякого зла во всяком благополучии соблюдающа, молитвами Богородицы, Едине Человеколюбче. Аминь.

Хоть и не из робкого десятка был старый Нехай, а только и у него, того гляди, упало бы сердце, нет, не от холода, а от великого, всеразрушительного страха, если бы, наконец, Господь не смилостивился над ним, а скорее всего, пожалел он безвинную душечку, внучонка его Ванюшку.

Куда их вынес страшный ураганище, Нехай сразу и не догадался, об этом он узнал только на другой день, а пока, уткнувшись в громадный омет, который даже такому бурану не достало сил разметать, дед несказанно обрадовался. С горем пополам завёл он в маломальское затишье Воронка. И из последнего духа, в разраставшемся с каждой минутой буране, принялся обустривать спасительную берлогу. А потом, затащив вовнутрь её полуокоченелого Ванюшку, не отвязывая от пояса вожжей, завалил соломой лаз. Буря бесновалась и беспредельничала ещё очень долго.

К рассвету стихия заластилась-заластилась, будто нашкочившаяся псина, а потом и вовсе улеглась. Когда отогревшийся в стогу Нехай, накормив ожившего внука, выкарабкался наружу, ахнул: ни путей, ни дорог, сплошная белокипенная равнина — ни ям, ни оврагов, ни лошин.

— Ну что, внучок, — кивнул он выглянувшему на вольный дух Ванюшке, — не пора ли до хаты? Вишь ты, куда нас куролесица-то завинтила: вёрст десять влево забрали, хочешь верь, хочешь нет, аж на мураевском поле, под Должонками очутились. Во-он, видишь, за лесочком дымы столбами — Старо-Гнездилово. Подыдемся мимо него вверх вдоль Кромы, глядишь, к обеду и у себя. Ниловна-то наша теперя места себе не находит из-за нас, распропашших.

— Деда! А калину-то я сберёг! Корзинку в саях под соломой прикопал.

— Ай да молодчина! Значит, всё ж таки быть к завтраму пирогам!

Уж как приклеилась к бедному псу эта кличка, никто в деревне не знает. Не знает и он сам, кто его так окрестил и откуда взялось это заграничное имя. Породистым он вроде бы с кутячьего возраста не был, да и родился от местной одногоглазой дворняги Мушки, а вот поди ж ты — Ваучер!

Ну, как бы это ни произошло, что ни говори, а звучала кличка довольно необычно для рыжего пса с нечёсаным хвостом и гирляндой репейников по всем лохмам. И он с гордостью носил её. Деревенские Полканы да Тузики, хоть и не признаются вовек, но ведь, как пить дать, завидовали ему. Что-то непонятное, недоступное их собачьему разуму, вызывающее уважение, звучало в этой кличке.

И вообще Ваучер был легендарным псом. Время от времени он попадал в какие-нибудь немыслимые истории, а потом деревня долго их перемусоливала. Слагались целые легенды о приключениях Ваучера.

У щенков разные бывают в детстве игрушки: мяч, прошлогодняя косточка, а у него — в ассортименте все бутылки, которые только можно было купить в деревенском сельпо. С малых когтей, со щенячьего молочного возраста, он, как погремушками, увлёкся звоном бутылок и катал их днями напролёт по замызанному двору. Эту привычку он и по сей день не оставил, а сохранил, развил, и даже имел к ней особый интерес, и извлекал из этой привычки выгоду.

Дурно пахнувшие бутылки он не любил, уж больно горькое содержимое, а вот из-под газировки Ваучер облизывал, как мороженое, и даже сворачивал свой длинный язык в трубочку, стараясь проникнуть как можно дальше в ёмкость и выудить последние драгоценные капельки десерта.

Но были ещё бутылки с какой-то пеной на донышке. Она щекотала нос, дурманила его собачье сознание, ему становилось беззаботно-хорошо, и он с задорным лаем начинал носиться из конца в конец деревни, нарываясь на всевозможные приключения. Именно ее, с ласковым, согревающим названием «Пиво» и обожал Ваучер, и даже пристрастился к ней, как к любимой, зачитанной до дыр, книге.

Не справедливо будет не упомянуть о том, кто одаривал его ежедневно столь вкусными подарками. Личность, в своём роде, тоже весьма легендарная. Каков пёс, как говорится, таков и хозяин. Его кормильцу и поильцу Петьке Карякину какой-то майор в порыве страшного загула однажды пропил, а может быть, просто подарил своё обмундирование. Петька был несказанно рад этому своему приобретению. Ис

того дня, не снимая даже на ночь, ходил в полной офицерской амуниции. На кителе горели майорские звёзды. Деревня с пониманием относилась к необычной карякинской одежде и приветствовала его, всегда вскидывая руку к виску, как положено, по-военному. Участковый давно не обращал внимания на Петькины безобидные выходки, а эту воспринял даже одобрительно. Форма, по расчётам выдавшего и не такие выкидоны участкового, должна была Петькину забубённую головушку дисциплинировать.

Ваучер знал, что в кармане хозяйских, уже изрядно потрёпанных брюк всегда можно обнаружить баранку. Было ей от роду, вероятно, столько же, сколько и самому Петьке, Карякин её никогда не ел. Почему? Ответ на этот вопрос он и сам не знал. Может, боялся отравиться, а может быть, по причине некусаемости. Поднесёт к носу, понюхает после стопочки, и опять в карман.

С той поры как хозяин начал носить одежду с блестящими пуговицами, Ваучер стал ощущать себя мобилизованным псом. А иногда, особенно в то время, когда Петька рыскал по деревне и искал, у кого бы опохмелиться, а лавка и пивнушка ещё не открылись, Ваучер при таком карякинском темпе представлял, что они преследуют преступника, и тогда любому не внушившему доверия прохожему доставалось от Ваучера сполна.

Где-нибудь к обеду, проспавшись, в помятой форме, выходил на крыльцо такой же помятый Петька, и Ваучер начинал вместе с ним делать обход своих владений, помечая вслед за хозяином углы изрядно подгнившего забора. В этот момент он ощущал себя, скорее всего, пограничным псом и зорко стерёг соседского, изодранного ещё с прошлой весны, кота Тимоху, облаивал всеми, какими только познал от Карякина по существу дела выражениями, и спраживал его за границу, то бишь обратно на огород к вечно чуть-чуть беременной доярке Маньке, у которой не раз лакал в спрятанном за крыльцом ведре ворованное колхозное молоко.

Манька эта — нос крючком, глазёнки суетливые — по причине своего зловредного норова неоднократно обливала его хоть и жирными, но всё ж таки помоями. Несговорная баба эта, казалось, готова была несчастной псине горло перегрызть. За словом в карман посылать её, тархтелку, не надо. Язык у Маньки — помело корявое, а не язык: «У! Буржуйская морда! Башка облезлая! Справная скотина! Ишь, развалился тут, как свинья перед опоросом! Эмигрант хренов!» — очевидно, намекала не без яда на его иностранную фамилию.

Мухи потом, унюхав на нём остатки Манькиных разносолов, до вечера не давали ему покоя, пока он решительно не отправлялся на пруд. В общем, соседка ненавидела его всей душой ненавистью, то ли из-за укороченного им ровно на половину Тимохинского хвоста, то ли она вообще была за дискриминацию собачьего рода в самом ближайшем будущем.

Да и с собственной хозяйкой отношения у него как-то сразу не заладились, а теперь из-за его какого-то не совсем собачьего пристрастия всё больше портились. Она почему-то не любила всё то, что обожали они с Петькой, и имела одну очень странную привычку. Нормальные люди закапывали на огороде в лунки картошку, а она, в основном, под кустами смородины, причём каждый раз под разными, по непонятной для Ваучера причине, — бутылки с самогоном. Пёс, пораскинув своим умишком, пришёл к выводу, что игра у хозяев такая особая. Она прячет, а Петька потом долго ищет.

Не раз Ваучер был порот ею, злодейкою, нещадно за то, что помогал своему хозяину, откапывая эти злосчастные бутылки, в самый подходящий момент, прямо под вечно шатающиеся ноги своего кормильца.

Пёс нёс свой крест во благо Петьке (вообще-то человеку ласковому) и его незамысловатым желаниям. Но вот однажды жизнь его дала трещину, и всё пошло наперекосяк. Пороли Ваучера не раз в его собачьей жизни. Но чтобы собственный хозяин! Ведь они так ладили и совершенно без слов, на одном невнятном мычании понимали друг друга!

Однажды Карякин, насмотревшись по телику каких-то забастовок, объявил домашним голодовку в связи с непривычностью трезвого положения. Жена это положение не изменила ни на градус, и тогда, задыхаясь от злобы, втихомолку Петька залез в подпол, плюнул, выругался и забил люк изнутри гвоздями, выдвинув при этом многозначительно ультиматум: «Выйду, когда через воздуховод на верёвке поллитру с огурцом спустите!»

Сидел до вечера, орал: «Врагу не сдаётся наш гордый Варяг!», а потом затих. Может, заснул, а может быть, просто охрип, но жена заволновалась, послала за зятем Колюней: мол, надо бы перекинуться с глазу на глаз. Но завидев шатающегося зятя, выставив-таки поллитровку, окончательно махнула на мужиков рукой.

Ну, дело-то хозяйское. Петька вылез из подпола и, довольный победой, приговаривая: «Сама виноватая», — расположился на твердых воздухах вместе с зятем, детинной саженного роста, под грушенкой, в беседе. Не пропадать же добру?

...Показалось мало, и скорый на это дело зятёк сбегал в село. Усугубили... Хорошо усугубили.

Уж и солнце закатилось за облившуюся чернилами стену придорожных акаций. А они ещё не управились — куролесили до той поры, покуда уже зловредное комарьё кинулось наседать на всё живое. Дошло и до частушек. По всему видеть, языки развязались, как следует.

*Раньше были времена,
А теперь — моменты
Даже кошка укота
Просит алименты!*

С крыльца сверкали молниями глаза хозяйки. Наконец, не выдержав, она, подобрав подол юбки, двинулась на штурм. Колюня, предчувствуя неминуемую свару, хватъ бутылку со стола и в сирень, за лавку. Разбросав по траве огурцы, лук и сало, гроза скрылась. «Сшумнула, Колька, накатывай», — бойко стрельнув глазами и ткнув Кольку в бок, заторопил Карякин.

Зять конфузливо щупал под лавкой бутылку. Что за чертовщина, сам же положил! Стал на четвереньки. Ну хоть бы пустая была! Начали расследование, может, кто потихоньку палочкой откатил? И тут за кустом мелькнул Ваучер с бутылкой в зубах.

— Ну, стал быть, пасиба! Это уж слишком! Это ж какая наглость — красть у собственного хозяина! Не я ли тебя холлил, кормил, паршивец! Ваучер, вернись! Поднесём, сукин сын! Ваучер!

Ваучер вернулся только к ночи. Следом за ним отыскались, кряхтя и сгорбившись, измученные Петька с Колюней.

— Экая ты безмолвная скотина, Ваучер! Сразу видать, не людского роду-племени, жжжестокосердной — вот ты какой по крови! Ни Богу свечка, ни чёрту кочерёжка! А ещё притворялся курыбчиком эдаким! Хоть намекни, куда ты задевал бутылку-то? — грузно шлёпнувшись перед псиной наземь, лебезя, мучил его расспросами Карякин.

Ваучер, оглядывая мужиков осоловелым взглядом, то непритворно пьяно ухмылялся во всю плутовскую морду, то насмешливо-обидно скалил зубы. Вот тут и сорвался Петька, этого нахальства он уже стерпеть не стерпел. И закатил псине настоящую взбучку.

— Это ж какого алчного змеищу, волчью душонку на груди пригрел!

— Вот так пощёчина! Вот так оплеуха! И это за неохватную преданность! — заскулил было Ваучер, но потом опомнился, голыми руками его не возьмёшь, завывобенивался. — Фигу тебе с маком под нос! Чего речи странные мелешь, бессовестная рожа? Знаю, знаю, трындельщик-то ты высшего разряда! Типун бы тебе на язык!.. Безменом бы тебе, дурносмеху, по башке за таковские словеса! — стыдливо прикрыв лапой морду, набычился и потерял радость Ваучер. — А вообще-то надо всё ж таки завязывать, а то ведь сгорю от зелья этого растреклятого! — Всё ещё строя жуткие гримасы, но уже просветляясь и овладевая собой, подумал Ваучер.

КРЕСТИНЫ (Быль)

Город моросит дождём переспелой листвы. Из-за набухшей мги она кажется бархатно-пушистой. Зная, что не люблю дорог, подруга заботливо, словно капризного ребёнка, усаживает меня к автобусному окошку.

— Чтоб не ворчала. Налюбуешься, вдруг что-нибудь напишешь, — объявляет она ободряюще.

Выскочив за окраины, автобус трусит навстречу багряным пожарам, мечущимся от перелеска к перелеску. Осинки, ещё дремлющие в рассветном безмолвии, пугаются кашля мотора и роняют медные мониста в подёрнутый паутиной мордовник. Березняк, бредущий вдоль дороги, словно подгулявший богатый купчина, сыплет щедрой рукой сусальное золото. Червонцы раскатываются вдоль просёлка, бьются в лобовое стекло.

Автобус ныряет в расплескавшуюся осень. Я забываю о времени, о подруге Надежде, о том, где я и куда мчусь сквозь нескончаемый листопад. Боюсь оторвать взгляд от окна, стараюсь не упустить самое важное. Открываю для себя эту пору заново, словно листаю удивительные страницы древнего, редкостного фолианта.

Как до сих пор не замечала изысканности сентябрьских далей? Почему так не трогала меня величественная голубизна бездонных небес? А этот ёжик ржаных полей! Так и хочется погладить!

Играя цветом, осень не стесняется круто замешивать краски, пишет пастозно, не жалея материалов. Удивляет самыми невероятными оттенками. Сочетает несочетаемое, рискует, и, словно в лучшей картинной галерее, потрясает своими шедеврами.

— Райцентр. Выйдем, разомнёмся, — Надежда отрывает меня от нахлынувших размышлений, возвращает в поселковый «пазик».

Назад, на свои места, пробраться не так-то просто. Тётки с корзинами и сумарями наперевес: базарный день на исходе, пора по домам.

— Ну что, иваси, набились? — водитель выходит из кабины и, подтолкнув крайнего пассажира в салон, закрывает дверь вручную. — Полный комплект!

Но бабки жужжат, стрекочут, словно кузнечики в покосах.

— Погоди, милай! Батюшку, батюшку нашего прихвати!

Выглядываю в окно. К автобусу торопится мужчина. О таких говорят — «сельский интеллигент». Костюм, рубашка в полосочку — ничего особенного. Лишь окладистая, подёрнутая серебром борода да длинный волос подсказывают — наверно, священник. Высок ростом, статен, глаза приветливые.

Надежда, потянувшись к окну, ойкает и отстраняется.

Автобус фырчит, поднатуживается, распахивает двери. У батюшки большая поклажа. Через водительскую дверцу втаскивают и укладывают на капот перевязанную шпагатом детскую кроватку.

В первых рядах теснятся. Бойкий дед в фуфайке с ценником на боку и в шапке с наклейкой «Nike» усаживает на колени молодуху: «Кады ишо придётся к девке прижаться?»

Местечко у двери высвобождается, батюшка втискивается в автобус. Бабки свирчат, благодарят шофёра.

Проход заставлен баулами и кошёлками. Народ рассаживается прямо на них и, подковыривая модного деда, затихает под шамканье престарелого «пазика».

Батюшка стоит на ступеньке у двери и смотрит вдаль, в осень. На минутку оборачивается: «Храни вас Господь, люди добрые! Спасибо, что подождали!»

— Егорка Степанов! — шепчет поражённая Надежда, — сосед мой. Да и друг закадычный. Десять лет буквы знакомые за одной партой искали... За стенгазету с ним отвечали. Я писала, он рисовал. Потом я — на литфак, он — в Москву. Художником стать мечтал... Разлетелись... Говорили, пропал. Мать сразу слегла, не пережила, а Петрович лет пять покрепился — и за ней следом. Один он у них... Надо же! Священник! Поверить не могу... Знаешь, мы с ним за стрижиными яичками на кручу лазали, мальков хоботной плетухой по лозняку вылавливали. Записки мне на промокашках писал, позировать просил, поступать готовился. А я, дура, насмотрелась журналов, стеснялась. Думала, вон каких красавиц

рисуют-фотографируют, а я что? Нос — курнос, веснушки, что курочка пеструшка.

Надежда окунается в прошлое. Школьные проказы, турпоходы, вечера...

— Парень что надо! Сам не обидит, но коли тронут — постоит и за себя, и за других.

— Что могло так изменить его судьбу? Мечтал стать художником и вдруг — батюшка, — недоумеваю я.

— Чего не знаю, того не знаю. В нашей деревне и церквито давным-давно нет, — удивляется Надя. — Правда, как родителей перевезла к себе, редко бываю. Тётка Лиза за хатой присматривает.

Нашептавшись, Надежда придрёмывает.

Незаметно сентябрьский день соскальзывает в сливовые сумерки. Автобус рыкает напоследок, выскакивает из очердного ухаба и замолкает, уткнувшись в конечную станцию. Пассажиры оживляются, вываливаются в подоспевшую непрошупную темь. Широко разбрызганные огоньки и редкое тьяканье намекают: жилье рядом.

— Тётка Лизка, небось, группку протопила, нас дожидается. Я позвонила, что приедем, — подбадривает Надежда.

У ворот на лавочке и впрямь сидит старушка. Высмотрев нас, встаёт, всплескивает руками.

— Самовар простыл. Не дождуся вас.

Сенцы-летники. Хата — на две половины... Сидим в уютной кухоньке, чаёвничаем. Тётка, смачно прихлёбывая, угощается городскими вкусностями. За куцей осенский вечер успевает перекудахтать Надежде все события, которые та упустила за пять лет.

— Мблодежи — по пальцам счесть. Учителка, агроном ды витинар. А так — рухлядь. Притрухаваем помаленьку.

— А Егор Степанов? — вспоминает Надя.

— Об ём сказ особай... Долгай. Завтри доложу. Умаяласи нынче с вами, девки, пойду-ка до хаты. Поддувала надоть прикрыть, вьюжку задвинуть, прогорело, небось, повывдуть.

— Проводить, тётъ Лиз? — встрепенается подруга.

— От каво? Я тута на ошупь кажный уголок знаю. Руку от вашей хаты протяну, а уж вот он и мой крылец. Ложитесь, девоньки, поране, коли хотите опёнок собирать. Выходной. Завтри с утречка городские валом повалютъ и с автобуса, и машинами. А мы наперёд обстряпаем. Как забрежжить, будну вас в окошко.

И глаз сомкнуть не успели, а тётка — тут как тут.

— Я вам плетухи лё-огонькие прихватила. Васька Спиридонов знатные сработал, что пушинки. Провиант собрали?

Надежда шинкует бутерброды. Накинув материнскую плюшку, нарывает для меня в сундуке харпалёк, какие-то ботики-полсапожки. И мы, словно гуси к югам, тянемся малым клинушком на взлобок, в дубнячок, едва протупающий сквозь крахмалистый туман. Впереди по центру жожаком стаи, конечно, тётка Лизка.

...Почти вековой старушкин нюх не мог подкачать, и к полудню корзинки отяжелевают. «Закоштовавшись», режем только шляпки, оставляя ножки торчать на пнях рыжеватыми гвоздиками. Тётка хихикает: «Приежжай глянуть, а мы уж тут побывали. Одне палочки оставили».

Грибы слёживаются, утрясаются, и неподъёмные плетушки вынуждают присесть на закрайке.

— Хлипкая вы, городская, вишь, как заморились-умочалились, — подсмеивается старушка.

— А ты, тёт Лиз, будто конёк-горбунок, года к земле клонят, а ты всё по горам, по долам скачешь.

— Дык природь нашенская швыдкая, вся как ни на есть. Говорила Варваре, мамке твоей, всё ить от землицы, не срывайси, на кой ляд тебе тратувары энти? Ишо б тут, на вольном духу-то поскрыпела. Я Тимке своему питит отписала, чтоб зазря не манил боли.

Из-под крушинника выскакивает белесая коротконогая псинка — и напрямик к нашей скатёрке.

— Ишь ты! Учужала рódная! Косточки ей сберите, пушай полакомится. Батюшки нашего собачонка, отца Георгия.

Вспомнив тёткино обещание, Надежда собирается было попытать старушку о друге детства, но, раздвинув кусты орешника, на полянку выходит сам Егор Степанов.

— Присаживайтесь к нашему шалашу, батюшка, угощайтесь, чем Бог послал, — суетится старушка.

— Мир вам, люди добрые! — отец Георгий кивает Надежде. — Ну вот и свиделись, Найдёнка. Давно прибыла?

— Здравствуй, Егор! Вчера вместе ехали.

— В толчее не приметил. Надолго?

— Недельку-другую побегаем за тёт Лизой по лесам, — Надя умоляюще смотрит на меня, — все красоты наши подруге покажу, тогда и назад.

— Не меньше года понадобится. Что тебе говорить, сама знаешь.

— А ты что ж без корзинки?

— Мы с Жулькой писать ходили в Марьино урочище, — Егор кивает на этюдник. — Помнишь родничок у трёхгорбого валуна?

— Как не помнить? За ежевикой, за боровиками бегали, попить сворачивали. Ты ещё Милке лягушку в бидон под крышку посадил. Она открыла, а та: «Ква-а!»

— Да... детство... Не понимали, в каких чудных местах родились, не замечали, — Егор протягивает небольшой этюд: бор, горбатый валун. Косые лучи падают сквозь золотую листву на тёмно-зелёную воду и отражаются от неё. Свет проникает в заросли лещины, поджигает, мечет краплавовые искры. Вспыхивает кадмиевыми, карминными россыпями. Солнце играет в рубиновых серьгах бересклетов, падает в жухлые травы, пятнит и без того рябые мухоморы. С могучей липы ручьями стекает листва. Кажется, слышно её дремотное журчание.

Заметив моё восхищение, отец Георгий улыбается.

— Нравится? Тогда примите в память о наших с Найдёной местах.

— Спасибо, но мне нечем вас отблагодарить.

— Приходите завтра в храм. На крестины. Сын у меня родился. Придёте — подарок сделаете.

Егор посмотрел на Надежду.

— Знаю, о многом хочешь спросить. Что ж стесняешься?

— Неожиданно как-то... Ты! И вдруг — священник!

— Я раньше и сам бы не поверил. Помнишь, как любил живопись?

— Что же вам помешало? Надя рассказывала, вы поступили в Суриковский, — не выдерживаю я.

— Да... Посчастливилось... С первого захода... Четвёртый курс заканчивал. В пейзажную мастерскую пошёл... Приехал на майские домой. Неделю с этюдником не расставался. Все пригорки-задворки излазал.

Уезжал, мама будто чуяла, что не свидимся. Долго смотрела вслед... Оглянусь — стоит у калитки, снова оглянусь — ещё не ушла. И всё кончиком платка утирается. Так и осталась в памяти — в полушалке смородинкой, прикорнула к калитке, стоит, меня высматривает... Царство Небесное матушке.

— Царство Небесное Анастасии Петровне. Любила тебя взахлёб, насмотреться не могла, — вздыхает Надя.

— Уезжал, билетов на поезд не оказалось... Перед самым отправлением подбегает девушка, сдаёт. Я и перекупил. Видать, суждено было в тот поезд сесть, рукою Божьей начертано. Женщине с мальцом уступил нижнее место, забрался наверх... Подсели два кавказца.

Почти уснул, чувствую: тормозит кто-то.

— Слушай, друг, уважь, не обидь, посиди с нами. Отведай вина, попробуй фруктов. Всё своё, родные из аула прислали.

Как отказать? Ребята — ровесники мои... Долго сидели. Попутчики шутили, интересовались, нет ли сестры. Развернёмся, мол, засватаем.

Утра я не помню... Ничего не помню... Очнулся — в яме. Лестница наверх, решётка. В углу на охапке соломы сержант. Одного рукава у гимнастёрки нет, оторвал, другую, выше локтя, перевязал. Лицо в садинах, кровоподтёках.

— Ну что, давай знакомиться — Виктор, — с трудом проговорил он, сплюнув сукровицу.

Передних зубов не хватало, кровоточили дёсны.

— Егор Степанов, — язык не слушался, словно чужой, — где это мы?

— Не понимаешь? Высоко в горах, в чеченском ауле. Тебя вчера швырнули. Здорово накачали, думал, не очухаешься, признаков жизни не подавал. Кто будешь?

— Студент. Художник.

— Наверно, спортсмен. Крепкий. На это и клюнули.

— Харэ болтать! Новенький, выходи! Хозяин смотрины устраивает, — гаркнул сверху верзила и открыл замок.

Кое-как поднялся. Виктор пособил, насколько мог. Штормило и выворачивало наизнанку.

Горы... Скалы и ущелья... Небольшой аул. Вышка, на ней автоматчик. Куча вооружённых бородачей у крыльца двухэтажного каменного дома. Гыркают по-своему.

Белобрысый, охранявший яму, подтолкнул к крыльцу. Из дома показался хозяин. Все притихли. Главарь поманил меня, похлопал по плечу.

— Здоровяк! Будешь карашо работать — будешь сыт, а главное — жив! — Послышался гогот. — Увести! — приказал охраннику.

...Ночь напролёт жарились шашлыки, доносилось пьяное бормотание подгулявших боевиков.

— Жируют сволочи, — негодовал Виктор, — сынок хозяйский с дружкой с леченья вернулись, празднуют. Слышал, прямо в центре России, где-то на Орловщине, лазарет устроили гады.

Едва забрезжило — вывели на работу. В углу двора разместили яму три на три, сунули лопаты.

— Копать!

— Ещё рабов пригонят, — сообразил сержант.

Мимо, сверкнув глазами, шмыгнула девчонка лет пятнадцати.

— Что, понравилась? Может, засватаешь сестрёнку? Жаль, что у тебя нет, а то бы мы с Рамзаном съездили, познакомились, — передо мной стоял один из попутчиков. Тот, с кем

совсем недавно в поезде за откидным столиком пили вино. Тот, кто ещё вчера называл меня братом и произносил тост за моё здоровье...

Егор умолкает, и мы понимаем: он всё ещё там, в горах, под прицелом автоматчика копает яму-тюрьму для краденых «баранов».

Потрясённые рассказом, не можем проронить слова. Кажется, даже лес затих. Листья падают беззвучно, боясь невольно потревожить затянувшееся молчание.

Тишину нарушает птичий крик. Над полем, примыкающим к опушке, выпархивают из леса и взмывают под облака журавли. А потом ещё, и ещё, и ещё...

Птицы выстраиваются в клин, рассыпаются, курлычут и парят в безбрежном просторе. Трубят вожаки, созывая строиться в привычный порядок. Сотни журавлей!

— Тренируются, готовятся к отлёту, — замечает Егор. — Наша птица, родная... Трепетная и нежная. Летят журавли, переговариваются, а мне чудится: девчата песню на деревне выводят.

А в горах — орлы... Высоко-высоко... Часами парят, добычу высматривают, потом — камнем вниз. Хищники...

— Господи, Егорушка, как же ты высвободился-то? — осмеливается, наконец, Надежда.

— Через неделю рана у сержанта загноилась. Лечить никто не собирался. Решили бежать. Докапывали яму и тайком лаз за дувал вывели. Выждали, когда на дворе остались только женщины, и рванули.

К вечеру второго дня у Виктора начался жар. Простреленная рука почернела. Думаю, началась гангрена. Парень совсем ослаб. Взвалив сержанта на плечи, я шёл напропалую, спускался всё ниже, в долину. Всё равно куда, лишь бы подальше от адского аула!

Егор опять задумался.

— А дальше, дальше-то что? — не выдерживаю я.

— Потом произошло самое страшное... То, что не смогу забыть, куда жив, — продолжил рассказчик. — Нас выслали... Далеко с такой тяжестью на плечах я не смог уйти. Виктор был совсем плох.

— Не жилец, — приговорил главарь, — в расход!

Полуживого сержанта швырнули посередь двора. Прикатали чурбан, на котором рубили баранину. Вывели во двор меня и двух пленных. Поставили рядом.

— Чтоб вам, шакалам, неповадно было! — положив руку Виктора на пень, по очереди отрубили пальцы. Откинув культу, то же проделали со второй рукой.

— Матерь Божья! — простонала тётка Лиза.

— Сержант потерял сознание. Рамзан, тот, который хотел пересататься к русской, зашёл ему за спину, взял за волосы и перерезал горло... Никогда раньше не думал о Боге. Но в ту страшную ночь я молился... Не знал, как это делается. Слова молитвы приходили сами по себе, словно Кто-то Свыше подсказывал... Я просил Господа принять разнесчастную Витину душу, умолял сжалиться над моей бедной мамой — оставить её единственного сына в живых. Той же ночью поклялся Богу: выберусь — всю оставшуюся жизнь посвящу Ему.

— Видать, Господь снизошёл до твоих молитв, — шепчет чуть слышно Надежда.

— Ещё три года и семь месяцев я таскал камни, рыл новые ямы, чистил хлев, выполнял самую чёрную работу... Был рабом... Однажды вечером, когда пригнал с пастбища овец, не застал в ауле ни одного боевика. Ушли. Кто-то их предупредил. Утром вступили наши.

Я поехал в Саратов. У Виктора там мама и две сестрёнки. Не поверите, не мог подняться на второй этаж. Ноги, словно ватные, не шли, подкашивались. Никогда не забуду минуты, превратившей сорокалетнюю женщину в глубокую старуху... Тогда я ещё не знал, что уже никогда не увижу свою маму.

Потом Питер. Семинария с отличием. Приход выбрал сам. Попросился на родину.

— Так церкви-то давно нет!

— Отбилась ты, Надежда, от нашенских краёв, ничегошеньки не знаешь. Отец Георгий из нежилых дворов храм возвёл. На горушке, у погоста, на фундаменте, что от взорванной церкви остался, — спешит прояснить тётка.

— Ну, храм надо видеть... о нём не расскажешь, — заметил батюшка. — Завтра первые крестины в нашем приходе. Порадуйтесь с нами, приходите.

— Обязательно! — выпаливаем в один голос с подругой.

Отец Георгий встаёт, кличет Жульку и спешит к вечерней службе.

Уходит, а мы допоздна сидим на опушке и слушаем плачь журавлей, всё никак не можем отойти от батюшкиного рассказа.

Наутро ещё издали замечаем, как с окрестных деревень к церквушке, что возвышается за усадьбой Егоровых родителей, стекается люд.

За оградой — брёвна, тёс, бочки с белилами.

— Топором вместе с мужиками махал. Теперь стены сам расписываить, — одобрительно шепчутся прихожане.

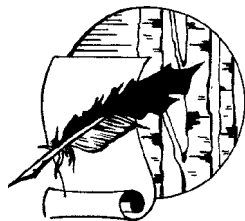
Храм небольшой, по-домашнему уютный. Может, потому что из жилых хат. Белёные стены размечены углем. Работа в самом начале, но уже прописаны лики Евангелистов. У алтаря две иконы в потемневших окладах — Спаса и Божьей Матери.

— Церкву рушили, Спиридоновна дома сховала, — поясняет тётка Лиза.

Справа от Царских ворот — Святая Троица.

— Матушки моей иконка. Решила: здесь ей надоть быть. Мне всё одно: не нынчи-завтри перед Господом предстану. Нехай отцу Георгию пособляить в ево молитвах за нас грешных, — шепчет нам тётка Лиза и идёт ставить свечки: за упокой — почившим, за здравие — всем живым.

г. Орёл

Леонид САФРОНОВ

Протоиерей Леонид Сафронов кровь от крови, плоть от плоти народный, былинный поэт-сказитель. Понять, как его монументальные эпосы сочетаются с невыразимо нежными и остроумными детскими стихами невозможно. Он единственный в этих столь различных жанрах. Для меня ахматовское «...И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово» сегодня — это о нём. В моём Цикле «Возвращение на Родину», героем которого батюшка был все 20 лет, он почитался как первый в наши смутные дни поэт. А незабвенный мой Алексей Валерьевич Артемьев называл его последним поэтом России...

Я знаю, вижу, читаю, есть много замечательных поэтов, но Леонид Сафронов для меня единственный. Его поэзия была и остаётся для меня святым млеком, а служение его и Судьба в посёлке Рудничном, что под Вяткой, — патериковым житием. И Великорецкий крестный ход, собиравший до 2006 года почти пятьдесят тысяч человек не только со всей 1/6 части суши, завещанной нам Богом, но едва ли не со всего мира, это и его заслуга. И заключённые в семи тюрьмах и четырех женских колониях, которых он окормляет более четверти века, жертвуя всем, — это тоже патерик наших дней.

Трижды номинировался он на Патриаршую литературную премию, но так и не получил... Слава Богу! Если Правда есть на Небе, значит, будет и на земле. Только мы должны заслужить её.

Лина МКРТЧЯН

НАД БЕЛОЙ ГРЕЧИХОЙ...

ХОЛМ

На холм вела тропа крутая.
И средь бурьяна на холме
В пустой деревне Русь Святая
Явилась мне, открылась мне...

Здесь было всё вокруг красиво:
Туман сплетался в кружева...
И я увидел, что Россия —
Святая Русь — ещё жива.

Ведь даже в этих избах древних,
Где огонь в печи давно потух,
Ещё таится дух деревни,
А значит: самый русский дух.

И ты к старинной вещи каждой,
Что звать ушатом иль дежой,
Необычайной полон жаждой,
Усталой приложись душой.

И даже ржавая подкова,
Давно попавшая под гнёт,
Тебя, унылого такого,
Своею силой разогнёт.

Ведь с этой русской красотой,
Пусть даже согнутой в дугу,
И я душой чего-то стою
И за себя стоять могу.

Себя на время обретая,
В своей душе, в своём уме,
Подумал я: «О Русь святая!
Ты на любом стоишь холме!»

Вокруг меня уже смеркалось,
Деревня покрывалась мглой.
И небо звёздное смыкалось
С холмистой русскою землёй.

СВЯТАЯ ЛЮБОВЬ К МИЛОСЕРДЬЮ

...Он полз вдоль белеющих стен.
Но вот его силы иссякли.
Вдруг лёгкая женская тень
На стон его вышла из сакли.

Пред тенью лежал офицер
Из дальней гяурской России.

И плач над аулом висел:
По мертвым в Чечне голосили.

...Точила последнюю кровь
В груди чуть заметная ранка.
Сняла с головы свой покров
Дрожащей рукою горянка.

В груди тяжелее свинца
Лежала по близким утрата:
Вчера схоронила отца,
А нынче убиты два брата.

Шепнула: «Прости, человек», —
И помощь ему оказала,
Как будто тем платом навек
Россию с Кавказом связала.

И сердцу была дорога
Такая за близких расплата.
Наткнулась она на врага —
И в нём обрела себе брата.

Превыше отцовских гробов,
Как деторожденье над смертью,
Всем жёнам даётся любовь,
Святая любовь к милосердью.

Не мать, не сестра, не жена —
Была она тенью ночьюю.
И женской души тишина
Всходила над смутной Чечнёю.

С ОГРОМНОГО БЕЖИНА ЛУГА...

С весёлым Валеткиным лаем
Средь топких болот и полей
Тургенев спешит с Ермолаем
На тягу стрелять дупелей.

Проходят луга и долины
Озёра, ручьи и ключи,
Навстречу им Хорь и Калиныч,
Касьян из Красивой Мечи

И Яшка по прозвищу Турок,
Который всех лучше поёт...
И выстрел из стареньких «тулок»
Лихой обрывает полёт.

И кружатся пёстрые перья
В тумане над тихой рекой;
И мощи живые Лукеры
Их ловят печальной рукой.

И запах сухого шалфея,
И в сердце немолчно звучит
Торжественный глас Филофея:
«Стучит, слышишь, барин? Стучит!»

С огромного Бежина Луга
Павлуша летит на коне...
Из этого русского круга
Вовеки не выбиться мне.

По норам мышинные пiski.
Добыча молчит в ягдаше.
...Спешит и святые «Записки»
Охотник слагает в душе.

РЕЧКА МАЛАЯ КУПЧИХА

Громче кашля, тише чиха,
Отражая облака,
Речка малая Купчиха
Не заманит рыбака.

Так себе, не Богу свечка
И не чёрту кочерга,
Всё плывёт куда-то речка,
Раздвигая берега.

Мест родимых старожилка,
Вся уж по уши в песке,
Тихо бьётся, словно жилка,
У России на виске.

ПОСЛЕДНИЕ РОЗЫ

Вот этому жёлтому снимку
Полвека — не меньше — годов.
Здесь парень с девчонкой в обнимку.
Он с нею расстаться готов:

Ему надо ехать учиться —
Ничо не поделаешь тут.
Саднит у девчонки ключица
От сельских надсад и простуд...

Конечно, без высшей учёбы
Вовек не набраться уму..
Страдает девчонка: ну чо бы
Сказать на прощанье ему?

Она лишь простая доярка,
А он поступил в институт..
Смотри, как пронзительно ярко
Последние розы цветут!

Смотри, как над крышей вокзала
Огромная всходит луна!
Совсем ничего не сказала
Ему на прощанье она...

На память остался лишь снимок
Под грохот вагонных колёс...
И весь он скоробился, вымок
От долгих девических слёз...

Лечилась банной припаркой
От этих надсад и простуд —
И стала хорошей дояркой.
Закончил и он институт.

Закончились девичьи слёзы —
Ничо не поделаешь тут..
И снова последние розы
Пронзительно ярко цветут!

Всю жизнь свою с фермой связала,
Оставшись навеки одна...

И снова над крышей вокзала
Огромная всходит луна!

Попал он в высокие сферы,
Стал важною птицей такой...
А та провожатая с фермы
Попала на вечный покой...

Всё это надсады-простуды,
Весь сельский запущенный быт...
Не всем же кончать институты,
Высоким начальником быть!

Порой лишь на сельском кладбище
Какой-то проезжий старик
Кого-то всё ищет и ищет,
Над чем-то стоит и стоит...

Всё ищет и ищет кого-то
До сумерек в свете дневном...
А сердце, как старое фото,
От горя скоробилось в нём.

Всё смотрит и смотрит сквозь слёзы...
И, сердце пронзая до дна,
Пылают последние розы,
Огромная всходит луна.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

По ночам в дозоре очи зорки
Не упустят посвиста стрелы...
За татарским станом воют волки
И клекочут грозные орлы.

За татарским станом стонут гуси,
Точат туры старые рога...
«Помоги нам, Господи Иисусе,
Одолеть коварного врага».

Тишина стоит за русским станом.
Будто светом промелькнувших крыл
До рассвета очи и уста нам
Тихий ангел бережно укрыл.

Хоть бы пёс... Но даже пёс не лает,
И не слышно ржания коней,
Далеко на севере пылает
Неземное зарево огней.

Лишь однажды кликом лебединым
Встрепенётся Русь, оглашена, —
И опять дыханием единым
Над полями дышит тишина.

Я к земле сырой приставил ухо,
Будто колос сломленный ржаной,
И услышал, как рыдают глухо
Русская с татарскою женой:

«Ты лети, лети стрела прямая,
А у самой цели окривей.
Не лишай любимого Мамаю
Голубых с прохладой кровей».

«Обернусь из девки в ездоки я
И от сабли князя сберегу...», —
Вслед за ней княгиня Евдокия
На другом курлычет берегу.

От росы рыданье смокло, смокло,
Будто начался потерям счёт...
Между станов тихо речка Смолка,
Будто кровь горячая, течёт.

Словно кровь, течёт она по жилам
И втекает грозно в Синий Дон:
«Матерь Божья, помоги дружинам
Воротиться к жёнам в отчий дом».

С неба месяц сбился, как подкова...
Что нас ждёт? Не видно впереди...
Жизнь прожить, что поле Куликово
За Россию в битве перейти.

ПОВЕСТЬ О НЕРАЗУМНОМ СОЛДАТЕ

Посреди Украинского фронта,
Сдуру в натовском танке горя,

Угорелый танкист для ремонта
В костромские попал лагеря.

И узнал он на слове и деле,
В арестантскую робу одет:
В этом месте фашисты сидели
И загнал их сюда его дед.

Жадно ел он тюремные пайки,
Огрызаясь на ближние рты, —
Заменялись на новые гайки,
И под них нарезались болты.

От контузии, глухонемого,
Опекал его вятский мужик.
И сошла с него прежняя мова,
И очнулся в нём русский язык.

И припомнил он отчую пашню
И своё родовое село,
И прозрел, отчего ему башню
Мимолётным снарядам снесло.

В час ночной, когда спали соседи,
Вдруг зажегся невидимый свет,
И явился к нему для беседы
В полусонном видении дед.

«Золотые поля Украины,
Нашей Родины доблестный тыл,
Ты зачем в боевые руины,
Неразумный солдат, превратил?»

На груди у Европы поплавав,
Что подмял тебя русский медведь,
Всё ты жаждешь судьбину поляков —
Отщепенцев славянства — иметь.

Нас единая вера растила,
Все мы внуки одной старины!
И Украина — та же Россия.
И окраина этой страны.

Мы галопом прошлись по европам
В ту войну не за ради наград...»

Дед умолк. И запахло укропом
С унавоженных лагерных гряд.

В День Победы к родимому внуку
Он явился последний разок
И вложил, будто нищему, в руку
Свой солдатский святой образок.

Весь свой срок, и тяжёлый, и долгий,
Он сожжённые строил мосты.
И хранил его воин Георгий,
Покровитель священной Москвы.

ПО ШОТЛАНДСКИМ МОТИВАМ

С мечом и щитом, и с весёлым шутком
Король по Шотландии скачет,
А шут за мечом, королём и щитом
Плетётся на старенькой кляче.

Наряд на шуте разноцветный пошит,
Шотландских лугов он пестрее.
Коль грустно, то шут короля рассмешит
Остротой, меча поострее.

То он потрясёт деревянным мечом —
Для смеха отличное средство —
И спросит всерьёз короля: «А почём
Продашь ты своё королевство?»

Его у тебя я задаром куплю
За кровью нажитые раны,
Когда деревянный свой меч иступлю,
Шутя, о соседние страны».

Король отчего-то сегодня сердит
И сам он, и конь его в мыле,
Зато королева спокойно сидит
На белой британской кобыле.

Она отвечает на шутки шута,
С ним страстные речи заводит,
Как будто с Шотландии бедной счета
Корона Британии сводит.

Но вот короля окружают враги
Мечами, щитами, возами.
В железных доспехах враги, как круги
От тяжкой тоски под глазами.

Врагу на поруки сдаётся король —
Становится братом названным,
А шут исполняет шутовскую роль —
Он машет мечом деревянным.

Тут сверху небесные сходят круги,
Святыми грозя образами, —
От страха домой убегают враги
С мечами, щитами, возами.

Уносят враги щит и меч короля,
Свободной Шотландии знамя...
В бескрайней степи посреди ковыля
Сожгло их небесное пламя.

Вот едет король: без меча, без щита —
Всех видом своим потешает.
За мужней спиной королева шута
С победой, шутя, поздравляет.

Плетётся на кляче Шотландии шут
С мечом деревянным, бесстрашный,
Как будто не шут королевский, а суд —
Небесный последний и страшный.

На шапке шута — золотой бубенец
Исходит в неистовом звоне,
Как будто, шутя, предвещает конец
Он светлой шотландской короне.

Но вот, словно призрак, их замок возник,
И крыши, и рвы под мостами, —
И едут, и чувствует каждый из них,
Что всё поменялось местами,

Что всё в этом мире простом и пустом
Вдруг справа сместилось налево:
Стал бывший король настоящим шутом
Супругой шута — королева.

С тех пор, лишь Шотландию нудит на сечь
Вдруг гость посторонний, незванный,
Незримой рукой подымается меч,
Испытанный меч деревянный.

* * *

Над нашей деревней, над речкою тихой
Прокатится солнце большим колесом —
И тихо погаснет над белой гречихой
Над рожью зелёной и синим овсом.

Загнутся над речкой высокие звёзды,
В воде отразится их нежная дрожь.
И выйдешь тропинкою в синий овёс ты
И к белой гречихе в зелёную рожь.

И больше ты правду не спутаешь с ложью,
Чтоб жить не спеша, разбираться во всём,
Лишь только пропахнешь зелёною рожью
И белой гречихой, и синим овсом.

Когда упокоишься, в церковку Божью
Ты будешь деревней в гробу пронесён.
Твой гроб проплывёт над зелёною рожью,
Над белой гречихой, над синим овсом.

МОИ РОДНЫЕ СЕЛЬСКИЕ МЕСТА

А я люблю места свои родные,
Где божий храм сияет на холме.
Есть на земле ещё места иные —
Места родные всё же ближе мне.

Здесь я купался в детстве в каждой луже
И по утрам ходил с корзинкой в лес.
Есть на земле места совсем не хуже,
Но всё же лучше нет родимых мест.

Пусть кто-то где-то вечно счастье ищет,
По всей земле бродя туда-сюда,
А я хотел бы на родном кладбище
Лежать в земле до Страшного Суда,

Чтоб над моею тихою могилой
Сиял обычный деревянный крест
И освящал своею крестной силой
Все тёмные места родимых мест.

И в небесах, как вестница из Рая,
Стояла полуночная звезда,
Своим высоким светом озаряя
Мои родные сельские места.

А если всё же Суд настанет Страшный,
Спасётся тот, лишь чья душа чиста,
Кто принял бой смертельный, рукопашный
И отстоял родимые места.

КРАСИВАЯ БАБА...

Есть на сельском кладбище могила.
Я не ведаю: Бог или чёрт,
Но какая-то грозная сила
Всё меня к той могиле влечёт.

Холм могильный навроде ухаба
И ограда темна и глуха...
Спит в могиле красивая баба,
Спотыкнувшись об этот ухаб.

Фотография, рамка резная:
Баба в платье весёлом таком.
Никогда этой бабы не зная,
Всё мне кажется: с ней я знаком.

Сколь в ограбленной нашей России
Не разграбишь — хоть грабь, хоть не грабь —
Этих женщин, смертельно красивых,
Нет, не женщин — а именно: баб.

Все они друг на дружку похожи
И похожестью той дорожат,
Оттого что, наверное, гожи
Чистым сердцем любить да рожать.

От работы покатые плечи,
А в глазах голубиный покой...
Ты Россию поймёшь после встречи
С деревенскою бабой такой.

Говорят, она пьяной замёрзла,
Добираясь с пирушки домой...
Было поздно, до горести поздно...
С неба веяло снежною тьмой.

Видно, длинная вышла пирушка.
Коли выпил, то в пляске потей...
Поняла вдруг, что жизнь не игрушка.
Не себя было жалко — детей.

На развилке заснеженных улиц
Замерзала без сил, без мольбы...
На неё слишком поздно наткнулись.
Донесли до родимой избы,

Свили волосы в косу тугую,
В косу ленту вплели почерней...
Взял мужик себе бабу другую,
А сестра забрала дочерей...

Вот такая и вышла планида.
Не дай Бог вам такого конца!
Было имя её — Зинаида,
И Василием звали отца.

Звали мать... Я не знаю, как звали...
Я не знаю. И надо ли знать?
Оглянись: вся Россия в развале.
А Россия и есть наша мать.

Так в могиле заброшенной этой,
Вдалеке от детей, от семьи
До сих пор всё лежит неотпетой
Красота нашей русской земли.

Что с того, что в крещальной купели
Не купал её сосланный поп?..
Её чистые выюги отпели,
А крестил её светлый сугроб.

ЗИМНИЙ ХОЛОД СТОИТ НА ПОРОГЕ...

Зимний холод стоит на пороге.
Голубеет осинник нагой.
Кто-то шибко спешит по дороге,
Только листья гремят под ногой.

Набок шапка потёртая лисья.
Он шагает, слегка подпитой,
И гремят облетевшие листья
У него под могучей пятой.

Он ходил за покупками в город
И не то чтобы очень устал,
Просто холод, пронзительный холод
Мужичка по дороге застал.

Оттого он немного и выпил.
Не какой-нибудь там скандалист!
Просто выпил от грусти и выпал,
Как осенний осиновый лист.

Он шагает легко и упруго,
Чтобы вёрстами ног не намять.
Ждёт его молодая супруга,
Может, завтра кормящая мать.

Распирает волненье мужчину,
Приподняв до небесных высот.
Он несёт для ребёнка машину,
А на случай, и куклу несёт.

В тёплой хате из мокрой котомки
Он достанет бутылку с вином.
«Погляди-ка, какие потёмки,
Дорогая, стоят за окном».

Выпив рюмку, приложится ухом
К голубому её животу.
Тянет с Неба таинственным Духом.
За окном все деревья в цвету.

---

* * *

Есть в Москве на Кулишках
Божий храм Всех Святых,
Очень прост, без излишков
Золотых да литых.
Вкруг него на погосте
С разных русских концов
Дремлют мощи — не кости —
Куликовских бойцов.
Храм воздвигнул в те лета
Князь Димитрий Донской.
Нам поведано это
Говорящей доской,
Чтоб до битвы последней
Здесь во все времена
Поминать за Обедней
Павших всех имена.
В дни великих поминок
Разливается свет —
И является инок
Богатырь Пересвет.
Очи зыркают грозно,
Голос — медной трубой.
Созывает с погоста
Всех усопших на бой.
«Эй вы, Божии слуги,
Хватит спать на печи!
Заржавелые плуги
Раскуем на мечи!»
И встают, воскресая,
Слуги с райских печей.
Что ни воин — косяя
Сажень русских плечей.
И уходит отголе
Воскрешённая рать
Куликовское поле
Грозным плугом орать.
Русской кровью полито,
Как в тот памятный год...
Куликовская битва
За Россию идет.

ДУША

Л.М., великой русской певице

От рога до рога
Ущербной луны
Струится дорога
В полнеба длины.

С мечтою о Боге
В далекий зенит
По этой дороге
Бубенчик звенит.

Звенит он и плачет:
«Динь-динь и дон-дон...»
По воздуху скачет
Невидимый конь:

Могучие крылья
С высоких боков,
Алмазною пылью
Несёт от подков.

При звёздном огне,
По дороге спеша,
Летит на коне
Молодая душа.

«Куда от земли ты,
Родная, летишь?»
Луною облита
Небесная тишь...

Вдруг вымолвил кто-то:
«Эй, Пётр, отворяй!»
Открылись ворота
В неведомый рай.

У светлого рая
Высокий порог..
Мой друг, умирая,
Вздохни от дорог...

Доехала к Богу
Святая душа,
Прижалась к порогу,
Стоит не дыша.

Не плачет бубенчик,
Не фыркает конь.
Свивается в венчик
Небесный огонь.

ВДОВИЦА

*Вдове Алексея Артемьева
Лине Владимировне Мкртчян*

Уж он не думает о пище.
Уж он давно не пьёт, не ест.
На Троекуровском крадбище
На нём поставлен прочный крест.

Кругом берёзовые рощи,
Как сонмы вечных русских дум.
Его измученные мощи
Питает их тревожный шум.

Как переломленная вица,
Берёзы шум иль ветки тень,
К нему болящая вдовица
Сюда приходит каждый день.

Придёт и встанет у могилы
Послушать вечный шум лесов.
На ней бахилы, словно гири,
Ей вскользь отпущенных часов.

Порой сквозь голос панихидный,
Как шубы вывернутый мех,
Ей вдруг послышится ехидный
Идущий мимо жизни смех.

Но вновь очнётся у могилы
В кадильном золотом дыму,
Свои скудеющие силы
Всею сердцем отдаёт ему.

Но разделённые межою —
Я — твой. Я — вечная твоя. —
Стоят они душа с душою,
Молитву общую твоя.

БЫВШАЯ ДА ЯРКАЯ...

Бывшая доярка я.
Жизнь моя неяркая.
Я была здоровою,
Этакой коровою.
Всю страну кормила я,
Никому немилая,
Тихая, нешалая,
Близким не мешала я.
Сапоги с фуфайкою
Звали просто Файкою.
Робишь без усталости —
Так до самой старости.
А не стало моченьки —
Ни сынка, ни доченьки.
Да ещё, к тому же я —
Женщина безмужая.
Так живу средь опчества —
Вся из одиночества:
Старую Фуфайкою,
Сидоровой Файкою.
Как умру я, батюшка,
Нарядите в платьюшко:
Белое, воскресное,
Чтобы в нём воскресла я.

* * *

Алексею Артемьеву

Угас во мраке русский свет,
Исчез в клубах небесной пыли...
Ушёл великий человек...
Тогда мы поздно завопили.

Рождённый Матушкой Москвой,
Ещё посконной и исконной,

Горел ты свечкой восковой
Перед работою иконной.

В неё вложил души пожар
Ты, наречённый Алексеем.
Тот благодать себе пожал,
Кто покаяние посеял.

Посреди твоих икон
От кончика хвоста до носа
Талантом пригвождён дракон,
Как копием Победоносца.

Гори художник — не дымись,
Чтобы тебя не угасили!
Всю жизнь одну стяжал ты мысль
О вечной святости России.

Ты был той мыслью обуян.
С тобой творили заедино
И песни вещие Боян,
И «Слово о полку» Ходына.

А В СУМЕРКАХ БЕЛАЯ ЛОШАДЬ...

Уныло осенняя роща
Роняет последний листок.
А в сумерках белая лошадь
Всё щиплет затерянный стог.

Полгода живёт горожанка
В забытой деревне родной.
На что ей такая лежанка,
Давно уж без мужа одной!

Лишь кошка да старая крыса,
Да в сердце печальная боль...
Великая в прошлом актриса,
Свою не сыгравшая роль.

Похожа на позднюю осень,
Что близится резко к концу,
Ей белое платье — не очень,
Ей чёрное платье — к венцу.

Не то что бы очень красива...
С чертами былой красоты...
Куда ты несёшься, Россия,
Как лист золотой с высоты?!

Деревни твои и селенья —
Теперь уж моли, не моли —
Коснулось осеннее тленье,
Когда ты коснулась земли.

А помнишь, ты верила в Бога,
Взлетая к небесным хорам...
Укрыта листвою дорога,
Ведущая в сломанный храм.

Давно уж прошло «бабье лето» —
Его не вернёшь всё равно...
И медная мелочь с билета
Со звоном пошла на вино.

Пошла — и не надо закуски...
Родная, в году роковом
Нам, русским, привычней по-русски
Беду утирать рукавом.

Сидит. И с таким же прохожим,
Попавшим в сплошной переплёт,
На давнюю юность похожим,
Вино невесёлое пьет.

Коса, как тяжёлая ноша,
И бледный румянец ланит...
А в сумерках белая лошадь
Уздою звенит и звенит...

И в доме родимом осталось
Прожить ей последнюю ночь...
И ждёт её в городе старость
И мужем забытая дочь...

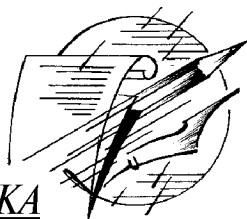
п. Рудницкий Вятской (Кировской) обл.

НАРОДНАЯ ШКОЛА РАЧИНСКОГО — ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Профессор Московского университета и устроитель народной школы С.А. Рачинский (1833—1902) сумел объединить вокруг себя тысячи (!) людей. Школа, церковь и общество трезвости в усадьбе Рачинских являли образец православной общины, которая сегодня может быть воссоздана, если мы — народ, страна — хотим выжить.

В 1990-е годы в постсоветской России имя С.А. Рачинского не сразу вышло из тени забвения, появляются отдельные статьи в сборниках конференций, обсуждаются педагогические его идеи, но в целом движение по реабилитации имени и идей Рачинского так и не получило полноценного развития, не стало полномасштабным. Сфера образования и педагогики продолжает руководствоваться принципами атеистической светскости и космополитической всеядности.

Сергей Александрович Рачинский был далеко не один в дворянском сословии, кто понял до глубины народную душу, народные нужды, и это понимание давало ему возможность видеть будущность России, пути её национального развития, в первую очередь через образование народа. Но он

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

был одним из немногих, кто смог методично, практически, основательно выстроить образец народной школы, который дал внушительные результаты ещё при жизни учителя века, как называли Рачинского.

Дворянская усадьба Рачинских, находившаяся в Бельском уезде Смоленской губернии (ныне Оленинский р-н Тверской обл.) с конца XVIII века являла собой культурный центр. Здесь создавался архив владельцев усадьбы и близких им людей: Потёмкиных — Боратынских — Рачинских — Огнь-Догановских — Пироговых, здесь собирались рукописи выдающихся людей культуры XVIII—XIX веков.

Это имение принадлежало деду С.А. Рачинского Антону Михайловичу (1769—1825), бывшему первым командиром и шефом гвардии егерского батальона в 1796—1800 гг., впоследствии — генерал-майором, обер-полицмейстером Санкт-Петербурга, тайным советником. Бабушка Сергея Александровича — Александра Николаевна Потёмкина была дочерью Смоленского губернского предводителя дворянства Николая Богдановича Потёмкина. Имение по наследству перешло отцу Сергея — Александру Антоновичу — крестнику Государя Павла I, с 18 лет служившему в лейб-гвардии Семёновском полку и имевшему бронзовую медаль на Владимирской ленте. После увольнения со службы в 1827, 1838 и 1841 гг. он избирался Бельским уездным предводителем дворянства Смоленской губернии.

Матушка С.А. Рачинского Варвара Абрамовна (1810—1891) приходилась родной сестрой поэту Евгению Баратынскому, была великолепно образована и передала детям свои музыкальные и литературные знания и дарования.

В семье Рачинских было шестеро детей: Владимир, Сергей, Ольга, Варвара, Константин и Александр. Все они получили прекрасное домашнее образование, юноши закончили различные отделения Московского университета, много послужили на государственной службе по части юриспруденции и экономики. Владимир Александрович Рачинский стал устройтелем Крестьянских банков в родном Бельском уезде, был прекрасным живописцем и имел литературные дарования. Сёстры Рачинские занимались школами и лечебницами, помогая брату Сергею Александровичу.

После окончания физико-математического отделения Московского университета С.А. Рачинский был направлен на обучение в Германию для пополнения знаний избранной специальности — ботаники. В Берлине и Веймаре молодой русский учёный работал с известными уже биологами Шахтом и Шлейденом. Тогда же познакомился с деятельностью

профессора Йенского университета Карла Стоя — основателя нескольких учебных заведений, практику которого изучал и Константин Ушинский. Свои наблюдения Рачинский изложил в статье «Институт Стоя в Йене», где высказал актуальную и сегодня мысль о том, что воспитание любого народа должно быть национально ориентированным и современным.

После двухлетнего пребывания в Германии, Рачинский возвращается в Москву, защищает докторскую диссертацию и около десяти лет преподаёт на созданной им кафедре Физиологии растений.

К тому моменту, когда в 1872 году профессор Московского университета, надворный советник С.А. Рачинский оставил университетскую кафедру и навсегда вернулся в родовое имение Татёво, это был человек со своим цельным мировоззрением, вобравшем и классическое домашнее образование, какое давалось в русских усадьбах, и религиозность крестьянского мира, среди которого он делал первые жизненные шаги, и влияние окружения именитых предков — военных и литераторов, музыкантов и юристов, и академическое знание точных наук, подкреплённое практикой в лучших университетах Германии, и знания по устройству лучших школ в Европе.

Первая школа в Татёве была открыта в 1861 г. отцом Сергея Рачинского, а татёвская библиотека славилась ещё со времён Екатерины II, о чём упоминал Валентин Пикуль в своём романе «Фаворит», описывая, как Григорий Потёмкин гостил у Рачинских и засыпал на бильярдном столе, зачитываясь книгами из их библиотеки.

Приступая к школьному делу, Рачинский писал: «Вопрос о современной русской школе не есть вопрос технический и частный, зависящий от более или менее успешной деятельности того или другого правительственного ведомства, не есть вопрос программ и более или менее практически устроенного надзора. Это — вопрос роковой и грозный. От качеств ныне подрастающих русских поколений зависят судьбы мира».

В 1875 г. Рачинский принялся за обустройство школы, созданной сестрой Варварой, а с сестрой Ольгой они организовали лечебницу, где бесплатно получали медицинскую помощь все жители окрестных сёл. Надо заметить, что на устройство сельских школ Рачинский потратил своё сотысячное состояние.

Татёвский учитель сам преподавал арифметику и грамматику, пение и рисование, географию и ботанику, предполагал ввести экспериментальную физику. Мальчики учились в школе столярному делу, девочки вышиванию и кружевопле-

---

тению. Важными дисциплинами в школе были цветоводство и пчеловодство. То есть дети, заканчивающие школу, имели уже навыки ведения домашнего хозяйства, а часто и начальную профессию.

С 1878 г. татевская школа имела статус церковно-приходской. В 1870—1880-е гг. была четырёхгодичной, а с 1898-го — шестилетней. Учебный год в сельских школах, устроенных Рачинским, начинался 1 октября, после уборки урожая. Обучение грамоте шло с изучения церковнославянского языка. Почувствовав его, осознав преемственность, детям легче было писать и читать на русском языке. Владение речью предков развивало творческие способности детей, формировало их нравственно и эстетически, будило генетическую историческую память. С.А. Рачинский писал: «Обязательное изучение языка мёртвого, обособленного от отечественного целым рядом синтаксических и этимологических форм, а между тем столь к нему близкого, что изучение его вполне доступно на первых ступенях грамотности, — это такой педагогический клад, которым не обладает ни одна сельская школа в мире. Это изучение, составляя само по себе превосходную умственную гимнастику, придаёт жизнь и смысл изучению языка русского, придаёт незыблемую прочность приобретённой в школе грамотности».

Рачинский был счастливым свидетелем того, как всякий, приходящий в школу ребёнок, крестясь, целовал первую книгу, которую давали ему в руки. Первые слова, которые дети учились писать, — не бессмысленные двусложные «мама мыла раму», а содержащие глубокую мысль и живительную силу: «Господи, милостив буди мне, грешному».

Первыми книгами для детей в школе Рачинского были «Родное слово» К. Ушинского и «Азбука» Л. Толстого, с которыми Сергей Александрович вёл многолетнюю дружескую переписку, делясь сведениями о школьных делах. (Надо отметить, что в гимназии в Свято-Алексиевской пустыни дети сегодня обучаются по «Родному слову» Ушинского). Овладев русским языком, ребяташки учились читать «из книги», а не «в книгу», по выражению самих крестьян.

Для того, чтобы развить мыслительные способности учащихся, Рачинский придумывал задачи, используя картины церковного и сельского быта, знакомого крестьянским детям. К примеру, такие: «В нашем обществе трезвости 980 членов. Если считать, что каждый из них тем, что не пьёт, сберегает по 25 руб. в год, сколько в год они сберегают вместе?». Или: «Двое одновременно выехали друг другу навстречу из Ржева и Белого (120 вёрст) и встретились через 8 часов. Один проезжал за час 9 вёрст. Сколько проезжал за час другой?».

«Колокольня имеет высоту 40 аршин. В нижнем ярусе столько аршин, сколько в верхнем футов. Сколько аршин в том и другом?». Точная наука превращалась для детей в живую игру. После года обучения математике ученики Рачинского с лёгкостью умножали и делили в уме двузначные числа.

Рачинский, не заключённый в тиски канцелярской работы, которой обременён современный учитель, волен был рассуждать: «В мире сем всё связано: успехи сельской школы с поэзией Пушкина и музыкою Глинки, — судьбы русского искусства с жизнью русской сельской школы».

По известным картинам ученика Сергея Александровича замечательного художника Н.П. Богданова-Бельского «Устный счет. В народной школе С.А. Рачинского», «Урок музыки», «Воскресное чтение в сельской школе», «У больного учителя» и многим другим, где изображены татевские ребяташки, можно видеть, с какой любовью и восхищением, как терпеливо овладевают они знаниями.

В 17 лет выпускники школ сдавали специальный экзамен Комиссии при средних учебных заведениях и получали звание сельских учителей. Сначала работали помощниками учителя, а затем старшими учителями. В 1890 г. в окрестных школах преподавали уже сорок учителей, подготовленных стараниями Рачинского.

За тридцать лет занятий школьным делом татевским учителем было открыто более 26 школ в Бельском уезде, где большей частью учительствовали его ученики. Вскоре школы учеников Рачинского возникли даже на Черниговщине, где находилось имение брата Рачинского, в Вильно, в Минске. К счастью, были изданы ещё до революции и сохранились описания этих школ.

Народная школа, по мнению Рачинского, создаётся исключительно силой народного духа, её направления и формы вырабатываются под давлением требований, предъявляемых к ней со стороны родителей учеников, отражая их духовные запросы. Видя могущество народного влияния на школу, Сергей Александрович твёрдо верил: «Современная Россия не вся в поругании святыни, в хищениях и глумлениях, во лжи адвокатских речей и журнальных писаний, в тупом разгуле кабака и в откровенном разврате образованных классов. Есть течения иные, сокровенные и глубокие, есть чистые люди, есть добрые дела...»

Все упования профессора Рачинского были исключительно на учителей и священников из народа, ибо он, прожив половину жизни в светском обществе, наблюдал духовное разложение большей части современной ему интеллигенции. И возможно, это стремление учить крестьян было главной

задачей того времени. Если бы такие учителя работали в каждом уезде Российской империи, если бы каждый помещик заслужил, чтобы к нему крестьяне обращались «милосердный отец», как обращались к Рачинскому, не думаю, что наш народ можно было бы подвести к кровавой революции.

Самое трогательное и весьма важное в разговоре о «Золотом веке» Рачинского то, что святое дело творилось просто: учитель мог купить скрипку или костюм своему выпускнику, Государыня могла подарить сельскому учителю фисгармонику, К.П. Победоносцев, написав письмо Александру III, где рассказывал о подвижнике Рачинском, на следующий же день получал ответ и принимались меры по закрытию кабака рядом с сельской школой в сельской глубинке. А где сегодня тот Победоносцев, который своим письмом к властям предрежающим остановит и разгул кабатчиков, и развал образования, и разграбление наших природных богатств по инструкции американского финансового фашизма?!

Важно отметить ещё то, что Рачинский сумел объединить вокруг себя тысячи (!) людей, отказавшихся от употребления алкоголя. В 1882 г. учитель сам дал обет трезвости в день своего небесного покровителя — Преподобного Сергия Радонежского и следом за ним подписались несколько десятков прихожан Троицкой церкви. Общества трезвости по типу татевского стремительно возникали по всей России. По письмам, хранящимся в РНБ, можно проследить географию адресатов, обращавшихся к Рачинскому по вопросам организации подобных обществ, их настроение и душевный подъём.

Император Николай II, в чьё царствование была создана высокопрофессиональная система среднего и высшего образования, давшая невероятный скачок развития науки и техники, с чьего повеления почти повсеместно было введено обязательное бесплатное образование для крестьян, 14 мая 1899 г. подал рескрипт, в котором лично благодарил Рачинского и назначил ему пенсию в 2 тысячи рублей ежегодно.

К вопросу о «непросвещённом народе» следует сказать, что церковно-приходских школ в Смоленской губернии к 1902 г. было 916. В них обучалось 34 525 детей: 26 399 мальчиков и 8 126 девочек, как значится в «Обзоре Смоленской губернии за 1902 г.».

Татевская школа никогда не закрывалась, летом здесь занимались певчие и художники, под руководством Сергея Александровича юноши готовились к поступлению в духовные училища. Каждое лето у Рачинского проводил его крестник Сергей Сеодзи — японец, новообращённый в Православие святителем Николаем (Касаткиным) — земляком Сергея Александровича.

Многие выпускники университетов приезжали в Татево, чтобы поработать под руководством Рачинского. Прошли «школу Рачинского» известные педагоги: Н.М. Горбов, В.А. Лебедев, А.Д. Воскресенский, А. Голицын. В школьной художественной мастерской Сергей Александрович сам проводил занятия по живописи, черчению и рисованию. Здесь же давал уроки муж его сестры, художник Э.А. Дмитриев-Мамонов.

Во время посещений Татева со школьным хором занимался Степан Васильевич Смоленский, музыкант, директор Московского синодального училища церковного пения, профессор Московской консерватории, с 1901 по 1903 гг. он руководил Придворной певческой капеллой в Петербурге. В 1901—1902 гг. он вёл отбор лучших певцов из хора татевской школы для хора Синодального училища.

Глядя из туманного сегодня, я пытаюсь понять, чем же была эта универсальная школа С.А. Рачинского для своего времени? Прежде всего она зиждилась на личности педагога и отражала его способности, врождённые дарования, кругозор, образование, которые создавали воспитательную среду для его учеников. Из школьного гнезда они вылетали, имея обширный багаж знаний, какой сегодня едва ли можно получить, окончив престижную столичную гимназию. Не говоря уже о том, что такие, как это теперь называется, «образовательные услуги» родителям сегодняшнего школьника обошлись бы недёшево. В школе Рачинского с родителей брали только муку для выпечки хлеба.

Актуальность «школы Рачинского» как целостного понятия — в том, что ценность церковного искусства осталась прежней, подход татевского учителя к изучению церковнославянского и русского языков, математики оправдал себя полтора века назад, ведь лучших советских врачей, учёных, космонавтов готовили зачастую учителя царских гимназий. С приобретением начальных профессий у нас сегодня тоже большая проблема. А эту деятельность можно организовать на базе школы, особенно сельской.

Пережив крутые повороты истории, сегодня нам является образ универсальной русской школы, заложенной педагогом С.А. Рачинским. В Ярославской области в Ивановской на Лехте школе двадцать пять лет назад начал преподавать Владимир Сергеевич Мартышин. Он создал школу, по сути, идентичную школе Рачинского, и уже спустя несколько лет, узнав о выдающемся педагоге, понял, что он сам пришёл к его методике, ибо ничего лучше придумать невозможно. Школьная программа В.С. Мартышина более усовершен-

---

ствована и адаптирована к нашему времени, а основу педагогической концепции, как и во времена Рачинского, составляет идеал целостности, что является одной из главных, стержневых тем русской философии и педагогики.

Ивановская на Лехте — обычная общеобразовательная школа, где углубленно преподаются предметы, которые дают основательную почву для здоровой духовной жизни, полноценную картину мира, целостное эстетическое развитие. А духовная культура органично входит в атмосферу и дыхание школьной жизни.

С 1 по 4 класс дети здесь изучают красноречие и каллиграфию. С 1 по 11-й — преподаётся живопись, музыка и хореография. Директор школы В.С. Мартышин убедился в том, что живопись — мощнейшим образом воздействует на развитие ребёнка. «Даже дети с отклонениями в физическом развитии проявляют здесь свои таланты», — говорит он.

Едва ли не основным в Ивановской школе является программный блок предмета «Отечественное», который преподаётся с 1 по 10 класс. В 1 классе целый год дети изучают «школьный двор»: времена года и природные явления; во 2 классе — в рамках курса «Моя семья, село, деревня» — этнографию, географию, словесность, фольклор; в 3 классе изучение выходит за границы Ивановской волости, охватывает Борисоглебск и другие волости с их историей, промыслами, культурой; в 4 классе начинается интегрирование местной истории во всероссийскую и мировую, предмет называется «История Борисоглебского края в лицах»: от Святогора до писателя Фёдора Абрамова, который здесь бывал. В 5 классе — Ростовский уезд. В 6 классе — изучается уже Ярославская губерния, её история, культура, этнография, промышленность, экономика; города Рыбинск, Углич, Переславль Залесский; в 7-м — «Народный календарь и фенология»; в 8-м — «Мир русской деревни», при преподавании здесь используются одноименная книга Марии Громыко и «Лад» Василия Белова; в 9 классе изучают курс «Сеятели и хранители», посвященный русским ученым, которые внесли значительный вклад в науку земледелия, лесоводство России. И заканчивается предмет «Отечественное» 34-часовым курсом «Русский народ. Основы самосознания», где рассказывается о характере народа, об укладе русской жизни, национальных традициях.

Ученики Рачинского изучали Закон Божий, церковное чтение и пение, участвовали в богослужениях в качестве певцов и чтецов. «Тому, кто окунулся в этот мир строгого влияния, глубокого озарения всех движений человеческого духа, доступны все выси музыкального искусства, тому

понятны и Бах, и Палестрина, и самые светлые вдохновения Моцарта, и самые мистические дерзновения Бетховена и Глинки», — писал Рачинский.

И в Ивановской на Лехте школе одним из важных является предмет «Добротолубие». Он преподаётся во всех одиннадцати классах и состоит из отдельных поклассных курсов с первого по девятый класс, объёмом по 34 часа, а в 10—11 классах по 68 часов.

«При разработке программы, — рассказывает Владимир Сергеевич, — мы постарались охватить все аспекты духовной жизни нашего народа на уровнях личности, семьи, общества, государства. В 1 и 2 классах курс носит название «Уроки добра». Именно в этом курсе дети впервые знакомятся с понятиями добра и зла, милосердия, сострадания, любви, честности, послушания, бесстрашия и другими добродетелями, изучают наиболее распространённые христианские заповеди. Здесь же дети получают первые сведения о нравственно отрицательных поступках: лжи, клевете, лени, зависти, гордыни. Важным в курсе является раздел «Родительский дом», в котором дети впервые знакомятся с основами семьи, благочестивым устройством семейной жизни, заучивают пословицы и поговорки о семье, участвуют в беседах о родителях, близких, разбирают отдельные поступки людей.

Ещё один пример авторской школы, в основание которой были заложены идеи С.А. Рачинского, это Русская школа в Твери. В основу концепции этого негосударственного образовательного учреждения начального и дошкольного начального образования легли три принципа, заложенных К. Ушинским: православие, народность и научность. Мы знаем, что сегодня многие православные школы считают, что им не нужна научность, поскольку наука в советское время строилась на атеизме, и не нужна народность, ибо там опасное язычество. Известны также попытки создания народных школ, где нет православия. А в школах, где есть синтез православия и народности, до научности дело не доходит.

Синтез трёх принципов школостроения и даёт ребёнку «жизнь, полную содержания». Именно такую школу и начала четверть века назад создавать Елена Александровна Суворина вместе с коллективом единомышленников.

«Школа должна запомниться детям праздниками», — цитирует Елена Александровна слова С.А. Рачинского, учителя народной церковно-приходской школы. «Путь в родную культуру и сегодня лежит через народный праздник и традицию его проживания», — продолжает она свою идею. В

основу воспитательного уклада Русской школы, которая включает в себя детсад и начальную школу, положив годовой календарный круг православных, народных и светских праздников. «Годовой круг задаёт целостность, гармоничность, осмысленность всей системе воспитания ребёнка в контексте и средствами его родной культуры», — излагает концепцию воспитательного уклада школы в своей книге «Педагогика праздника» Елена Суворина.

Календарный круг праздников Русской школы строится на синтезе и избирательной событийности трех календарей: православного, народного и гражданского.

Церковное празднование Рождества и Пасхи, к примеру, продолжается праздничными детскими духовными спектаклями и концертами школьного хора «Звонница». Литературный материал и музыкальный репертуар таких праздников — лучшие образцы отечественной культуры. Завершается учебный год, как и в школе Рачинского, празднованием Дней славянской письменности и культуры. Дети знают, что славянские первоучители Кирилл и Мефодий не просто создали более понятную всем славянским народам письменность, но дали особый язык-славословие, обращённый к Творцу.

Из народного же календаря избираются фольклорные праздники в контексте церковного календаря. Это осенние Кузьминки, Рождественские колядки, Масленица, Прощёное воскресенье, Красная горка.

Дети в таких праздниках и народных гуляниях — не зрители, а активные участники всех событий. Осознание праздничных событий и умения их празднично проживать формируются у детей из всего школьного уклада и уроков системы дополнительного образования. Стандартный учебный план в Русской школе дополняется уроками ОПК, духовным пением, народоведением, занятиями по русскому рукопашному бою, участием в театральной студии, они наполняют и питают детей сокровищами родной культуры.

В системе внешкольного воспитания регулярно проходят военно-исторические игры «Славянские древности», дети посещают Ботанический сад Тверского государственного университета, городскую станцию юннатов, краеведческий музей, учителя организуют викторины на темы «Символы России», «Моя Родина», где дети показывают своё умение пользоваться словарём, работать сообща.

В седмицу славянской письменности и культуры помимо итоговых контрольных работ дети осваивают игровые специальности: «летописец», «сказитель», «странник», «карто-

---

граф»... «Странник», к примеру, должен знать святые и исторические места родного города и уметь рассказать о пяти из них; принять участие в паломничестве по храмам и историческим местам Твери; составить пять маленьких рассказов о большой истории тверских святых (на Тверской земле родились три русских патриарха и триста святых!); знать возможные маршруты паломничеств в пределах Тверской области; знать и уметь рассказать о святынях, сыгравших важнейшую роль в истории Российского государства (например, Троице-Сергиева лавра и освобождение Руси от татаро-монгольского ига).

Создан даже журнал Русской школы с приятным славянскому слуху сербским названием «Задруга».

В разработке школьного уклада, его принципов и методик Елена Суворина доходит до самых основ воспитательного процесса: «Человек принадлежит двум мирам — видимому и невидимому. Задача педагога — помочь ребёнку не только в его культурном, историческом, но и духовном самоопределении, ввести ребёнка именно в реальность двойного бытия. Точнее подтвердить его наличность, поименовать, т.к. ребёнок знает инобытие лучше нас». А далее ещё конкретнее и «педагогичнее»: «Христос умирает как человек, но воскресает как Бог. Своєю смертью побеждая закономерность смерти, вырывая «жало смерти», Христос открывает тайну — зло реально, но не субстанционально... Без воли человека оно «не есть», оно «ничто», оно «чёрный квадрат» не-бытия...» Согласитесь, благо той школе, где директор и учитель приступают каждый день к своей работе с детьми с такой жизненной позицией.

За тридцатилетие разрушения российского образования, которое названо реформами, в православной классической гимназии Свято-Алексиевской пустыни в Переславском районе Ярославской области собран и сохранён опыт преподавания классической гимназии, привлечены лучшие специалисты по различным дисциплинам, сформирован тип социальной и хозяйственной организации общества, создан образец культурной и научной деятельности.

Гимназия возникла трудами священника Алексея Василенко в 1995 году в Свято-Алексиевской пустыни, возродившейся на руинах колхозных построек, некогда принадлежавших Феодоровскому женскому монастырю Переславля-Залесского.

После первых лет работы школа дала результаты: учащиеся Свято-Алексиевской гимназии брали самое большое количество медалей и грамот на олимпиадах и соревнованиях

по району. Математика преподаётся здесь по учебникам А. П. Киселёва, а русский язык в начальной школе — по учебнику К. Д. Ушинского. Это возможно сделать и в других школах, если родители выступают с такой инициативой. Сегодня под крылом Обители 280 воспитанников школьного возраста и 40 дошколят.

С 2005 г. в Свято-Алексиевской обители действует Школа искусств в четыре отделения: музыкальное, хоровое, изобразительных искусств, театральная секция и хореографическое отделение, проводится обучение детей игре на фортепиано, скрипке, виолончели, флейте, гитаре, народных и духовых инструментах. Здесь часто проходят концерты классической музыки. Помню, как в завершение традиционной майской конференции несколько лет назад нам довелось услышать великолепный хор гречанок, прибывший в пустынь в рамках своих гастролей в Москве.

Гордостью Свято-Алексиевской гимназии можно назвать созданный в 1999 г. «Сухопутный святого благоверного князя Александра Невского Кадетский корпус» и морской взвод имени святого праведного воина Фёдора Ушакова. На сегодня — это «Объединённый святого апостола Андрея Первозванного КК САП». В корпусе четыре взвода: Разведывательный (спортивный), Музыкальный, Казачий и Морской, где преподаётся строевая подготовка, огневая подготовка, тактика, изучение уставов, морского дела, общая медицинская подготовка, автодело, экстремальный туризм, топография, верховая езда. Воспитанники гимназии занимают первые места на всероссийских соревнованиях среди кадетских корпусов и военизированных детско-юношеских организаций. При Корпусе существует Общество сестёр милосердия и у девочек есть возможность обучаться сестринскому делу.

Библиотека Пустыни численностью более 350 тысяч томов включает в себя Отдел редкой книги, Отдел рукописей, Арткабинет, Военно-историческую и военно-учебную библиотеку, Картографический кабинет. В отделе мемориальных библиотек находятся библиотека академика Б. В. Раушенбаха, академика В. Г. Фесенкова, профессора Н. А. Чистяковой, профессора М. Ф. Мурьянова, фрагменты библиотек учёных чл.-корр. АН А. А. Ляпунова, профессора П. В. Флоренского, профессора Н. В. Кинжалова и многих других. Школьники работают с книгами, а не с компьютером и поступают в лучшие вузы страны: технические, военные, медицинские, педагогические. Информатику здесь преподают только в 9-м и 12-м классах, готовя выпускников к поступлению в техникумы и вузы. Учителя замечают, что когда дети

едут в экспедиции или идут в походы, то берут с собой каждый по несколько книг.

Ещё один важный аспект школьного воспитания — приобретение начальной профессии. Гимназия Свято-Алексиевской пустыни даёт своим выпускникам более десяти профессий: агрономия, коневодство, деревообработка, швейное дело, автодело и другие. «Не может быть духовный человек морально чутким, если не уважает труд», — говорит устроитель и настоятель обители Алексей Василенко (ныне иеромонах Пётр).

Отец Пётр мечтал стать учёным, путешественником. Стал учёным, просветителем и молитвенником. В обители организована сеть различных по научно-экспозиционному потенциалу музейных собраний — объединённые музеи: Музей путешествий и великих географических открытий, Музей изящных искусств им. П.И. Басманова, Музей классических древностей, Музей казачьего быта, Музей естественной истории им. А.Е. Микулина, музейные комнаты, где со всех концов света собраны диковинные бабочки, растения, монеты и посуда разных стран и эпох, подлинные вещи и письма русских писателей... Детьми собраны гербарии по всем требованиям ботанической науки. Всех приезжающих в Обитель отец Пётр с радостью проводит в путешествие по школьным музеям.

На территории гимназии находится зоопарк, где живут павлины, зайцы, лисы, медведи, олени, верблюды, яки... В ботаническом саду пустыни насчитывается 700 видов (свыше тысячи сортов) растений.

Можно себе представить, с каким багажом знаний, впечатлений, переживаний, устремлений выходят в мир выпускники этих школ, развивающих лучшие традиции русской национальной школы, заложенной К.Д. Ушинским, К.П. Зеленецким, С.А. Рачинским.

Профессор ИМЛИ, доктор филологических наук Всеволод Юрьевич Троицкий писал в начале 90-х в своей книге «Пути русской школы»: «Есть два пути развития современной отечественной школы. Первый — через воспитание национального и государственного самосознания гражданина России. Второй — путь утверждения эгоистической личности, духа торгашества и ещё более — формирование колониального сознания».

По какому пути пойдёт современная российская школа?..

РАСКАЗЫ

ИВАН-ЧАЙ ЦВЕТЁТ ОДИН РАЗ

На дворе у соседей петух прокричал хриплым, словно прокурренным, голосом. Пора Андрейке вставать. Допоздна он играл в компьютер, даже палец от мышки онемел. Глаза будто затянуты плёнкой, не помогла и холодянка из уличного рукмоуника. Вяло почесал жиденькую, как у молодого священника, бородёнку. С утра пораньше надо ехать за иван-чаем: к обеду приёмщица Марусяка будет ждать с травой.

Андрейка собрал нехитрый перекус в дорогу: яйцо, пару огуречиков, хлеб. Сегодня ехать за иван-чаем придётся подалее, потому что у дороги траву уже давно подчистую оборвала Зинка-алкоголичка — собирает на опохмелку. Седло старого Андрейкиного велосипеда скрипит о прошлом.

Со своей матерью Ангелиной он приехал в деревню изда-лека, из Североморска — города, даже от названия которого, казалось, веет холодом, а на зубах похрустывают колючие льдинки. Там всю жизнь она работала в ателье швей. В 90-х годах мода шить своё ушла, люди стали покупать готовые китай-

ПРОЗА

ские и турецкие тряпки. Ателье терпело убытки, приходилось занимать деньги на хлеб.

Взяла как-то раз Ангелина до зарплаты микрокредит в шарашкиной конторе, а отдать вовремя не смогла. Долг тикал, как секундные стрелки. Коллекторы нагрянули раз, другой... В общем, с квартирой пришлось расстаться. Хорошо, хоть жива осталась.

Бедная женщина вынуждена была вернуться с сыном в родную деревню. Отец с матерью к тому времени уже умерли, дом стоял пустой, но жить в нём было можно.

Весной Ангелину согнуло: сильный кашель, высокая температура. Тогда коронавирус ещё только заявлял о себе. Долго не обращалась к врачу, а когда приехала-таки в больницу, было уже поздно... Ночью оторвался тромб — почти мгновенная смерть.

Так Андрейка остался сиротой.

Он с малолетства был замкнутым, никогда не улыбался, словно не хватало ему чего-то, чтобы радоваться жизни. Как на севере растениям мало солнца, так и Андрейке не доставало внимания отца, который ушёл к любовнице, когда у сына только зубки прорезались. В садике он ревел все дни, Ангелине приходилось забирать сына на работу, там он и рос. Школа стала для Андрейки тюрьмой. Со сверстниками не общался, старшаки пинали. Он ходил, глядя в землю, не поднимая глаз. Дома играл в те же самые игрушки, что и в пять лет. Психиатр в поликлинике хотел поставить ему диагноз «аутизм», но Ангелина раскричалась:

— Мой ребёнок — не даун!

— Женщина, успокойтесь! Зря вы так. Аутист — это не даун... Намучаетесь вы с ним, — вздохнул старый врач.

Ангелина боялась, что скажут родные, друзья, соседи. Да и не был Андрейка в чистом виде аутистом. Но, так или иначе, от инвалидности они отказались.

Чудом, а точнее — из жалости учителей, Андрейка еле-еле окончил девять классов и дальше учиться не стал. Разносил почту, пока как-то раз в подъезде не изувечили подростки, выбив зубы и свернув челюсть. Есть не мог, Ангелина кормила из трубочки.

В деревне, куда они приехали, почтальонские места были давно и прочно заняты. На лесопилку его не брали, боясь, что изуродуется: отвечать за инвалида никому не хотелось. В общем, Андрейка сидел в компьютере, а правильнее сказать, на шее у матери. Благо, «северная» пенсия у Ангелины заработана была большая.

Весной, когда умерла мать, надеяться парню осталось только на огород. Раскапывать участок у дома пришлось тяжело — в красную глину не входила лопата. Когда-то здесь, на угоре, стоял кирпичный завод, и теперь на этой земле рос только хрен, жирный, белый, соседи выкапывали его и делали хренодёр. Сломав две лопаты, Андрейка всё-таки разработал огород. Тётка Ленка, дальняя родственница, пожалела — дала мелкую пророщенную картошку, которую, по её же совету, он сажал по два клубенька в лунку. Но пока картошка только росла, и надо было чем-то кормиться.

Андрейка пошёл к доске объявлений у сельсовета, как по привычке называли местную администрацию. Здесь, на деревянном щите, кнопками прикрепляют важные объявления. Смоченные дождями бумажки с расплывшимися буквами могут дать фору Интернету. Прочитаешь — и все деревенские новости узнаешь: когда цыплят с птицефермы на продажу привезут, будет ли в амбулатории стоматолог для удаления зубов, где подработать можно. «Куплю рога лося» — ну, это явно не для Андрейки. «Принимаю иван-чай» — крупно напечатано на компьютере и адрес приёмщицы.

Про этот способ заработать хотя бы на хлеб говорила всё та же сердобольная тётка Ленка:

— Раньше-то никто и не думал его собирать. И что за мода теперь пошла? Пользительная вдруг трава стала.

Андрейка искренне думал, что иван-чай цветёт один раз, а на следующий год погибает, поэтому так старается, высоко выбивается к небу. Ничего-то он не знал о деревенской жизни.

Едет Андрейка на велике сквозь туман. По лугам расплескался малиновыми озёрами иван-чай. Едет и переживает: о чём-то надо будет разговаривать с приёмщицей Маруськой, напоминавшей злую барыню из рассказов Тургенева. А он был будто Герасим — слова из него не вытащишь.

— Не у дороги хоть рвал? Чего молчишь? Эх, сирота ты казанская! — то ли насмежалась, то ли всё-таки жалела пожилая приёмщица.

Потупив глаза, Андрейка вываливал из мешков листья иван-чая.

На вырученные деньги он первым делом покупал молоко Тишке — кошке, которую они с матерью привезли из Североморска. Недаром говорят, что эти хвостатые чем-то похожи на хозяев. Он смотрел в Тишкины глаза, когда-то зелёные, а теперь выцветшие, слезящиеся, и словно видел мать. А точнее, это Ангелина наблюдала за сыном через кошку...

Ещё Андрейка покупал себе в лавке хлеб, иногда — самую дешёвую колбасу. А за электричество платить было уже не-

---

чем. Каждый день он боялся, что придут электрики и отрежут провода.

Иван-чай пожирнее и погуще рос у деревни Петунино, где семь домов и ни одного постоянного жителя. Кто переехал в село, где жил Андрейка, кто ушёл на вечный покой.

В это раннее утро никак он не ожидал увидеть спешащего в Петунино Женю-автобусника. Черноватый, с крепкими ручищами, он был старше Андрейки от силы года на три. Жил на той же улице, в самом её начале, у автостанции, работал водителем. Недавно построил основательный дом, в четыре окна, в хозяйстве порядок всегда — казалось, состоявшийся мужик. Только вот пил запоями, а почему — неизвестно. Пьётся... Прогуливал тогда и работу. Жена, медсестра в амбулатории, симпатичная блондинка, вроде не изменяла, росли два белобрыхих пацанчика, маленькие копии Жени. Кредит взял на новую тачку... А что у мужика было на душе — никто не разбирался, кроме всегда «добрых» собутыльников.

Женя шёл странной походкой напрямки по крапиве к родительскому дому. Его сильно трясло от похмелья и чего-то невыносимо тяжёлого, давно подступавшего к самому сердцу. Андрейку, хоть и был тот ростом не мал, в зарослях гигантского иван-чая мужик не заметил.

Андрейка оставил мешок, наполовину уже забитый травой, и проследил за Женей, почувствовав неладное. Тот, почему-то обогнув крыльцо, с треском отодрал доски, которыми была заколочена дверь в хлев, словно и не в родной дом шёл. Андрейка задрожал, но, пригнувшись, тоже подкрался к раскрытому двору. На полу чернели клочки заплесневелого, слежавшегося сена, не скормленного скоту, у стены стояли грабли с редкими деревянными зубьями, плетёные корзины. Женя достал из кармана верёвку, подставил старый ящик.

Глаза Андрейки расширились. Он вспомнил старый советский фильм про войну, который смотрел ещё в детстве, где фашисты вешали для устрашения на виду у всей деревни партизан. После этого кино он долго не мог спать, мать ложилась рядом.

А Женя уже обматывал верёвкой старую матицу, пробовал образовавшуюся петлю на крепость...

И тогда Андрейка тоже шагнул в хлев. Доски громко заскрипели, и Женя обернулся:

— Ты... Чё тут делаешь?

— Я... иван-чай собираю, — голос Андрейки дрожал.

— Какой, на хрен, иван-чай? — заорал сосед. — Иди отсюда, пока ноги не переломал!

— Не уйду! — парень сам не ожидал от себя такой смелости.

— Слушай, ты, дебил, вали, я сказал! — Женя продолжал стоять на ящике.

Андрейка не двинулся с места. От обидного слова «дебил» ему стало больно, будто его наотмашь ударили по лицу. Из глаз потекли слёзы, и он заплакал, как маленький, навзрыд, и далеко был слышен в это безмолвное утро плач взрослого с виду мужчины, так и оставшегося в душе ребёнком.

— Ты это... чего? — Женя наконец спрыгнул с ящика, подошёл к Андрейке. Парень трясся, как молоденькая осинка на ветру, и Женя не знал, как его успокоить. Вроде не баба, почти ровесник. Тогда он шагнул к Андрейке и крепко, потцовски, прижал к себе. Через минуту парень затих. Исчез и похмельный озноб у Жени, тяжесть отпустила.

— Ну, всё, всё, тише... Всё прошло, — Женя неловко гладил широкой ладонью по голове этого странного Андрейку. — Только никому не говори, что тут видел. Забудь. Хорошо?

Они пошли домой: Женя вёл велосипед Андрейки, тот волочил мешок иван-чая. Вместе обрывали по пути эту розовую чудо-траву и быстро заполнили мешок. Солнце приятно пригревало спины. Впереди был долгий летний день.

БУНТ

Объявление о строительстве мусорного полигона в Горбатове пришили кнопками прямо на двери сельского клуба, испещрённой блёклыми чешуйками облупившейся краски. Рядом с печатными буквами кто-то через час дописал от руки: «Да пошли вы на...» и нарисовал череп с костями впридачу.

Это был и не клуб — бывшая школа: клуб из-за ветхости стоял закрытым. Школу десять лет назад оптимизировали, последних пятерых ребятишек из Горбатова возили на трясучем пазике в соседнее село.

Самым большим помещением, лучше всего подходящим для собрания районных властей с жителями, оказался школьный коридор. Несмотря на то, что печи жарко топили два дня подряд, пар шёл изо рта, от масляного обогревателя тоже не было толку — температура в коридоре почти как на улице.

— Что будет!.. Ой, что будет! — причитала глава сельской администрации, которой давно уже пора было на пенсию.

Но за работу тётка крепко держалась — ещё хотела поднять внуков на жирную чиновничью зарплату.

С вечера горбатовцы рисовали плакаты, готовились к «встрече». Заводилой была местная — молодая женщина Алевтина, которую все любя называли Алей. Худенькая, в чём только беспокойная душа держится, волосы от природы ярко-рыжие, будто хвост у лисы, длинная чёлка. Аля носила кругленькие очки и постоянно поправляла их на аккуратном носике.

Работала она в школе учителем русского языка и литературы и заодно вела историю, но, когда школу закрыли, пришлось ехать в районный центр. Женщина устроилась там в городскую газету корреспондентом, писала ярко, выразительно. «Тебе бы, мать, романы сочинять», — говорили совсем не в шутку подруги.

Дом-пятистенок, построенный ещё до войны, — единственное наследство, доставшееся Але с братом от родителей, — стоял на краю села. Изба дряхлая, а вид из окон открывался — как на картине Шишкина, только отодвинь цветастую, ещё материнскую занавеску: чистая река и огромное поле, правда, со временем уже местами поросшее сосенками и ивой. Вот как раз на этом поле и собирались власти построить свалку, которую красиво назвали мусоросортировочным комплексом.

К назначенному в объявлении часу горбатовцы дружно вышли с восклицательными плакатами: «Не дадим свою землю!», «Будем биться до конца!», «Горбатово — не помойка!», «Люди важнее мусора!», «Нам здесь жить!». Толпа нехотя раступилась перед приехавшим начальством.

Глава района Николай Мартынов — мужчина в самом расцвете сил, поджарый, в щеголеватом пальто и модных узких брюках-дудочках, решил сам побывать в Горбатове. Не думал, что ему придётся хватить позора от местных жителей. И всего сто человек по прописке числилось в Горбатове, а ведь когда-то это был большой совхоз, тысячи полторы людей жило. После того, как закрыли школу, молодёжь начала уезжать, а когда на бойню отправили последних телят — стали покидать родные места и те, кто ещё мог работать.

Феликсовна, древняя старуха лет под девяносто, закутанная в шаль, как в кокон, громким голосом старательно выводила с крыльца:

*Встань, Россия, из рабского плена.
Дух победы зовёт, в бой пора!
Подними боевые знамена
Ради Веры, Любви и Добра.*

И тут же без перехода:

*Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!*

Получалось у Феликсовны, несмотря на её внушительный возраст, бойко и задиристо. Будто и в самом деле старуха собиралась идти воевать, только дай ей в руки пулемёт или гранату.

От набившегося народу (а пришли чуть ли не все жители Горбатова — от мамочек с грудничками до глухих дедков) в школьном коридоре сделалось теплее: надышали, старые окна с замазкой на рамах потекли. Кругленький Пухов, заместитель Мартынова, начал презентацию про «самый лучший, самый современный мусоросортировочный комплекс», который будет в области, именно здесь, рядом с селом Горбатовом, на бывшем Филином поле. Получалось, что жители ещё должны благодарить власти за этот подарок.

Первым не выдержал болтологии Димка Красавчик, который работал скотником. Его называли Димкой, хотя возраста он был уже стариковского. А почему Красавчик — непонятно. Может, в молодости и считался таким, а сейчас никак не скажешь, глядя на его небритое, после тяжёлого похмелья, лицо.

— Стройте у себя под носом, раз такая хорошая мусорка. Нам вашей свалки не надо! Лес вырубил, совхоз загубили, а сейчас хотите засрать всё?

— Так свалки и не будет, это будет мусоросорти... — Пухову не дали договорить.

— Вы глухие, что ли? Ничего не будет! Не дадим вам строить у нас ни-че-го! — это уже выступала дочка Феликсовны Надюха. Полноватая, тоже крепко укутанная в платок, как матрёшка, лет через десять она превратится в точную копию матери. — Всё, что вы показываете тут на картинках, это сказка. Будет по-другому всё, мы знаем! Ваше говно потечёт с Филиного поля в нашу речку! Как только додумались на холмах мусорку строить? Недаром у нас деревня Горбатово называется!

Село располагалось под угором, на кромке Филиного поля, на берегу речки Осницы. Из неё брали воду для питья те, кто не имел своего колодца, та же Феликсовна и Димка Красавчик.

— Правильно говоришь, ничего не надо! Вишь, удобное место они нашли, рядом с дорогой! — собравшиеся зашумели ещё громче. Микрофон ведущей уже не помогал.

— Пусть прокричатся, — посоветовала глава сельской администрации Мартынову.

— Да идите вы на хрен! — прохрипел Димка. Тем самым корневым матюгом, что был написан на дверях.

— Тише, Дима, тише... — унимали Красавчика бабки, как будто нашалившего ребёнка.

— Мы готовы ответить на любые ваши вопросы, — попытался утихомирить народ Пухов.

— Как вы перевели земли сельхозназначения в промышленные? — встала с первого ряда Аля и начала задавать конкретные вопросы, нацелив видеокамеру. Пухов густо покраснел, Мартынов заёрзал на стуле. — Здесь же было поле, а сейчас хотите свалку организовать?

Горбатовцы прислушались к словам Али.

— Мы соберём подписи президенту, в Генеральную прокуратуру жалобу напишем на незаконный перевод земли, — смело продолжала она. — Думаете, от нас ничего не зависит? Ори не ори, а делаете так, как задумали? Хотите бунт? Получите! Мы живём в России, а это на границе закона и здравого смысла.

— Правильно, Аля! — захлопали все.

«Свалке — нет!» — начали скандировать горбатовцы. Кто-то затопал ногами. Кажется, ещё немного — и затрещат старые стёкла.

Мартынов решил, что надо уходить подобру-поздорову. Собрание наскоро завершила сельская глава.

— Шелупонь развыступалась! — Только закрывшись в служебной «Тойоте Камри», Мартынов почувствовал себя в безопасности. — Поехали отсюда!

— Валите, пока целы! — последнее, что он услышал в Горбатове. Это были крики Димки Красавчика. В заднее стекло машины полетели снежки.

— Надо участковому сказать про этого козла, — брезгливо поморщившись, Мартынов отвернулся от окна.

Выехали из села. Дорога поднималась вверх, справа тянулось Филино поле, где планировался полигон.

— Да какое тут поле! Лес уже вырос давно, — в первый раз посмотрел на выбранное место глава района.

Чуть успокоившись, Мартынов набрал на мобильном номер серого кардинала областной администрации — заместителя губернатора Виктора Рябцова.

— Эти деревенские мудаки из Горбатова устроили только что концерт! Чуть не побили, — немного приврал Мартынов, кусая ногти.

— И что? Как хочешь, так и решай вопрос! Помни, что мусор из столицы сюда повезут. Знаешь, сколько бабла и кто

поставил на кон? — зам орал в трубку так, что Мартынову пришлось отодвинуть её от своего волосатого уха. — Забыл, кто тебе эту должность дал? Может, папку с грешками молодости поднять?

У Рябцова имелся компромат на каждого главу района. Мартынов торговал палёным спиртом в лихие 90-е годы. Многие так тогда зарабатывали. Да, случались и смерти деревенских мужиков после выпитого, но в больнице всё списывали на злоупотребление алкоголем, больное сердце и т.д. Мартынов боялся другого: десять лет назад он, ещё молодой специалист районной администрации, пьяный, покалечил человека у ночного клуба. Дело удалось замять благодаря Рябцову. Посадили двух ребят, невиновных, но тоже находившихся в тот вечер в клубе. От одной только мысли, что он может угодить на зону хоть на час, Мартынову, пахнущему дорогим парфюмом и в отглаженном костюмчике, становилось жутко.

— Я понял, Виктор Константинович! Конечно-конечно, всё решу! — поспешил ответить Рябцову Мартынов.

Машина шелестела шипованными шинами по асфальтированной трассе в город. Вокруг темень, только порой мелькали подслеповатые огни в окнах домов редких деревушек. И тут за пригорком фары выхватили тощую фигурку лисы с пышным хвостом. За секунду до машины рыжая дерзко перебежала дорогу и скрылась в ёлках.

— Вот же! Чуть не даванул бестию, — выругался водитель по прозвищу Лысый. Он носил причёску под ноль, исполнял у Мартынова роль телохранителя, был вхож в семью. — А может, эту, как её, журналистку, тоже так?.. Ну, как будто ночью не заметили на трассе. Живёт она за городом, возвращалась домой... На дальнобойщика спишут. И концы в воду. Кто там безумных старух ещё организует? А?

Мартынов молчал.

...Они продирались сквозь густой лес уже не одну неделю. Несколько семей везли нехитрый скарб на телегах, сами шли рядом пешком. От оставленных позади вёрст лапти на ногах у людей стёрлись. Узкую лесную тропу, по которой хаживали медведи и другое зверьё, постоянно преграждали валежины. При спуске с горки, как раз перед шустрой речкой, ось у передней телеги сломалась, деревянное колесо укатилось в воду.

— Всё, нет сил, — шумно выдохнула старуха. — Тут и остановимся.

На холме рос строевой лес. Посередине открылась полянка, будто только и поджидала гостей. Седой как лунь старец копнул землю.

— Жирная земляца, хлебородная, — кивнул старухе, перебирая в руках вязкий чернозём.

Девушка с заплаканным лицом умывалась в реке, смотря в неё, как в зеркало. Потом деревянным гребешком расчёсывала рыжие густые волосы. За ней с любовью и жалостью неотрывно следил чернобровый парень. Замотанный в тряпки, плакал ребёнок, девочка. И тоже огненно-рыжая.

Мужчины начали рубить ельник, чтобы сделать шалаш. Это был крутой склон, внизу ещё белели остатки снега, но от солнца земля быстро прогревалась.

Смутное было время на Руси. Святыни поруганы, дома разграблены. Иноземцы захватывали в плен и насиловали жён и дочерей. Главный положил глаз на молодую женщину с золотыми волосами. Измождённые Смутой, но несломленные люди уходили от нехристей на Север, в глухие места.

В первую ночь беженцы для тепла спали прижавшись друг к другу. Высоко в деревьях раздался крик:

— У-у-у!

Звук был очень похож на человеческий. Девочка заплакала.

— Не бойся, маленькая, — успокоил дед. — Это филин. Наверное, он здесь живёт. Теперь и мы будем здесь жить. А все птицы — друзья человеку..

Через несколько дней на месте стоянки из земли появились чудесные растения с розоватыми цветами, своими листьями похожие на папоротник. Рядом нежились хрупкие фиалки. Успокаивающе загудели шмели, собирая нектар с дивных цветов. Светло-зелёный мох, похожий на уменьшенную во много-много раз сосну, тоже тянулся к солнышку.

Начиналась новая долгая жизнь.

Комбайн «Нива» гигантским верблюдом медленно плыл по Филиному полю, яркий свет фонаря выхватывал налитые колосья, уже нагнувшиеся к земле. У реки Осницы комбайн остановился.

— Видишь, сколько ещё работы, не управиться за день было. Хлеба на этом поле кажинный год много родится, — мужчина достал из авоськи бутылку с молоком, краюху хлеба. Рыжая, в щедрой россыпи веснушек на чумазом личике девочка еле слезла с высоких ступенек комбайна на землю, дышащую дневным теплом.

От реки тянуло свежестью. Вдруг кто-то закричал из леса: «У-у-у».

— Кто это? Филин? — испуганно спросила солнечная девочка.

— Он самый. Тут, в лесу, живёт, сколько себя помню. Недаром Филиным прозвали поле. Филин — птица оседлая. Никто её, правда, не видел в глаза.

— А Филин — хищник?

— Да, но добрый хищник. Если кто позарится — получит, — в темноте девочка не видела, как улыбнулся отец.

Филин умолк. Было слышно, как спокойно гудел зерноток у Горбатова. Жалобно пиликала гармонь у клуба.

— Вот закончим битву за урожай, дожинки отпразднуем — и поедем в город цветной телевизор покупать. Директор совхоза обещал дать премию, если сработаем с плюсом. Мать вон у нас переходящий вымпел получила, — степенно жуя хлеб, делился планами отец девочки. — Братишка твой после армии вернётся — директор новый трактор обещал дать.

— Да не вернётся он в Горбатово, в городе останется, где служит, — тихо сказала девочка.

— Не мели вздор! — строго ответил отец. — Чего ему там делать?

— Он написал мне в письме, что не хочет грязь сапогами больше месить. Выйти, мол, некуда в деревне, — и вздохнула по-взрослому.

— Как некуда? А клуб? В го-о-ород... — протянул отец. — Без деревни не прожить городу. А если все уедут, кто вас будет кормить в городах-то? Хлеб на асфальте не растёт. Эту землю наши деды обрабатывали, воевали за неё. И что? Кинуть? Оставить лесом зарастать? Не-ет. Эх... Что-то мы заговорились с тобой, доча. Давай домой выдвигаться.

Мирно заурчал двигатель комбайна, и не слышно было пахарю и девочке, как, охраняя это поле и этот лес, снова заухал в темноте филин и как ему отозвался другой...

Через месяц после собрания в Горбатове ночью сторел единственный магазин. Местные мужики жалели больше всего винно-водочный отдел. Горбатовцам пришлось потуже затянуть пояса: два раза в неделю автолавка привозила только хлеб и консервы. В ожидании продуктовой машины старики и молодые мёрзли на ветру, проклиная Мартынова. Но это оказалось ещё не самым страшным.

После того, как ликвидировали телят и прикрыли молочное животноводство, в Горбатове завели две сотни свиней — чёрных, породистых.

Поздно вечером ферма вспыхнула за считанные минуты. Этот пожар не был похож на короткое замыкание, на которое списали ЧП в магазине: возгорание на свиноферме началось с крыши, где не было проводки. Дежурил в тот вечер Димка

Красавчик, он открыл ворота и выгнал взрослых животных, а маленьких поросят не успел. Визг стоял истошный. Это кричали поросята, горевшие заживо, и свиньи, которые видели, что их детёныши погибают в муках.

Димка тоже обгорел, лицо покрылось струпьями, но живуч деревенский мужик — выходили в районной больнице.

Местные не поверили в совпадение, что снова произошло короткое замыкание, и вспоминали беспредельную бандитскую молодость Мартынова.

Теперь горбатовцы, ложась спать, каждый вечер боялись: а вдруг выжгут их деревню, как фрицы в войну палили сёла, когда зачищали русскую землю? Будто кто-то решил выдавить местных жителей только для того, чтобы построить мусорный полигон.

Мартынов отомстил-таки Але: из газеты её уволили, а на другую работу в райцентре брать боялись. Но за эти несколько месяцев благодаря соцсетям удалось поднять тысячи защитников из других городов и деревень, около сотни человек весной приехали в Горбатово. С первого взгляда они влюбились в эту землю. Молодые мужчины с аккуратными бородками («учёные, поди», говорили горбатовцы) на краю поля нашли редкие цветы хохлатки, которые, как ответственно заявили приезжие, занесены в Красную книгу. Маленькие граммофончики цветов раскачивались, будто приветствовали гостей. И эту редкую красоту завалить навсегда вонючим мусором, мёртвым пластиком?!

Горожане без конца фотографировали горбатовские восходы, речку, жадно вдыхая пряный травяной воздух, который, казалось, без труда можно было намазать на хлеб, и не понимали, как можно было бросить эту землю. Сначала они удивлялись и даже посмеивались над окающими аборигенами, но те так душевно, как родных, их приняли, что все быстро стали одной командой, ротой, собиравшейся воевать до победного конца с мусором человеческим. Врачи, студенты, поэты, пенсионеры, музыканты, плотники и даже чиновники, скрывавшие от работодателей, куда поехали в отпуск, — кого только не было — все встали под одно знамя.

На Филином поле разбили палаточный лагерь. Из вымахающих сосен сделали мягкие лежанки, поставили шалаши. В первый же день ливень мощным потоком чуть не смыл этот лагерь в Осницу. Но солнце за полдня высушило крутой склон.

— И кто надумал строить мусорку здесь? Всё же попадёт в речку! — удивлялись приезжие дурости районных властей.

— А им что, эту воду не пить! — ругались местные, помогая приезжим с продуктами и приглашая их в баню. Лагерь встал крепко, спайка деревенских и городских оказалась прочнее металла.

Однажды утром Але позвонили добрые люди из районной администрации: на следующий день должна прибыть техника для строительства полигона. Аля решила ответить концертом. К полю местные умельцы провели электричество, соорудили деревянную сцену.

Источник не подвёл: с утра пораньше прибыла тяжёлая техника, с одного тягача съезжал экскаватор, с другого — бульдозер.

— Начинай! — дала отмашку Аля.

Музыканты, весёлые длинноволосые ребята, запели цоевское:

*Перемен требуют наши сердца,
Перемен требуют наши глаза.
В нашем смехе, и в наших слезах,
И в пульсации вен:
Перемен!
Мы ждём перемен!*

На другом конце поля собрался деревенский люд, заиграла гармонь, зазвучали частушки:

*Коля, Коля,
Ты отколе?
Коля — с Поникарова.
Напоила, девки, Колю
Из ведра поганого!*

Поникарово — посёлок, откуда был родом районный глава.

— Помои из поганого ведра ему на рожу вылить! — чуть ли не пританцовывала Феликсовна, забыв про свои лета. Никто не перестал петь, даже когда увидели, что техника подобралась к самому краю поля.

Бригадир строителей остановился, увидев этот концерт. Музыка перекрывала звук мощных машин. Концерт снимали на несколько телефонов. Бригадир позвонил Мартынову:

— Тут полное поле людей. Частушки поют про тебя, Коля. Слышь?

— Какие на хрен частушки? Деньги тебе заплачены? Вот и отработывай! — орал Мартынов.

— Мне чего, давить бульдозером стариков? Я не хочу в тюрьму садиться. Ты давай это, поле расчисти от людей, а потом я заеду на технике, — бригадир выключил телефон и дал команду заглушить двигатели.

Мартынов в расстройстве позвонил Рябцову.

— Ну, если ты такой импотент, я тебе помогу это возбуждение народное снять, — Рябцов, кажется, был пьян. — Завтра у тебя будут чоповцы. Жди!

Ночью из областного центра на автобусе с затемнёнными стёклами выехали накачанные парни из ЧОП «Филин», мощные бицепсы проступали даже через рукава рубашек. Эту фирму держал бывший авторитет, ходивший в должниках у областной власти. Его ребята не гнушались любой грязной работой. Чёрной формой они напоминали полицаев времён Великой Отечественной.

Горбатовцы и гости не знали о надвигающейся атаке. После вчерашнего концерта и первой победы городские полакомились самогонкой, приготовленной деревенскими, и отрубались. Аля тоже спала крепким сном впервые за несколько месяцев. Хоть никто и не заметил, но вчера она испугалась, когда строительная техника подъехала к Филиному полю: а вдруг поедут на людей, её земляков, гостей и прольётся кровь? Этого она бы себе не простила. Аля уже готова была дать команду сворачивать концерт, как вдруг тракторы отступили.

В эту ночь одна только Феликсовна не спала: какая-то тревога сжимала сердце. Едва забрезжил жиденский рассвет, старуха пошла к палаточному лагерю готовить завтрак для приезжих. Громко, без остановки, кричал на краю поля филин. Сильный туман, словно пар, укутал Горбатово. Молодые музыканты, поёживаясь от утренней прохлады, прижимались друг к другу, что-то бормотали или даже напевали во сне.

Дверки автобуса с чоповцами неслышно распахнулись, отморозки натянули балаклавы. Феликсовна увидела направлявшихся к Филиному полю молодых мужчин в форме. На спинах у них красовалась надпись «ЧОП «Филин» и наклейка с изображением грозных птиц. Мужчины неспешно закурили, готовились к чему-то, переговаривались.

Феликсовна засемила к Але, сердце было готово выпрыгнуть от волнения. Рядом с её избой на столбе висел рельс и всегда лежал металлический штырь. С помощью этого стародавнего приспособления горбатовцы извещали о пожаре в селе, не доверяя мобильным телефонам, которые из-за угоров не везде ловили. Что есть силы Феликсовна стала бить по рельсу. От громкого звука, кажется, даже стал рассеиваться

туман. Аля проснулась и в тонком ситцевом халате побежала будить людей.

Она не успела увернуться и первой получила удар от командира охранников. Было понятно, что её специально решили вырубить. Алая кровь не сразу показалась в густых рыжих волосах. Очки упали, и чоповец толстой подошвой сапога вдавил круглые стёкла в чернозём. От удара в глазах у Али мелькал причудливый узор, как в детском калейдоскопе, купленном когда-то папой...

— Ироды! Нехристи! Алю убили! — заорала Феликсона, увидев, как та обмякла, упав в нарождающуюся молодую траву. Кровь с побелевшего Алиного лица закапала на землю...

И в этот самый момент птицы, нарисованные на спинах у чоповцев, ожили и оторвались от формы. Хищно взьерошив перья, филины взмыли вверх и с громким протяжным «у-у-у» обрушились с высоты на охранников. Они вонзали острые когти и загнутые клювы в головы, руки, спины, оставляя кровавые рваные раны. С дикими воплями, закрывая головы руками, охранники ринулись к автобусу, на котором час назад приехали к Филиному полю.

Через несколько минут туман испарился, как и автобус с чёрными стёклами.

ПРОВОДНИК

Держать в руках топор Якова с малолетства научил батя.

— Попомни, Яша, моё слово: с этим инструментом не пропадёшь! — наставлял Севастьян сынишку, который ещё толком и говорить-то не умел, но уже с радостью тюкал по берёзовой чурке миниатюрным топориком.

Подрастал мальчик — появлялся увеличенный в размерах новый инструмент. Став парнем, научился вырубать из ствола мягкой липы фигурки медведей и зайцев и по доброте душевной раздаривал друзьям.

Яша вырос крепким, кряжистым, ладонь что лопата. Севастьян стал брать сына в лес, на заготовку брёвен. Бывало, приходилось работать по пояс в снегу. Они промерзали до костей, волосы превращались в ледышки, потом вместе оттаивали в бане, хлещась чуть не до крови берёзовым венником.

Из тех брёвен рубили избы, бани, амбары, дворы. Севастьян с Яшей были нарасхват во всех окрестных деревнях. Дома они рубили «в лапу»: получался прямой угол, а это увеличи-

---

вало полезную площадь избы и уменьшало расход бревна. Чтобы углы зимой не промерзали и не продувались ветрами, их обшивали накладными досками, которые отец с сыном сами нарезали продольной пилой. Инструмент у них всегда был остро наточен, металл блестел на солнце. В общем, жили не бедно, даже зажиточно, пока не пришла война.

По старости Севастьяна на фронт не взяли, а Якову вручили повестку в первую же неделю. Перед уходом они с отцом посадили у своего дома молодую рябинку, принесённую от ручья.

— Батя, не приживётся, поди: лето уже, — засомневался тогда Яков.

— Не беспокойся, сынок, буду поливать — возьмётся. Придёшь домой, а ягоды тебя ждут-пождут! — уверенно сказал Севастьян.

Тогда ведь думали, что пары месяцев хватит, чтобы фрица разбить.

Каждый день старик поливал рябину — и она прижилась, дала в сентябре тёмно-красные, как капли крови, ягоды.

Осенью Яков домой не вернулся и писать перестал. Война продолжалась, похоронки всё чаще приходили в деревню, а новостей от Якова по-прежнему не было.

В последнюю зиму войны Севастьян надорвался в лесу и умер от грижи.

Мать Ирinya, сухая, жилистая, выдержала четыре года неизвестности, начинала и заканчивала день молитвой святому апостолу Иакову: «Тёплый наш заступниче и ходатай, предстоящий Престолу Пресвятыя Троицы. Не отрини нас от твоего заступления...»

И Яков вернулся. Только сына мать не узнала. Уходил парень с лёгким пухом на щеках — вернулся седой старик, худой, кашляющий, на груди шрамы, будто рвал его неведомый зверь. Все всё поняли: он попал в лагерь.

Яков никогда и никому ничего не рассказывал: тогда криво смотрели на пленных. Сдался немцам — значит, трус. Первый год Яков чуть ли не каждую ночь кричал и трясся, словно в лихорадке, и пока мать не клала свою сухую руку сыну на грудь, не успокаивался.

Работы в колхозе для мужика было через край. Однажды председатель обратился к Якову с просьбой сделать гроб для бабки Машухи из соседней деревни, у которой всех родных убило в войну. Надо — значит, надо. Потом ещё один старик помер... Так и получилось, что со временем к Якову за этим скорбным делом потянулись со всей округи, и он не мог отказать людям, у которых горе.

После войны свободных девушек было много, а мужчин мало, и вскоре Яков познакомился с доброй белокурой Тamarой, работавшей на пекарне. Раз помог принести воды с колодца, другой — так и подружился-полюбились. Свадьбу сыграли негромкую: только недавно отгремела война, люди жили ещё тяжело — зачем смущать их своим счастьем? Через год родилась дочка Люба с ярко-голубыми, словно у куклы, глазами.

Всё у Якова с Tamarой наладилось в жизни, только вот эта работа — она, словно заноза, напоминала о боли, пусть и чужой. А Яков, хоть и казался, на первый взгляд, нелюдимым да чёрствым, был на самом деле человеком чутким и добрым. Но делился своими переживаниями он только с женой: трудности и лишения научили не особо с людьми откровенничать.

— Вон Ивана Белова поставили хозяйничать в избе-читальне. Не мужицкое это дело. Дочку Избачихой дразнят. Вчера слышу: кто-то за черёмушником у ручья навзрыд плачет. Спустился под горку, подошёл, а она слёзы по щекам размазывает, всхлипывает, никак остановиться не может. Нарвал с куста чёрной смороды полную пригоршню — пахучая такая, сладкая — да принёс ей. Мало-помалу унялась, рассказала, что ребята на улице смеются: «Избачиха идёт, Избачиха идёт!» Тошнёхонько жалко девку, — рассказывал Яков Tамаре. Она гладила его по спине, когда он кашлял: так после плена и не мог поправиться.

Однажды Яков нашёл в капкане зайца и принёс домой на радость дочке. Повреждённую лапку ушастому перевязывали, а кормили лучше, чем кошку. Так и жил хромоножка на правах домашнего животного.

Яков никогда не блудил в лесу, знал все места и, кажется, мог с закрытыми глазами вернуться в деревню. К каждому дереву он относился с уважением, словно перед ним живой человек. Прежде чем срубить, он обнимал ствол, что-то шептал, будто просил прощения. Каждую зиму Яков заготавливал лес, потом распиливал с соседом на доски, сушил, строгал. Когда приходили с просьбой сделать гроб, спрашивал лишь рост покойника и полный ли.

Яков никогда не называл своё изделие гробом — только домовиной.

— От слова дом. Последний дом для человека, значит, — объяснял Tамаре. — Манефа с мужем-пьяницей да неумёхой всю-то жизнь в худой избе маялась, горюнья: и крыша-то текла, и печка дымила, и крыльцо от избы отстало. Пусть хоть в другой жизни домик у ней ладный будет. Как в ма-

---

ленькой зимовочке на тёплой печи, будет лежать-полёживать да отдыхать.

Гробы у Якова получались словно аккуратные лодочки, которые перевозят людей в другую, вечную жизнь. К своей работе относился как к священному ритуалу и называл себя проводником для умерших. Так он возвышал свой тяжёлый, неблагодарный труд.

Яков старался всегда прийти на прощание с человеком, пусть даже незнакомым, для которого старался. Следил, чтобы могила была тоже выкопана, по неписанным традициям, не глубоко, но и не мелко, и чтобы вначале бросили горсть кладбищенского золотого песка со словами «Земля тебе пу-хом...»

Серым, бескровным становилось лицо Якова, когда приходилось делать детские гробики. После этого он молча, в одиночку выпивал в мастерской гранёный стакан водки, за-нюхивая рукавом рубахи. Мутные капли из глаз падали и падали на стружку...

Как-то летом соседские детишки забрались в сарай к Якову и увидели там большой белый гроб. Вытаращили глаза и оцепенели. Вдруг раздался подозрительный звук: то ли птица какая села на крышу, то ли мыши завозились в углу под половицей. И как бросились пацанята, сверкая пятками, через огороды, что не заметили жгучей крапивы. В тот же вечер всё рассказали родителям. Весть быстрее птицы разлетелась по деревне: «Яков кого-то хочет похоронить! Гроб делает впрок». Не знали они, что накануне к нему приезжали с просьбой из дальней деревни...

С той поры стали недолюбливать и бояться Якова, а бабы — сторониться Тамары. А вдруг гробовщик знает больше, чем они? И совсем уж крепко приклеилось это нехорошее прозвище после одного трагического случая.

В соседнем селе готовилась к свадьбе красивая молодая пара, и богатые родители жениха решили сделать подарок — заказали Якову новые сани для молодожёнов. Яков сделал всё честь по чести, жена Тамара украсила сани ароматными сосновыми ветками. И поехали в тот же день молодые расписываться на новой кошёвке. Тройка провалилась под лёд на широкой реке: возница во хмелю забыл, что из-за оттепели образовалась промоина, замаскированная утренним снежком. Молодые в свадебных нарядах, свидетели и пьяный возница утонули вместе с санями. С той трагедии пошла плохая молва про Якова. А ему впервые пришлось, не разгибаясь ни днём, ни ночью, делать сразу пять гробов. Нет, он не обидел-

---

ся на деревенских, не затаил злобу, но зарубка на сердце осталась.

А жизнь продолжалась, подрастала дочка, которую Яков любил всем своим существом. Вот у неё уже проявились округлости, краснели щёчки, когда ребята непристойно шутили в сельском клубе.

В лесу уже начал проваливаться снег, на проталинах появился зелёный брусничник, напоминавший о скором лете, и Яков решил съездить в лес заготовить брёвна.

— Зачем тебе? Посмотри на себя! Кость да жила! К фельдшернице всю зиму отправить не могла, только отмахивался, — заругалась Тамара, но в голосе её звучал не гнев, а тревога: за последнее время муж стал сухой, как щепка, и эта худоба была не от тяжёлой работы, а от нездоровья.

— Надо мне, значит, — нехотя ответил Яков и зашёлся в кашле, будто его изнутри кто-то душил.

Явле долго кружил по сосновому бору, искал одну-единственную лиственницу. Он знал, что это дерево очень долго не поддаётся гнили, поэтому из неё делают даже сваи. Лиственницу с трудом нашёл после полудня. Со стоном она ухнула на землю. Яков старательно обрубил сучья, вспотел, а потом замёрз.

Начинало темнеть. Он так ослаб, что пришлось долго сидеть на пне, прежде чем двинуться в обратный путь. Встал и зашёлся в кашле, сердце выпрыгивало из груди, когда тянул бревно до дороги по рыхлому снегу. Лошадь большими кариными глазами удивлённо посмотрела и, наверное, подумала: как это смог сделать такой худой человек?

На следующий же день с утра Яков с соседом стали пилить лиственницу на доски.

— И куда тебе с досками? — удивилась Тамара, застав мужа за работой.

— Пусть будет... — только и сказал.

И тут она поняла: этот гроб муж делает для себя! Внутри всё обмерло, похолодело. Она обняла его крепко-крепко за плечи, прижалась головой к сердцу, слушая глухие удары.

— Яша, я тебя не отпущу... — прошептала.

Он закашлял, отстранился от жены, встал, чтобы выйти во двор. Тамара не знала, что Яков уже второй год харкает кровью: он тщательно скрывал свою смертельную болезнь, полученную ещё в лагере.

В мастерской он часто отдыхал, мешала тяжёлая одышка, как будто кто-то закрутил для его лёгких кран с воздухом. О чём думал тогда? Можно ли подготовиться к собственной

смерти? В лагере Яков, кажется, привык к гибели людей, смерть не вызывала ужаса. Каждый день видел, как из соседних бараков уходили на работу, но больше не возвращались. Заселяли новую партию... Про себя тогда думал: там, на небесах, душе должно быть легко, а иначе зачем все эти страдания? Тем и успокаивался. Страх притупился, он даже ждал неминуемого конца: поскорее бы... А потом случилось освобождение и наступила мирная жизнь. Жизнь! И почти всё забылось.

Он стал снова соприкасаться со смертью, когда ему пришлось делать гробы. Яков старался, чтобы всё было по-христиански у закончившего свой путь: не в пепел превратится человек, а земля должна принять своё дитя в ладном домике-домовине.

Яков опять почувствовал дуновение смерти, когда напал на него изнурительный кашель с кровью. Не сразу, но пришлось понимание, что и мирная жизнь конечна, и сделать ничего нельзя. «Ведь в природе за весной следует осень, а потом зима, травы-былинки живут и умирают», — думал про себя. Бесконечно жаль было не себя — жену, у которой запали глаза от этого знания. А ему хотелось посмотреть на внуков. Он даже представлял их глазки, лобики, губы, мечтал, как будет гукать с ними, а потом научит держать молоток, топорик. Они станут его продолжением.

...Яков долго смотрел на домовину, которую делал три дня, потом протёр её ветошью от опилок и, кажется, остался доволен собственной работой. Он хотел лечь в гроб, сложить руки, словно это репетиция, чтобы до конца умертвить свой страх, и застыдилась этой мысли: грех-то какой! Зашёл в дом, прилёг на тёплую русскую печь.

В тот вечер он впервые рассказал Тамаре про плен: как сжигали людей в газовой печи, какими чёрными были дорожки в концлагере от человеческого пепла, о горах голых трупов — взрослых и детей, которых не хоронили, просто сваливали в кучу... Небо для мучеников стало свидетелем и последним домом.

Яков и Тамара пролежали, обнявшись, всю ночь. К утру дыхание у Якова как будто улучшилось, и он спокойно уснул. Тамара тоже забылась. Якова не стало перед восходом солнца... Она не заметила этого мгновения.

Тело мужа обмывала Тамара сама, бабкам не доверила. В затуманенной горем голове мелькали спутанные мысли: «Ушёл Яшенька, сугрева моя тёплая... Оставил меня одну горе горевать, жизнь доживать... А невесомое тело-то какое у него стало — как мощи святого...»

Лиственничный гроб стоял в комнате, пахло хвойным лесом, янтарной смолой — жизнью. После прощания у дома вся деревня, от подростков до древних старух, прошла пять километров до кладбища, мужики несли гроб на руках, отклавшись от колхозной лошади. Пришли незнакомые люди из многих соседних деревень. Дочку Любу держал за руку чернобровый парень, с которым она уже не раз ходила на свидания, хотела познакомить с отцом, но не успела. Тамара, постаревшая за ночь, гладила Яшу по волосам, поправляла его седую чёлку. А когда надо было закрывать гроб, бабы еле оторвали её от мужа. Заголосила...

Выдался удивительно тёплый для марта день. Вдруг пошёл крупный дождь, хотя с утра туч на небе не было.

Когда опускали гроб, заиграла широкая радуга. Чудо: радуга — в марте!

— Светлый был человек... — осознали вдруг деревенские, только поздно, как обычно и бывает.

Севастьян каждый год с нетерпением ждал отпуска, выпадавшего почти всегда на сентябрь. Ничего удивительного в этом, конечно, не было: все отпуска ждут. Просто Севастьян отдыхать ехал не на море или в горы, а в отдалённую деревеньку, откуда родом была его мать, Любовь Яковлевна. Нет, по молодости, конечно, ездил с женой Аней и на море, и по модным курортам да санаториям. Но, чем старше становился, тем сильнее тянуло из шумного мегаполиса, из которого воздух, казалось, выкачан каким-то гигантским насосом, на родину предков, где журчит под горкой говорливый ручей, где осенними ночами стоит такая тишина, что слышишь, стоя на крыльце, как падают с лёгким шорохом листья с рябин, растущих под окнами избы.

Самую старую рябину посадил в первые дни войны дед Севастьяна, Яков Севастьянович. Второе деревце — сам Севастьян перед отъездом на учёбу в большой город.

Пуше всего тянуло Севастьяна в дедову мастерскую, в которой, как и полвека назад, по стенам были развешаны топоры, пилы, рубанки и золотилась на полу кудрявая стружка. Севастьян брал в руки старый инструмент с отполированной до блеска гладкой ручкой — и забывал обо всём. Рубанок легко скользил по поверхности, а на доске проступал причудливый рисунок древесины — каждый раз разный.

После работы, уже вечером, Севастьян долго сидел на прогретом ласковым солнцем бабьего лета порожке сарая, с наслаждением вдыхая терпкий запах полыни и крапивы и тёплый, сладковатый запах свежего дерева. Потом неторопли-

---

вой походкой с удовольствием поработавшего человека шёл в избу, где его давно уже ждала с ужином жена Анна.

А от ручья поднимался туман, в небе загорались первые звёзды, и свет из окон дома падал прямо на дедову рябину, склонившую к земле ветки, увешанные гроздьями спелых ягод.

ВДОХ-ВЫДОХ

Это был старый городской парк: на дорожках асфальт в крупных трещинах, берёзы с вороньими гнёздами, деревянные скамейки с высокими спинками, на которые можно опереться и расслабиться. Долго сидеть не получалось — ещё холодновато, хотя светило майское солнышко. Дети уже успели нарисовать крестики-нолики на сухих островках подсохшего асфальта. Прогуливались мамочки, монотонно качающие разноцветные коляски.

Эта женщина тоже катила коляску по дорожке, потом тихо села рядом на мою скамейку. Модное длинное синтепоновое пальто. Сапожки с каблучком. Смутили медно-рыжие, не по возрасту, волосы и рюкзачок за плечами. Сколько ей — 60? Бороздки морщинок. Ясный прямой взгляд. Она была, безусловно, красивой, а в молодости, наверное, считалась королевой...

— Как вы похожи на моего сына! — женщина заметила мой интерес. — Копия. Тоже чернобровый, высокий. Правда, у сына в инвалидной коляске не был замечен рост. Нет Серёжи уже пять лет...

А потом был рассказ от первого лица. Я не просил, Любовь Николаевна — так она представилась — говорила будто не для меня — для себя. Я сидел и молча слушал.

Серёжа в садике никогда не бегал и не прыгал. Воспитательницы говорили:

— Ой, какой он у вас осторожный!

Рос Серёжа хилым, как тоненькая веточка. Чем я его только ни кормила! Доставала через знакомых дефицитную тогда красную рыбу для роста костей... В первом классе смотрю из окна — а жили мы напротив школы — уже звенит звонок на урок, а Серёжа медленно так вышагивает. Ну, думаю, какая выдержка!

Первый приступ у него случился как раз в первом классе, в сентябре, на физкультуре: стал задыхаться, как рыба ловил ртом воздух. Откачали. Я, конечно, к врачам бросилась. Не

могли понять, в чём дело. А парню всё хуже, приступы стали повторяться всё чаще, лицо синеет. Какая там физкультура! Хоть бы в школу ходил.

Отправили нас в научно-исследовательский институт в Петербург, где и поставили диагноз, инвалидность дали... Сначала думала, откуда эта редкая болезнь? Врачи допрашивали: стрессы случались? А как же! Я была на седьмом месяце, когда потерялся муж, уехал в дальнюю командировку и как с концами пропал. А потом добрые люди подсказали: у любовницы он, а не в командировке... Развелась, конечно.

В поликлинике дали путёвку в очень хороший санаторий в Кисловодске, специально для детей-инвалидов. Приехали. Смотрим: у одного ребёнка ручки очень короткие, как обрубки, другой совсем маленький, а лицо взрослого: лилипут. Серёжа заплакал:

— Мамочка, не оставляй меня здесь одного, пожалуйста! Мне страшно!

Ну, что поделать, тоже стала жить в Кисловодске: угол снимала у одной бабушки, а дни с Серёжей проводила. Мы всю санаторскую библиотеку перечитали, книги художественные и по искусству. Страсть у сына оказалась к чтению.

Два раза в год ездили в тот специальный санаторий, по месяцу жили. Массаж Серёже делал слепой мужчина: у него руки чувствуют лучше.

Как приедем домой — опять задыхается ребёнок. Снова в поликлинику за путёвкой, чуть не в ноги кидаюсь врачу. А она так свысока смотрит. Не дай бог ни одним родителям испытать такого. До сих пор помню её уничижительный взгляд...

А вот в санатории врачи и медсёстры все хорошие были, жалели нас. На наших глазах росли дети с таким же диагнозом: один год на своих ногах ходят, на второй год — с костылями, а на третий — уже только на коляске возят.

Плачу, а Серёжа меня гладит по голове, успокаивает, как взрослый:

— Ну, значит, я тоже ходить скоро занемому, буду кататься на коляске. Если уж Рузвельту не помогли, то чего о нас говорить. Мам, ты только не плачь... Рузвельт вон президентом стал...

Про историю американского президента мы прочитали в книге-биографии.

Старый профессор, наблюдавший нас, посоветовал:

— А вы попробуйте его на лошади покатавать. Раз нашего лечения хватает ненадолго.

И мы поехали в северную деревню, откуда я родом. Нашли коня, наверное, последнего в округе.

— Хотел уж его на колбасу сдать, — цинично пошутил хозяин. — Давно все на железных коней пересели.

Конь и вправду оказался старым, хребет прогнулся.

И вот в первый раз подвели Серёжу к Карьку — так коня звали, каряя масть потому что. Зная любимое лакомство лошадей, взяли с собой горбушку чёрного хлеба с солью. Вначале покормили. Серёжа прикоснулся к Карьку и тут же заулыбался! А конь посмотрел на сына своим большим лиловым глазом: кто там такой несмелый? И весело в ответ заржал. Серёжа несколько не испугался! Ну вот, посадили на Карька, без седла, медленно повели. Серёжа сидит и даже плечики свои расправил. А потом наклонился, приобнял коника. Эх, добрый Карько!

Уверена, конь и помог нам. Каждый год стали по три месяца набираться сил в деревне. Серёжа потом уже сам на Карька забирался и катался один. Подружились они. Конь почувствовал, что он мальчику нужен для жизни.

Недавно я узнала, что температура тела лошади больше на два градуса, чем у человека. Кажется, невелика разница, но она оказалась жизненно важной. Мышцы у Серёжи укрепились, он стал боровичком-крепышом, силёнка появилась. А ещё песочек у нас на речке такой маленький, босиком по нему Серёжа полюбил ходить. Это прогревание оказалось лучше всех электропроцедур. Купались понемногу, боялись простыть в воде. В деревне были самые счастливые месяцы нашей жизни с Серёжей.

Школу окончили почти на одни пятёрки, поступили в училище на швею-закройщика. Да, немужская профессия, зато сидячая. Серёжа оказался в группе единственным мальчиком, как в малинике. Как раз в моду джинсы входили, вот он и стал их шить на дому. Закупили на рынке блестящие заклёпки. Я продавала джинсы, не стеснялась. А чего стесняться, кушать-то хочется, на пенсию по инвалидности не прожить. Джинсы стали охотно покупать, дело пошло!

Потом Серёжа научился на компьютере работать, начал делать первую в городе рекламную газету. По телефону принимал объявления, а я только успевала оплату бегать собирать с тех, кто объявление подаёт. Это оказалось легче, чем шить джинсы. Зажили! Сын даже купил квартиру мне с видом на часовню Сергия Радонежского. Эту часовню бывший мэр города построил.

Но к сорока годам Серёжа пересел всё-таки на коляску — болезнь коварно подкралась.

Однажды пили утром кофе, а он вдруг ни с того ни с сего сказал:

— Мам, похорони меня в деревне, рядом с бабушкой и дедушкой.

Я на него впервые в жизни, наверное, раскричалась:

— Что ты говоришь!

Предчувствовал. На третий день после того разговора внезапно случился приступ: только с рекламодателем поговорил по телефону и тут же упал. Вызвала «скорую». Дали кислород — пришёл в себя. Мы не замечаем, как дышим, а для Серёжи каждый вдох-выдох давался с трудом. Увезли в реанимацию, подключили к аппарату искусственной вентиляции лёгких. В реанимацию ведь никого не пускают, я перед заведующим отделением на колени упала:

— Пустите Христа ради! Умрёт он без меня!

Разрешили свидания по часу, как в тюрьме, и то вечерами, чтобы начальство не увидело. Ухаживала, сидела на табуретке эти шестьдесят минут, а в выходные — весь день. Говорить Серёжа не мог: у него в горле стояла трубка, через которую дышал. Мы говорили глазами. Похудел страшно...

Когда я приходила на свидания, он счастливо улыбался, как раньше, в детстве, когда гладил коня.

Один раз медсестра меняла при мне эту несчастную трубку, и Серёжа успел сказать «мама». Получилось хрипло. Но получилось! Как я радовалась! «Мама» — первое и, как оказалось, последнее слово...

Я не плакала при нём, не смела. А дома, уткнувшись в подушку, чтобы не слышали соседи, ревела белугой.

Прошёл месяц, как один чёрный день. Однажды вечером медсестра выгнала меня из палаты:

— Сейчас мы его будем загружать.

Тогда я не поняла, что значит «загружать». Потом мне пояснили: наркотиками его обкололи. Пришла на следующий день — а он другой, будто уже не здесь. Хочет на меня посмотреть, а взгляд куда-то уплывает.

Рано утром дома зазвонил телефон: тут я всё и поняла... Больше месяца в реанимации не держат. Сильную дозу наркотика дали — наверное, не выдержало сердце. Одна надежда, что это была лёгкая смерть.

— Какое мучение сыну! Боженька уже прибрал бы поскорее! — говорили родственники.

Нет, лишь бы Серёжа жил, пусть через трубку дышал, я бы ухаживала. Ведь с войны, из чеченского плена, в газете как-то читала, матерям возвращали сыновей без рук, без ног и с

выколотыми глазами. А в Серёжиных глазах столько слов и благодарности было...

Мало мне испытаний: решила во что бы то ни стало везти сына в деревню хоронить, туда, где нам было хорошо. Серёжа просил! Не могла я отказать в последнем его желании.

Но это отдельная история. Жара наступила — все в шортах ходят. Такого мая сроду у нас на Севере не было. Ехать до деревни на машине чуть ли не сутки. Сделала полное бальзамирование. Одеялом укрыла сверху в гробу, чтобы холод сохранить. А дорога в деревню такая... Распутица. Вместо дороги вода, а под ней — колдобины. Водитель молодой попался, неопытный, остановился:

— Мать, ты как хочешь, а дальше не поеду, застрянем или утонем.

— Надо, сынок, — только и сказала парню.

Наверное, это «сынок» на него подействовало. Поехали. Гроб обняла, чтобы сильно не трясло Серёжу, так в обнимку и добрались. А около деревни уже трактор ждал, родственники помогли. До кладбища дорогу выгладили, как асфальт. Деревенские мужики выкопали могилу, ровную, аккуратную. Похоронила в ногах бабушки и дедушки, как и велел сын. И тут же дождь со снегом зарядил, ушло солнышко. Моё Солнышко...

Долго не могла решить, какой памятник установить на могилу. Зашла в ритуальный магазин: у входа красивый белый мраморный памятник, а на нём маяк и солнце. Серёжа мечтал путешествовать по миру. Не мог, куда там в коляске... Памятник этот поставила — и тут же сон приснился: по берегу лазурного моря скачет на Карьке Серёжа, волосы длинные, светлые, по ветру развеваются, и чёрная грива коня тоже...

Когда становится совсем плохо, беру клетчатую фланелевую рубашку сына, в которой в больницу увезли, прижимаю и дышу. Нашла даже несколько волосинок. Его! Сколько лет прошло, а так и не стирала рубашку ни разу.

Мысленно говорю с сыном каждый день, советуюсь. Недавно вот выбирала в магазине шарфик, присмотрела чёрный. И как будто слышу сына: «Давай, мама, другой, яркий, красный». У него такой вкус был! И не одеваюсь в тёмные тона.

Вера меня держит. Взгляну из окна квартиры, которую Серёжа купил, на крест часовни, а он даже в пасмурную погоду светится золотом. Какой мудрый у меня сын! Знал, что я его переживу, и только Боженька мне поможет. Не задумывалась раньше, откуда такое имя — Радонежский. Недавно

догадалась: от слова «радоваться»! Заставляю себя радоваться каждому Божьему дню: и солнышку, и дождю.

Раньше в церковь зайду и стою истуканом, руки словно свинцовые — перекреститься не могла. После похорон Серёжи, помню, пришла в часовню, села в уголке и сижу как мышка. Потом взглянула на образ Сергия Радонежского — и на колени захотелось встать, начала креститься. С того дня на все праздники в эту часовенку хожу, молюсь, причащаюсь, пост соблюдаю.

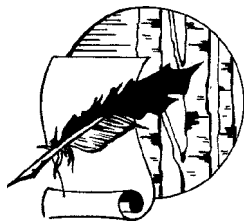
Слёзы капали на ворот пальто и не высохали, Любовь Николаевна их не замечала. Сколько прошло времени с момента нашего знакомства? Полчаса, час — не больше. Как случайному попутчику в поезде, она рассказала всю свою жизнь.

— Наверное, хотите спросить, были ли дети у Серёжи? Чью коляску я качаю? Нет, это малыш соседней по подъезду. Я там работаю бабушкой. Так старшой и зовёт меня — бабуся. — Любовь Николаевна быстро вытерла слёзы и, кажется, улыбнулась самыми уголками губ. — Вы меня извините за откровенность, за все эти подробности... Может, испортила вам настроение. Простите...

Я не успел ничего ответить, как Любовь Николаевна поднялась со скамейки и, толкая вперёд коляску, медленно пошла к пятиэтажке. Я смотрел вслед, и она, словно почувствовав мой взгляд, оглянулась и подняла выше головы сжатый кулак. Так иногда делают спортсмены, когда хотят показать свою силу после победы на соревнованиях.

А Любовь Николаевна и вправду победила.

г. Северодвинск Архангельской обл.

Николай РАЧКОВ

ЕСЛИ СВЕЧА ГОРИТ...

* * *

Было нам всё по плечу,
Вместе — в боях, в работе...
Не задувайте свечу,
Ибо во тьме побредёте.

Было: случись беда,
Всех мы спасти были вправе.
И никого никогда
Не унижали в Державе.

Библия говорит,
Нет в мире истины кроме:
Если свеча горит,
Всем она светит в доме.

ПОЛКОВОДЦЫ ПОБЕДЫ

Русские полководцы
Не меркнущих лет и зим:
Жуков и Рокоссовский,
Конев и Черняховский,
Воронов, Малиновский —
Вечная слава им!

Победных салютов всплески,
Победных манёвров план...
Антонов и Василевский,
Говоров, Баграмян.

Спасали страну, по сути,
Её державную честь
Чуйков, Мерецков, Ватутин,
Рыбалко...
Да всех не счесть!

Ныне они — в далёком,
В былинных днях боевых.
Не дай нам Бог ненароком
Вдруг позабыть о них...

ЗДРАВИЦА

За нашу Победу, за нашу —
В кровавых подтёках от ран —
Поднимем задравную чашу,
А лучше — привычный стакан.
За слёзы, за смертные муки
Всех наших,
за нашу страну,
За наши сердца и за руки
Сломившие эту войну.
За нашу и веру, и славу,
За память, за русскую речь,
За всё, что сегодня по праву
Нам выпало счастье беречь.
За нашу дороженьку в поле,
За свет из родного окна,
За горькую русскую долю —
До дна, дорогие,
до дна!

* * *

В сердце... великорусская грусть.
Ст. Куняев

В Отечестве родимом нашем
Возросший средь лугов и пашен
Среди Анют, Марусь и Дусь
Я тоже, волен иль неволен,
Великорусской грустью болен,
Поскольку в моих генах Русь.

Поскольку мой отец и дяди
Любви, семьи и долга ради
К своей земле, к своей стране
Под страшным вражеским налётом
Все, все — по взводам и по ротам —
Остались там, на той войне.

Погибшие в бою солдаты —
Да будут они вечно святы,
Да будет вечно свят их вождь.
Они, они врага сломили!
И славы их не смоют в мире
Ни клевета, ни ложь, ни дождь.

В моей крови живут их гены.
Ни новый строй, ни перемены
Подобострастно не пою.
Не всё мне по нутру тем паче.
Но к Родине любви не прячу.
И помню.
И на том стою.

* * *

Были Калка и Каяла,
Было — биться не с руки.
Только Русь всегда стояла
Всем невзгодам вопреки.

В переделках, перестройках
Не померкнет дивный вид.
Нет князей, духовно стойких,
Нет царя,
а Русь стоит.

Продавали, предавали,
Адским жгли её огнём.
Но светлей вставали дали,
Не сдавался окоём.

Никакая ей опека
Не нужна. Опека — стыд.
Нет Союза.
Нет Генсека.
А она стоит, стоит...

Почему жива? — спросили.
Есть на то один ответ,
Что у нас в душе — Россия,
А душе преграды нет.

СКАЗ О МУЖИКЕ

В нём даже есть особый шик,
Замес особой плоти.
Такого слова, как «мужик»,
В Европе не найдёте.

Простое вроде бы — «мужик»,
Оно такого рода —
Ни на один другой язык
Не знает перевода.

В нём свой характер, свой задор,
В нём столько скрытой силы.
Мужик — он там, где есть топор,
Пила, лопата, вилы.

Он плотник, каменщик, кузнец,
Рыбак он и охотник.
Строитель жизни наконец,
Заступник и заботник.

Он — где поля и где леса,
Где утро славит птаха.
Там, где с утра звенит коса
И вся в поту рубаха.

В труде, в бою нет мужика
Вернее и надёжней.
Он первым взмыл под облака
Над бедной русской пожней...

...С того ль, что Русь так широка
Иль по другой причине —
Деревни нет.
И мужика
Почти не встретишь ныне...

ЗОЛОТЫЕ ДОЖДИ

Полюбил он совсем не на шутку,
Как весёлое солнце — апрель.
Ах, как сладко ему и как жутко
Вспоминать этот праздничный хмель.

Но решил он, что многого стоит,
Что в плену пропадает — шалишь!
Осмелел и прошёлся с другою,
Словно месяц по лезвию крыш.

А она лишь взглянула печально,
Горько губы скривила — не жди...
Даже имя его не случайно
Замели золотые дожди.

Жизнь его замелькала по кругу,
Безнадёжно сгорали лета.
Кто ему ни протягивал руку,
«Всё не та, — понимал он, — не та...»

Есть в судьбе и загадка, и тайна.
Сколько раз нам о том говорят.
Вдруг в толпе мимолётно, случайно
Взгляд его уловил её взгляд.

Побледнела и вздрогнула разом,
Прежней встречи туманом дыша.
«Всё забыла!» — противился разум.
«Здравствуй, милый!» — кричала душа.

Но ушла. Ничего не простила.
Головой лишь качнула — не жди...
Разве грусть от любви этой в силах
Замести золотые дожди?

* * *

Лиде

Нет, это было не во сне.
О нас с тобой ходили толки.
Не позабыть те встречи мне
В районном небольшом посёлке.

Я был заезжий человек,
В тебя без памяти влюблённый.
Под фонарём зелёным снег
Был удивительно зелёный.

Ты так была юна, свежа,
Ты завораживала взглядом.
Казалось мне, твоя душа
С моею шла по снегу рядом.

Где те счастливые года?
Да разве вспомнить эти дали?
Над чем смеялись мы тогда,
О чём беспечно так болтали,

Где обнимались в прошлый век
Мы там под топодем иль клёном?..
Но помню:
был зелёный снег
Под фонарём, таким зелёным.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Развеян прах под Могилёвом.
Так завещал поэт не зря.
Ему надёжным стала кровом
Вот эта русская земля.

Та, где уже теряя силы,
Из окруженья выходил.
Не здесь ли братские могилы?
И прах ложится средь могил.

Здесь все его единоволеры,
Его герои и друзья.
Живым — стихи,
а мёртвым — сердце.
Иначе, право же, нельзя.

Он верил, что не без причины,
Всему на свете вопреки,
Чуть-чуть алее здесь рябины,
Чуть-чуть синее васильки...

ЗИМНИЙ ЛЕС

За рекой, за полем, за оврагами
Зимний лес в кольчуге голубой.
Рядом молодецкими ватагами
Березняк белеет молодой.

Русский лес! Века стоит, не старится,
Не сдаётся никому в полон,
Вьюга ль на опушке разгуляется,
Иль мороз его оденет в сон.

Он могуч, он величав породю,
Что ему любые холода!
Он стоит былинным воеводю —
В серебре усы и борода...

* * *

Люблю в речах слова простые
О жизни... Я и по сей день
Люблю негромкую Россию,
Страну забытых деревень,

Страну лугов и перелесков,
Речушек малых и дорог,
Страну полей с волнистым блеском,
С житейской горечью тревог;

Страну, где флагами не машут,
Не лезут на телеэкран,
Где косят всё ещё и пашут,
Где скот пасут среди полян;

Страну, где нет хвальбы и срама
Ополоумевших эстрад,
Где предкам у святого храма
Достойно спится средь оград.

Где прямо за клочком усада
Стоит серебряная рожь,
Где философствовать не надо,
Зачем и для чего живёшь...

---

* * *

Я уязвлён и временем жестоким,
И тем, что всё бесправнее оно.
Прошло очарование Востоком,
Очарованье Западом — давно.

Души не тронут ни Шахерезада,
Ни пылкая Джульетта наших дней.
Повсюду запах денежного смрада,
Стал торгашом лукавец Гименей.

Летят тревожней, траурнее вести,
Вино свободы выпито до дна.
Да о какой вы там кричите чести?
В тротил, в пластид завёрнута она.

Восток и Запад... Как в глобальном тире.
А я ржанных полей упрямый сын.
И мне всё горше размышлять о мире
Среди своих берёзок и осин.

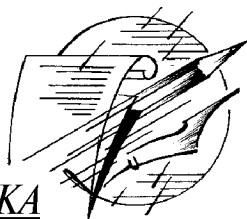
г. Тосно Ленинградской обл.

КУТУЗОВ И БРИТАНЦЫ

(Как начиналась «Большая Игра»)

В Отечественную войну 1812 г. на Россию обрушилась почти вся Европа. Но нашлись и союзники. Самые искренние и бескорыстные — черногорцы и сербы. Под властью митрополита Петра Негоша, причисленного Сербской Церковью к лику святых, Черногория в 1796 г освободилась от турок. Фактически объединилась с сербами, восставшими в 1804 г. под предводительством Карагеоргия. Они вместе с моряками адмирала Сенявина остановили продвижение французов на Балканы, а Кутузов при подписании Бухарестского мира с султаном в 1812 г. добился автономии для Сербии. При нападении Наполеона на нашу страну святитель Петр открыл боевые действия с французами в Далмации и на Адриатике (всех черногорцев и сербов, которые будут выступать против дружбы с Россией, он предал анафеме). Но и турки при этом нарушили Бухарестский договор, ринулись на Сербию и Черногорию.

Швецию вовлекал в альянс Бонапарт, обещая вернуть ей Финляндию. Александр I перетянул ее к себе, посулив Норвегию. Хотя в 1812 г. союз выразился лишь в том, что шведы не ударили в спи-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ну. А самой весомой союзницей в этот период стала Англия. Но к ней-то русский главнокомандующий Кутузов почему-то относился с крайней неприязнью. Британский комиссар при его штабе Вильсон озлобленно писал, что Кутузов — «прожжённый плут, ненавидящий все английское». Впрочем, и Михаил Илларионович высказался ему откровенно: «Мы никогда, голубчик мой, с тобой не согласимся. Ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если этот остров сегодня пойдёт на дно моря, я не охну».

В чем же была причина подобной «аллергии»? Возможно, первые ее истоки лежат в войне с турками 1787—1792 гг. Прешлую, 1768—1774 гг., организовали французы. Но Англию озаботил выход России к Черному морю, строительство флота. Она подключилась помогать султану и толкать на реванш. Чтобы он смог отбить морское побережье и Крым, британцы вовлекли в войну еще и Швецию.

Екатерина II обладала даром замечать талантливых людей. В Кутузове, уже прославившемся под Измаилом, Бабадагом, Мачином, она увидела не только военные, но и дипломатические дарования. По окончании войны направила его послом в Турцию. Задача ему ставилась сорвать козни Франции, натравливавшей турок расторгнуть мир. А в Константинополе он обнаружил, что пакостят не только французы, но и британский посол Энсли, «недоброхотный России». В данное время Англия воевала с Францией, но против нашей страны нацеленность получалась общая. Дипломатом Кутузов оказался выдающимся, разрушил происки обеих держав.

Глубокий ум и дипломатические таланты выдвинули его и при Павле I. Он мастерски выполнил миссию посла в Пруссии. Сумел склонить ее к союзу против революционной Франции. А Пруссия была личной слабостью Павла. Он возвысил Михаила Илларионовича, приблизил к себе. Тем временем французская агрессия ширилась, был захвачен целый ряд государств. В том числе Мальта, принадлежавшая рыцарям Мальтийского ордена. Они привезли в Россию хранившиеся у них великие святыни, умоляли царя взять их под защиту. Избрали его великим магистром, передав ему права на Мальту.

Павел был по натуре рыцарем, а Мальта — лучшей морской базой прямо по центру Средиземного моря, там можно было разместить целый флот. Царь вступил в союз с Австрией и Англией. Послал на французов армию Суворова, эскадру Ушакова. В помощь англичанам, для десанта в Нидерландах, был отправлен 17-тысячный корпус генерала Герма-

---

на. Высадились 19 сентября 1799 г. Русские штурмом взяли Берген. Но командующий, герцог Йоркский, нерешительно мялся, не поддержал их. Французы навалились на наш корпус. Потеряв 4 тысячи солдат, он оставил Берген, Герман попал в плен.

Заменить его Павел назначил Кутузова, но он туда не успел. Англичане скисли, десант 2 месяца просидел на берегу в холодах, под дождями, и его эвакуировали. Но изменилась обстановка не только в Нидерландах. Русские победы не обрадовали, а переполошили союзников. Опасаясь усиления влияния России, они отвергли планы Суворова о наступлении на Францию. Австрия постаралась удалить русских из Италии, причем крепко их подставила. Корпус Римско-Корсакова в Швейцарии был разбит. Маленькая армия Суворова лишь его талантами и героизмом воинов вырвалась из ловушки в Альпах.

Возмущенный Павел разорвал союз с Австрией, велел войскам возвращаться. Что же касается дальнейшей войны, у царя возник новый план. Собрать на западной границе две армии. Если французы полезут на Германию, выступить на них с Пруссией. А если будут громить Австрию, то и она одумается, будет молить о помощи. Для формирования одной из армий Павел назначил Кутузова военным губернатором Литвы. А в мае 1800 г. умер Суворов. Перед императором встал вопрос — кого поставить главнокомандующим в будущих кампаниях?

Армии готовили два военачальника, два его любимца. Губернатор Литвы Кутузов и губернатор Петербурга Пален. Он тоже отличился на турецких войнах, имел два ордена Святого Георгия. К тому же, постоянно был рядом с царем, выступал самым верным помощником (хотя именно он напоследок оклеветал Суворова). Но Павел решил на деле проверить, кто же из двух генералов лучше. Назначил в сентябре 1800 года большие манёвры под Гатчиной. Половиной войск командовал Кутузов, другой — Пален. Для Павла он был всё-таки ближе, царь находился с его армией.

Пехота и конница разошлись на исходные позиции. Началось «сражение». Но сюжет разыгрался анекдотически. Царь в подзорную трубу увидел — Кутузов выбрал командный пункт в стороне, далеко от войск. С ним было только несколько адъютантов и казаков. Павел загорелся — сейчас он сам блеснёт, и полководца проучит! Позвал эскадрон гусар, велел им быть «тише воды ниже травы» и повёл в обход, вокруг леса. Удивлялся, вот так Кутузов! Какую грубую оплошность допустил, не позаботился о собственной безопас-

---

ности! Обогнув лесок, царь остановил гусар. Ещё раз прокрался в кустах, всматриваясь через трубу. А Кутузов уже и всех адъютантов разослал с приказаниями. Остался один. Торжествующий Павел крикнул: «За мно-ой!» За ним помчался эскадрон.

Но... едва они вылетели из леска, как с двух сторон, из лошин и кустов, поднялись шеренги егерей. Бахнули холостыми, окружая. Ошарашенный император пальбу остановил. Подъехал к Кутузову уже не торопясь, шагом. Только и сумел сказать: «Хорош, батюшка, хорош! Я-то думал тебя взять в плен, а на поверку сам угодил в него!» Конечно, ему было обидно, что так осрамился. Но Павел был честным человеком. По окончании маневров, собрав генералов, он открыто рассказал, как думал перехитрить Михаила Илларионовича, а тот «отплатил звонкой монетой».

Царь обнял его. Сказал: «Обнимаю одного из величайших полководцев нашего времени». И тут же вручил высший в России орден Святого Андрея Первозванного — за прошлые заслуги перед Отечеством. Мало того, его жену за заслуги мужа наградил женским орденом Святой Екатерины, пожаловал в придворные статс-дамы, а дочерей во фрейлины. Да, Павел сделал выбор, кого поставить главнокомандующим — Кутузова. В глазах царя он обошёл Палена. Хотя война с французами так и не началась. Ситуация переменялась.

Во Франции Наполеон захватил единоличную власть и вдребезги раскатал Австрию. Пруссия воевать с ним сразу передумала. А союзница-Англия проявила себя в полной мере. Русский корпус из Нидерландов вывезли на остров Джерси, держали без жилья, теплой одежды, впроголодь. Но и домой долго не отправляли, корпус вернулся в жалком виде. А в Средиземном море Нельсон всячески срывал предложение Ушакова штурмовать Мальту. Потому что и англичане оценили её значение. Дождались, когда Ушаков получил приказ возвращаться в Севастополь. Сразу окружили Мальту эскадрами, а гарнизону за сдачу предложили самые заманчивые условия. В сентябре 1800 г. над островом поднялся британский флаг.

Павел был поражен. Напомнил, что по договору Мальта принадлежит России. Но выполнять соглашения и отдать остров Великобритании отказалась. Тут уж царь осерчал. Разорвал отношения с англичанами. Арестовал 300 их судов в наших портах. Запретил им торговать в нашей стране, прекратил поставки в Англию хлеба и других товаров. Хотел и воевать. Государь рассудил, что Наполеон покончил с революцией, значит, с ним можно иметь дело. Предложил ему

союз. (В этом Павел ошибался. В коварстве Бонапарт стоил британцев — выдвинул проект похода в Индию.)

Но царь позвал в союз и Пруссию, Данию, Швецию — Англия многих допекла, душила торговлю. Правой рукой Павла в этих приготовлениях стал Кутузов. Он тайно провез через границу в Петербург шведского короля Густава-Адольфа для личных переговоров с царем и подписания соглашения. Но для англичан секретов не было, их агенты находились рядом с государем. Они ударили первыми, когда никакой войны ещё не было. Дания успела лишь дать согласие на союз, а к Копенгагену внезапно нагрянул огромный флот Нельсона и Паркера, погромил датские морские силы, бомбардировал мирный город, заставив Данию капитулировать.

Осознав опасность, Павел поручил Кутузову оборону Петербурга с моря. Михаил Илларионович вывел войска на берега Финского залива, выставил батареи. Почти каждый день бывал у императора с докладами. Но англичане использовали и совсем грязные методы. Их посол в России Чарльз Уитворт организовал заговор. И главным лицом в нём стал соперник Кутузова, царский доверенный — Пален. 11 марта 1811 г. государь после доклада пригласил Михаила Илларионовича остаться на ужин. А ночью его разбудили известием — Павел «скончался от апоплексического удара». На деле — был убит.

На престол взошёл его сын Александр I. Англичане давно уже позаботились окружить его своими сторонниками и агентами. Он сразу прекратил подготовку к войне. Снял арест с британских судов, разрешил Англии свободную торговлю в России. Подписал с ней договор о дружбе, отказавшись от любых претензий — в том числе и от Мальты. Кутузов получил царский приказ снять войска с побережья, вернуть к местам постоянного базирования.

К тому времени карьера слишком засветившегося исполнителя британских замыслов Палена оборвалась. Он безвыездно был сослан в свое имение. А на его место, военным губернатором Петербурга в июне 1801 г. Александр поставил Кутузова. Добавил ему ещё и Выборгскую губернию, гражданское управление, командование войсками в Финляндии. (На место Кутузова, в Литву, уехал другой заговорщик, Беннигсен. Он тоже побывал в спальне Павла, но в момент царевубийства благоразумно улизнул.)

Михаил Илларионович с его редким обаянием и умом сумел быть любимцем и Екатерины, и Павла. Но со стороны Александра постепенно стал замечать откровенное охлаждение. Поводами служили мелкие происшествия в столице,

---

неисполнение указов о запрете дуэлей, азартных игр — хотя с этим не мог сладить ни один губернатор. В сентябре 1802 г. итогом стала фактическая отставка, увольнение на год для лечения «по собственному желанию» (которого Кутузов на высказывал). Однако и через год царь его на службу не вернул, генерал завис в своем имении Горошки.

О причинах внезапной опалы историки гадают до сих пор, не находя ответа. Но можно вспомнить, что Александр в эти годы правил под подавляющим британским влиянием. Доходило до того, что морской министр Чичагов объявлял флот «обременительной роскошью» для «сухопутной» России. А вот Ушакова Англия считала опасным для себя. Его вроде бы повысили. Перевели в Петербург, на высокие должности — но на берегу. Потом и вовсе выжили в отставку. Мудрый Кутузов давно разобрался в истинном отношении Великобритании к нашей стране. Он был главным помощником Павла в подготовке войны с ней. Наверняка разгадал и заказчиков царевичества (или даже разузнал о них досконально, став столичным генерал-губернатором). Поэтому и он был для англичан нежелательной фигурой. Его и убрали интригами.

В строй его вернула война с Наполеоном. Союзной Австрии хотелось получить в помощь лучшего полководца, как когда-то Суворова. В 1805 г. Кутузов беспримерным маршем спас 32-тысячную Русскую армию от преследующих ее 220-тысячных полчищ Бонапарта. Но когда соединился с главными силами, Александр I отверг его советы, принялся командовать сам, что привело к разгрому под Аустерлицем и новой немилости с «почетными ссылками» для Михаила Илларионовича.

А после Тильзитского мира с Наполеоном Англия стала врагом нашей страны. Захватывала русские суда на морях. В войне со Швецией присылала ей флот. Поддерживала и воюющих с Россией Персию, Турцию. В 1811 г., блестяще заманив в ловушку на Дунае и уничтожив османскую армию, Кутузов вынудил турок к переговорам о мире. Они открылись в Бухаресте, и там Михаил Илларионович встретился с весьма примечательными личностями.

Посредницей в переговорах навязала свои услуги Англия. Ее представлял молодой дипломат Чарльз Стрэтфорд Канинг. Впоследствии именно он будет курировать в России заговор декабристов. А еще позже станет режиссером провокаций, вовлекших нашу страну в Крымскую войну. Другая непростая фигура — полковник Роберт Вильсон. Он участвовал в провальной операции в Нидерландах, куда не попал Кутузов. Но потом перешел на более благодатное поприще,

---

военную дипломатию. Стал специалистом-разведчиком. Особенно отличился в информационной войне. Побывав в Египте, издал сенсационную книгу с пропагандистскими фейками — будто Наполеон травил собственных солдат в госпиталях, поголовно уничтожал турецких пленных.

В 1806 г. Вильсон был направлен в Россию, находился при армии бывшего заговорщика Беннигсена, с которым сошелся душа в душу. Готовил и материалы для новых сенсаций. Не кто иной, как Вильсон, стал автором очень известных фейков — будто Россия жаждет захватить Константинополь и угрожает владениям англичан в Индии. По сути, подвел пропагандистскую базу под политику «Большой игры» Лондона против нашей страны. Хотя опубликованы эти фейки были только в 1817 г. Когда в роли союзницы Россия стала англичанам не нужна, и начался открытый поворот к «Большой игре».

Ну а Вильсон после ещё нескольких командировок был направлен комиссаром и советником в армию великого визиря Ахмед-паши. Ту самую, которую Кутузов обнулil на Дунае. На переговорах оба английских представителя активно противодействовали урегулированию, мешали Михаилу Илларионовичу. Только его изумительное искусство дипломатии и хитрые игры то угрозами, то блефом помогли добиться успеха — за три недели до вторжения Наполеона заключить мир. Кстати, уже и Александр I не верил, что он это сделает. Не дождавшись конца переговоров, царь отстранил его от командования, заменил британским другом адмиралом Чичаговым — но тот приехал через 3 дня после подписания договора.

А мирные переговоры между Россией и Англией начались уже после нападения Бонапарта. Союз заключили 18 июля 1812 г. Впрочем, помощь англичан стала более чем скромной. Они воевали на «втором фронте», поддерживая повстанцев в Испании. На ходе сражений в России это никак не сказалось. Три британских корабля пришли для обороны Риги, осажденной неприятелем. Основной же вклад выразился в поставках оружия (в далеко не достаточном количестве). Да и искренностью эта союзница не отличалась.

В это же время продолжалась война России с Персией. Именно ее считают началом «Большой игры» Лондона, задавшегося целью вытеснить русских с Кавказа. На здешнем театре англичане деятельно поддерживали персов и грузинских изменников. Да-да, были и такие. Хотя сами же грузины попросились в состав России, умоляя защитить их от персов, чтобы не вырезали полностью. Из-за этого и война

началась. Иногда ситуация выглядела трагическим парадоксом. Князь Пётр Багратион вслед за Суворовым говорил о себе: «Мы русские! С нами Бог!» Стал национальным героем России, смертельно раненный на Бородинском поле. А в том же 1812 г. его родственник, царевич Александр Багратиони, с отрядами изменников и наёмников ворвался в Грузию, сясь взбунтовать её и оторвать от России. И сопровождал его «союзный» советник, английский офицер Уильям Монтейт. Но в те времена простые грузины на призывы царевича не поддались. Под ударами русских войск и местного ополчения ему пришлось скрываться в горах и удирать обратно в Персию.

Что же касается пробританских советников в окружении Александра I, то они никуда не делись. С возобновлением союза снова активизировались. 19 августа под давлением всей общественности и по представлению Чрезвычайного правительственного комитета царь назначил главнокомандующим Кутузова. Но ему пришлось выполнить личное «пожелание» императора, взять к себе начальником штаба Беннигсена. А с ним явился и Роберт Вильсон — сменивший должность британского комиссара при турецкой армии на русскую. Царь настолько ему доверял, что разрешил писать себе лично.

Интриги в армии развернулись крутые. Вторжение врага на Украину остановил талантливый ученик и соратник Кутузова, командующий 3-й армии Тормасов. Но он одно время возглавлял войска на войне с Персией, о происках британцев хорошо знал. При объединении 3-й и Дунайской армий командующим назначили не его, а Чичагова, не умеющего воевать на суше, зато поклонника Англии. Тормасов отправился в распоряжение Кутузова и отличился во всех сражениях от Малоярославца до Красного.

А в главной армии Беннигсен с Вильсоном усиленно копали под Михаила Илларионовича, чтобы убрать его и заменить Беннигсеном. Подталкивали к «решающим» битвам, от которых главнокомандующий уклонялся, следуя собственным планам. Завалили Петербург и Лондон жалобами на его «пассивность». Наконец, Беннигсен по подсказкам англичанина настроил на него царю грязнейший донос.

Но... Кутузов такими методами не пользовался. Не ябедничал. Хотя разведка и информированность у него всегда была изумительной, это отмечали еще Суворов и Потемкин. Он (может быть, и зная про донос) представил Беннигсена к награде за Тарутинский бой. Дал превосходную характеристику, ни словом не упомянул про его грубейшие ошибки, со-

---

равшие разгром корпуса Мюрата. И вышло так, что представление с доносом легли на стол Александра одновременно. Сравнение получилось слишком уж некрасивым. И произошло это уже после сражения под Малоярославцем и освобождения Москвы — когда авторитет Кутузова достиг наивысшего уровня.

Царь принял мудрое решение. Прощение он исполнил, Беннигсена наградил алмазными знаками к ранее полученному ордену Андрея Первозванного и сотней тысяч рублей. Но и Кутузова наградил золотой шпагой с бриллиантами. И донос переслал ему же. Вот тут Михаил Илларионович отыгрался. Созвал генералов. Адьютант зачитал вслух текст представления к награде с похвалами Беннигсену. Кутузов вручил ее. А потом адъютант зачитал перед всеми донос. Начальник штаба то краснел, то бледнел, с него градом катился пот. После такого позора ему осталось только покинуть армию, сославшись на здоровье. Кутузов написал в приказе, что он увольняется из-за «болезненных припадков».

Избавиться от Вильсона главнокомандующий не мог. Но неужели он не представлял, что это за птица? Еще в Бухаресте изучил его. Кутузов отлично осознал, чего добивается Англия. Сокращения Наполеона — при одновременном максимальном ослаблении России. (Примерно так же, как будет во Вторую Мировую — чтобы наша страна и нацисты измочалили друг друга.) На очередные подталкивания Вильсона к битве, на его призывы стать «спасителем вселенной» Михаил Илларионович ответил: «Я вовсе не убежден, будет ли великим благодеянием для вселенной совершенное уничтожение Наполеона и его армии. Наследство его достанется не России и не какой-нибудь иной из континентальных держав, но той державе, которая уже завладела морями, и тогда ее владычество станет невыносимым».

Да, матерый британский мастер по закулисным играм нарывался в лице Кутузова на куда более опытного и проницательного специалиста. Замыслы победить Наполеона кровью последнего русского солдата потерпели неудачу. Но Вильсон отомстил Михаилу Илларионовичу, уже мертвому. Оклеветал его в своих «сенсационных» дневниках и записках. На них стали опираться не только зарубежные, но и отечественные историки, вроде Тарле. Совершенно не учитывая два фактора. Насколько искренним был Кутузов в разговорах с таким собеседником. И насколько правдив был сам Вильсон.

Именно из его воспоминаний внедрилась версия, будто Кутузов, избегая сражений, строил врагам «золотой мост» для

ухода из России. Хорош же «золотой мост», если на нем полчища Бонапарта полностью погибли! И при минимальных потерях с русской стороны. А то, что упустили самого Наполеона, тут уж англичанам следовало бы попенять на собственные интриги. Если бы 3-й армией командовал Тормасов, а не Чичагов, он не расплыл бы силы по Белоруссии, выведя на Березину лишь половину. И не клюнул бы на элементарный обман с демонстрацией ложной переправы в другом месте.

Вслед за историками А.А. Керсновским и В.М. Безотосным можно справедливо усомниться и в желании Кутузова остановиться на границе, отказаться от похода в Европу. Да, он мог поворнуть, что приходится русскими руками «таскать каштаны из огня», а заслуги нашей страны в их освобождении европейцы быстро забудут. Но на самом-то деле Михаил Илларионович не мог не понимать — если такую амбициозную фигуру, как Наполеон, не добить, он наверняка захочет взять реванш, и через год или два на Россию хлынет новое нашествие, опять вместе с послушной Европой. Факты подтверждают, что к заграничному походу Кутузов готовился заранее — планы у него оказались уже четко продуманы.

Завершили войну без него. Но ведь и его прогнозы оправдались. Главный выигрыш постаралась урвать Англия. Претендуя на мировое первенство, она развернула борьбу против России — и экономическую, и пропагандистскую, и политическую, а потом и вооруженную. И у остальной Европы благодарности за освобождение хватило совсем ненадолго, она снова оказалась в антироссийском лагере. Кстати, то же самое повторилось после Великой Отечественной, разве что к Англии приплюсовались США. Но тут уж, очевидно, сказываются закономерности западной морали и психологии. Ведь и в наши дни они снова проявились в полной мере.

СНЕЖИНКА

РАССКАЗ

Ноябрь в Нечаевске тот же, что по всей средней полосе России: лоскутья листвы в остекленевших лужах, зябкий ветер, непроницаемое стальное небо, как та самодельная бочка из нержавеющей стали, которая до сих пор стоит у Бирюлёва в гараже. Когда-то в ней родители квасили капусту. В детстве Бирюлёв крутился рядом и кланчил то морковку, то кочерыжку. Ему давали, он смеялся и грыз, потом просил ещё. В деревянном корыте гремел нож, его лезвие было широким, как у тяпки, мать подбрасывала нарезанную мелко морковь, перемешивала, священнодействие продолжалось. Потом всё сыпали в ту самую бочку. Сверху клали деревянный круг и на него тяжёлые камни. Капуста должна кваситься под прессом. Родители у Бирюлёва уже давно умерли, бочку он убрал в гараж и до сих пор не нашёл ей применения.

Ноябрь — это первая изморозь. Температура около нуля, ночью чуть ниже. Голуби, которые кружат над соседней улицей. Кто-то их до сих пор там держит. Они и в жару летают, но на фоне серого неба, где нет

ПРОЗА

ни просвета, ни единой синей проталины, они особенно привлекают внимание.

В ноябре 2020 года Бирюлёв возвращался из областного центра после очередного курса химиотерапии. За рулём его белой «Вольво» была жена Галя. После дексаметазона он опять не спал ночь. Точнее, спать хотела только передняя часть головы, но в теле держалась непривычная бодрость, оно было пропитано непонятной энергией и его раздувало изнутри. Так гелий распирает стенки надувного шарика. Это повторялось уже третий раз. После преднизолона такого не было.

Дорога была короткой и занимала час. За окном тянулся лесок, сначала смешанный, берёзы, дубы, ольха. Потом пошли одинокие ели с коричневыми шишками. Они висели густо, как гирлянды. Мелькнула и осталась позади сосна, похожая на трезубец, только средний ствол был сломан и рухнул на землю. А дальше вдоль шоссе потянулись деревенские дома. Бирюлёв попробовал рассматривать налечники. На зрение он никогда не жаловался.

В какой-то газете он прочитал, что каждый узор имеет свою символику, и теперь стал обращать внимание на резьбу. Ромб — это засеянное поле, знак плодородия, каждая точка, просверленное насквозь отверстие — семечко, крест — огонь, а длинная резная завитушка, в которой можно разглядеть и вьюнок с бутончиком, и морского конька, неведомого на Руси, змейка, уж, хранитель дома. Русский налечник — послание предков далёким потомкам. Их изучение развлекало, но подсознательно Бирюлёв искал в узорах сопричастности с далёким прошлым, которое ушло и не вернётся. Может, искал потому, что чаще стал думать о том, что уйдёт когда-то и он сам. Он ощутил это с особой остротой даже не сразу, как узнал о болезни, а позже, свыкнувшись с нею, если не сказать — подружившись...

За деревней снова начался лес, а потом поле, где стояла высокая трава, осыпанная утренним инеем. Бирюлёв попросил Галю остановиться. Он секунду просидел неподвижно на заднем сиденье (впереди, рядом с женой, ему в тот день не захотелось ехать), и когда Галя спросила, что ему нужно, оторвал ладонь от виска и ответил:

— Просто хочу выйти. — Открыл дверцу и, опустив ногу на обочину, добавил: — Подышать.

Он пошёл в поле. Туда вела подмёрзшая просёлочная дорога. Галя некоторое время шла позади. На ней была красная куртка — под цвет перезревших ягод шиповника, который пожилые женщины в Нечаевске продавали в пластиковых банках на рынке (авось кому надо), такая же вязаная ша-

---

почка и, обернувшись, Бирюлёв вспомнил её руки с красными наклеенными ногтями на баранке руля. Она любила всё яркое. А мать никогда не красила ногти.

Некоторое время Галя шла позади, потом догнала.

Бирюлёва привлекла высокая травинка с соцветием в виде зонтика и он остановился. Почему-то ему подумалось, что это укроп. Каждый его стебелёк был припорошен мелкими снежинками, как и всё вокруг. Поле казалось заколдованным. Он тронул укроп рукой, сломал хрустнувший стебель, и когда поднёс к глазам, разглядел кристаллик инея — шесть лучиков, которые троились на концах. Его удивило, насколько правилен, насколько симметричен узор. На налечнике он означал бы солнце. Но такая красивая снежинка была только одна. Остальное напоминало ворох мелких опилок, в беспорядке разбросанных по соцветию.

— Ты что-то тут забыл, Митя?

— Стихи вспомнил, — соврал он.

— Какие?

— Книжка была в детстве. Сугроб, дерево и лошадь на обложке. Сани тащит. «Мои первые книжки». Была такая серия советская.

Галя вопросительно поглядела прямо ему в лицо. Он поймал её взгляд и понял, что надо сказать что-то ещё.

— Стихи были такие: «Белая берёза под моим окном принакрылась снегом, точно серебром...» Вот и здесь, вокруг, всё тоже... такое сказочное. А дальше я забыл.

— Техника нам поможет!

Галя достала смартфон и кончиками длинных ногтей скользнула по экрану.

— Здесь даже интернет ловится.

— В этом районе всё близко. Он считается густонаселённым. Редкость такие вот поля теперь... «Принакрылась снегом, точно серебром».

— «На пушистых ветках снежною каймой распустились кисти белой бахромой».

— Вот-вот. Я всё не мог понять, какие кисти на берёзе.

— Есть такой вид берёзы — повислая. Молодые ветви свисают вниз. Их можно сравнить с кистями. Но здесь её, похоже, нет.

Лес стоял далеко, но было видно, что он смешанный. Наверно, те же дубы и осины.

— «И стоит береза в сонной тишине, и горят снежинки в золотом огне».

— И горят снежинки, — повторил Бирюлёв.

— Есенин, — будто о чём-то другом сказала Галя.

Она была из учительской семьи и сама выбрала этот же путь, поступив в педагогический институт на факультет начальных классов. Бирюлёв учился там же на физмате. Они познакомились на первом курсе, когда отправились в подшефный колхоз на картошку, но поженились на пятом, последнем. Обыденная, по существу, история.

Бирюлёв отработал в сельской школе по распределению год, потом вернулся в Нечаевск, где бывший однокурсник уступил ему учительское место, потом уволился через пару лет и, пытаясь найти другую работу, со всей очевидностью осознал, что в этом городе совершенно нечего делать. Приятель, работавший в Москве, сообщил, что есть место в охранном агентстве, где трудится и он. Этих агентств потом Бирюлёв поменял несколько, но делал всегда одно и то же: то ходил взад-вперёд вдоль складских стеллажей, то сидел у мониторов в квадратной будке, куда сходится вся информация с видеокамер (и заметил здесь, как портится зрение), то курсировал вдоль касс в магазине, то в чёрном костюме с бейджиком дежурил у входа в кинотеатр «Художественный» у Арбата...

Когда стал известен его диагноз, Галя изменилась: он случайно обнаружил у неё в комнате карманный молитвослов. На кухне появились глянцевые иконочки. Такой церковный ширпотреб можно было приобрести в любой лавке где-нибудь при храме: лакированная картинка с изображением святого, наклеенная на деревянный квадратик, покрытый тёмной краской. Для него это были только блестящие пятна, Бирюлёв не придавал им значения. Однажды Галя поехала в Москву. Сказала, мол, подруга позвала. Потом добавила: «И в монастырь к Матронушке заеду». Наверно, решила, что если не договорит об этом, будет всё равно, что соврёт. Его стала тогда раздражать эта православная правильность, которой раньше не было. Тем более, что Галя однажды заикнулась, не креститься ли ему. Её крестили в детстве по настоянию бабушки, а он всегда был убеждён, что Бога нет. Да Галя, собственно, тоже, пока он не сообщил ей про диагноз.

— В христианстве Бог принимает любого человека, — однажды попробовала она его убедить. — Не только в его лучших стремлениях, но и в полном его ничтожестве. И помогает снова обрести достоинство. В этом его сила.

— И слабость в том, что у ничтожества появляется шанс достичь всей полноты святости. Религия привлекает всех, кто не может найти себя в нормальной, обычной, жизни... Человек не создал семьи. Он даже не представляет, что такое забота о близких.хлопоты о детях. В той жизни, какой живут все, он никто. А тут, в твоём православии, он обретает возмож-

---

ность продвинуться. Усердно молится, поёт на клиросе, станет потом архиереем каким-нибудь...

— Не надо на людей смотреть, Митя.

— На кого же тогда?

Он помедлил и произнёс, будто бы стараясь успокоить и утешить жену:

— Мне это православие ничего не даст. Ты другое дело...

Это было давно. А сейчас они продолжали одни стоять на дороге. Галя вздохнула. Почему-то Бирюлёв обратил внимание на то, как резко вздрогнули её плечи. Подумал, что она любит его, а он бывал неоправданно резок. И почувствовал, что нужно что-то сказать.

— Ты не переживай. Я буду бороться, — и он повторил, придав голосу твёрдость: — Я смогу бороться.

— Мы будем делать это вместе, Митя.

Всё началось с того, что в один прекрасный день у него увеличались лимфатические узлы, один в паху, другой под левой челюстью, а немного погодя появилось уплотнение в подмышечной области.

Хождение по врачам в поликлинике мало что дало. И хирург, и терапевт, и инфекционист назначили огромное количество анализов, в том числе на бруцеллёз и лямблиоз — заболевание кишечника, вызываемое особым паразитом, совсем уж экзотические недуги. Пришлось обойти ещё две клиники в городе и съездить в областной центр. Выяснилось, что у него всё в норме, или, верней, почти в норме. Если какой показатель и выше, то не даёт повода для тревоги. Однако узлы не уменьшались. Может быть, с онколога и надо было начинать. Но Бирюлёву думалось, что это самый страшный врач из всех других, к тому же какой онколог в его пятьдесят один?

У него была смешная борода клинышком, у того онколога из областного центра, куда Бирюлёв отправился в очередной раз. Он ощупал его подмышки, потрогал комки узлов под челюстями и произнёс: «Не нравится мне всё это. Похоже на какой-то лейкоз». И направил на биопсию.

В лаборатории, куда Бирюлёв пришёл с направлением, было много пожилых людей. «У них у всех рак», подумал он. Те, кого он мог назвать ровесниками, встречались реже. Он решил, что они сопровождают стариков. Пока он ждал своей очереди, сосчитал количество шагов от двери с табличкой «Цитологическое отделение» до противоположной стены с широким окном. Ходил и думал: сейчас там будет решаться его судьба.

Результатов нужно было дожидаться. «Погуляйте, — сказали ему, — приходите через час».

Целый час!

Есть время, чтобы о многом подумать.

Что он успел в жизни? Он прожил её тихо, и это казалось ему достоинством. Стоял перед потоком людей и повторял: «Металлические предметы на стол», следил за движениями и лицами. Просьбы и требования легче было озвучивать от первого лица, но во множественном числе: «Кладём. Проходим». Это выражало сопричастность с людьми, которых требовалось проверять, и в то же время обезличивало их. Потом он обходил опустевший зал в кинотеатре — вдруг кто-нибудь оставил пакет или сумку, а там взрывчатка, мало ли. Нашёл только телефоны и кошельки. То, что случайно вываливалось из кармана. Всё складывалось в тумбочку возле входа, стоявшую у рамки металлоискателя. В других местах проверял пломбы на дверях — бумажные ленты с печатями, пропуска, слегка кивая головой в знак того, что всё в порядке, в магазинах прохаживался возле ряда касс, кидая взгляд на покупателей, будто так, присмотревшись, можно было выработать особое умение кого-то уличить в воровстве колбасных нарезок, консервов и водки, спрятанной в рукав. Вырастил сына и двух дочерей. Сын уже служил в армии, когда всё это началось... Надстроил второй этаж в доме, обшил сайдингом. В трещинах асфальта в начале мая цвели одуванчики, клевер (сила жизни велика!), пришла пора его сменить на плитку... Ему не в чем было себя упрекать. Его работа была нужна, чтобы о ней ни говорили. Это в советские годы она была совершенно излишней, тогда пассажиров никто не досматривал даже в аэропорту перед посадкой на самолёт. Но что делать, теперь другое время, пришло целое поколение, которое не может себе и представить такого. Бирюлёв забросил то, ради чего поступал в институт. Не связал жизнь ни с преподаванием, ни с наукой. Ну и что? Она и так сложилась неплохо. Математикой не зарабатываешь, школой семью не прокормишь. Он забросил айкидо, которым занимался в студенческие годы. Ведь всё равно знаменитым спортсменом не стал бы...

Что ещё сделано?

Он вошёл в небольшое кафе, заказал шаурму в тандырной лепёшке. «Семь минут», улыбнулся продавец и передал заказ кому-то стоявшему за кафельной перегородкой. Было слышно, как там стучит нож. Есть хотелось несмотря ни на что. На стенах, выкрашенных под цвет испитого лимона, были надписи: одно только слово — «Приятного аппетита», но на разных языках, даже арабской вязью и на иврите. И ещё рисунки: яблоки, апельсины, груши, виноград и рулет шаурмы на

тарелке. Тёплая лепёшка, разрезанная надвое, начинённая куриным мясом и дольками солёного огурца с майонезом, была изумительно вкусна. Откуда-то выплыла глупая мысль: «Этот вкус ты будешь помнить долго». Он поспешил затолкать в рот последние куски, жевал торопливо, понимая, что впереди ещё много времени и спешить некуда. «Белокровие — разве это моё! У меня в роду никто от рака не умирал! Я должен умереть от чего-то другого!.. Нет, зачем же я себя заранее хороню? Что бы это ни было, нужно бороться! Я сумею!»

И ему стало невыносимо жалко себя. Он представил, что навсегда уйдёт из жизни, а другие останутся, будут ею наслаждаться. И никаким усилием воли нельзя было преодолеть этого сожаления...

«Всё готово», девушка-лаборант протянула ему несколько листов и пару предметных стёкол в прозрачном полиэтиленовом пакетике. На них были розоватые мазки. «Она уже всё знает, — вдруг подумал он, встретив её глаза, которыми она искала в стороне следующего посетителя. — Но ничего не скажет. Я лишь цитология. Я — мазок на стекле».

Потом надо было снова попасть к тому же онкологу. Когда он шёл, а потом снова ждал в коридоре, всё думал, а если развернуть бумаги? Но отгонял эту мысль. Скоро, так или иначе, всё само собой станет ясно.

— Они ничего не нашли, — озадаченно сообщил ему доктор. — Странно...

Бирюлёв выслушал его совершенно спокойно. Наверное, работа научила не выдавать эмоций. А может, это была просто усталость. Симптом апатии. С детства он считал, что мужчина не должен закатывать истерик. Его унижает излишнее проявление чувств. Распускать нюни — удел девочек. Как и ябедничать.

Он вышел из кабинета, стараясь ничем не выдать, что творилось внутри. Но ему казалось, что уже у онколога предательски стали пощипывать, а значит, покраснели щёки, и его смятение видят все. Это не лейкоз. Хорошо, но тогда что это?

По результатам ножевой биопсии потом выяснилось: мелкоклеточная лимфоцитарная лимфома В-типа, она же неходжкинская лимфома.

Он делал эту операцию в другой больнице. Хирург заверил, что не будет больно, всё идёт под местным наркозом. Бирюлёв очень удивился, когда в палату, где он, ожидая, сидел на кровати, ввезли каталку. Он возразил, что до операции может и сам дойти. Медсестра возразила, мол, таковы правила.

Врач работал с электрическим скальпелем. Это было вовсе не то, что в первый раз, когда ему воткнули иглу в лимфатический узел. Боль чувствовалась, несмотря на уколы лидокаина, когда нож выходил за границу обезболенной области. Это походило на короткий удар током. Скальпель то шипел, то шелестел, Бирюлёву казалось, что пахнет распиленным куском кварца, мрамора, гранита, чем угодно, только не горелым мясом. Неприятно было даже не от этого, а от того, что в тебе копаются. Бирюлёв не пытался говорить. Минут через двадцать ему показали пинцет, на его кончике болтался какой-то бесцветный лоскутик. «Этот фрагмент мы отправим на исследование. Думаю, будет достаточно». Было странно, что с ним, Бирюлёвым, советуются. Разве мог он возразить: нет, этого маловато, давайте ещё! Обратившись к палате Бирюлёв прикатился весь мокрый, как после пробежки, хотя в операционной было очень холодно.

Во время второй, костной, биопсии он не кричал. Во-первых, в операционной присутствовали женщины, причём одна из них, гематолог, комментировала все действия своего коллеги, постоянно спрашивая у Бирюлёва: «Как вы себя чувствуете?». Во-вторых, ему казалось, что другие не орут. Это потом он узнал, когда сделали первую химию, что не только орут, но матерятся, даже падают в обморок. И что в платных клиниках костную биопсию делают под общим наркозом. Богатые должны жить без боли. И что операцию проводил патологоанатом. Когда шило, как Бирюлёв про себя назвал длинную полую трубочку с зазубренным концом, которую вкрутили ему сантиметра на два в кость, чтобы извлечь образец ткани (её тоже предложили ему показать, и он согласился взглянуть, но потом зажмурился), когда шило извлекли, он самостоятельно поднялся с операционного стола и сам дошёл до палаты, хотя медсестра для страховки поддерживала его за локоть.

В прошлый раз ему наложили несколько швов, а сейчас просто заклеили рану пластырем. Дня через три Бирюлёв его снял. Кость болела, если нажать, а так всё было нормально. Последняя операция нужна была для того, чтобы определить, поражён ли костный мозг, какова стадия болезни — третья, как определили поначалу, или четвёртая.

Бирюлёв решил: нужно жить только логикой сегодняшнего дня, потому что будущего отныне нет. Оно наступило. Оно — реальность происходящего сейчас, в данный конкретный момент. К ней нужно привыкнуть. Однако нельзя отключить эмоции и переживания, страхи и надежды, это не так просто, как надавить кнопку на брелке, когда требуется

вырубить сигнализацию в машине. И всё-таки: только холодный рассудок, это его надежда. Жить, словно плывя по течению. Что будет, то будет.

Бирюлёв ничего никому не сказал на работе. Что, во-первых, это изменит? Как, во-вторых, об этом лучше рассказать? В-третьих, не сочтут ли тебя ущербным, не станет ли для тебя невыносимым испытанием постоянно встречать сострадание и участие в чужих глазах. Ведь и для коллег это испытание. В-четвёртых, ему была отвратительна мысль о том, что его начнут жалеть. Такой молодой, не пил, не курил, делал контрастный душ — и на тебе: здоровеньким помрёт.

Внешне он несколько не изменился. Работа, сутки через трое, позволяла отвлекаться на врачей. С кем-то всегда можно было поменяться сменой. Можно было поработать сутки через двое и накопить побольше выходных. Всё решалось. Главным было научиться жить в новой реальности, привыкнув, что болезнь — часть тебя, и никуда не денешься. Подойти к проблеме, как к математическому уравнению. Квадратному, кубическому, трансцендентному — неважно. Действуй. Надо просто найти решение. Поддержка нужна только в том случае, если помогает отыскать ответ. На август ему назначили сеанс химиотерапии, первый. Там будет ясно, что дальше. А пока никакого смысла психовать.

После первого сеанса он не ощутил ничего. Хотя доктор обмолвился, что эта смесь из трёх препаратов — «серьёзная химия». Ему показалось даже, что влили обычный физраствор. Соседи по палате испытывали кто слабость, кто боль в голове, одного мужика стошнило прямо в постели. Бирюлёв решил, что сейчас ему просто повезло, а дальше будет подругому, ведь прокапаться нужно несколько раз в течение года. С ним в одной палате лежали ещё трое — люди уже за шестьдесят, всем давали преднизолон, подавляющий активность белых кровяных телец. А это влекло обострение других болячек, которые раньше сдерживались иммунитетом. У соседа по койке оказался кандидоз с постоянным кашлем и насморком, в народе — молочница, только в горле. У другого высыпал герпес. А третий, у окна, стал жаловаться на геморроидальные кровотечения, потому что препарат снижал свёртываемость крови. Четвёртый вообще не вставал с постели, где вытянулся на правом боку и не поворачивался: воспалившиеся узлы в паху давили на нервные, вызывая сильнейшие боли. Бирюлёву посчастливилось, если можно так выразиться. У него узлы раздулись в удачных местах, а могли бы в горле, около жизненно важных или особо чувствительных органов, в грудной полости, которую пришлось бы

вскрывать, иначе замучила бы одышка и харканье кровью. И результат был бы иным.

Люди в отделении почти не общались друг с другом. Некоторые ходили в защитных масках. Но все, пожалуй, можно обобщить так: казались Бирюлёву пришибленными. Говорил он только с соседями по палате, хотя в коридоре встречались ровесники, даже молодые женщины и мужчины, лет тридцать на вид. Очень кстати оказался планшет: можно было играть, смотреть фильмы или просто бесцельно гонять пальцами по экрану. Ноутбук или обычный смартфон выручали не одного его, помогая убить время. Небольшое устройство в руках помогало изолироваться, оставаясь на виду у всех.

Бирюлёв изучал интернет и ловил себя на мысли, что всё время сбивается в медицинскую тематику. Он выяснил, что на одной только шее существует огромное разнообразие лимфатических узлов, и все они по-разному называются: передние ушные, околушные, затылочные, грудино-ключично-сосцевидные (есть, оказывается и мышца такая), поднижнечелюстные, заглоточные, подъязычные... Всё это напоминало компьютерную игру в «Сапёра»: нельзя угадать, где и что может взорваться.

Он изучал свою болезнь. Галя говорила, что интернет — огромная информационная помойка, хотя всё-таки порой оттуда можно было выудить и нечто ценное. Впрочем, насколько ценным было то, что он узнал? В XIX веке жил в Британии врач и патологоанатом Томас Ходжкин. Он описал нескольких больных со схожими симптомами — увеличение лимфатических узлов и селезёнки, общее истощение и упадок сил. Все они умерли. Потом несколько похожих случаев описал другой врач, но тоже английский. В память о предшественнике, отдавая дань его авторитету, он назвал болезнь лимфомой Ходжкина. А потом у неё появилось другое «имя»: лимфогранулематоз. А дальше, с развитием медицины и после новых исследований стало очевидно, что здесь несколько заболеваний со сходными симптомами и природой, и их необходимо обособить друг от друга. Всемирная организация здравоохранения предложила различать восемьдесят разных видов лимфом. И та самая неходжкинская лимфома — то есть не та, которую описывал Ходжкин, но та, которую у него, Бирюлёва, выявили, тоже делилась на разные виды. Медицина была заумна, зато «математика» ясна: пятилетняя выживаемость — 69 процентов. Количество случаев — один на 25 тысяч. Стало быть, в Нечаяевске, таких, как он, полтора человека...

«Что такое твой Бог, Галя? Всё вокруг? Всё, чего я не знаю, красивое и безобразное, всё от снежинки до звёздных скоплений... А то, что я осознаю и понимаю — это уже я... Я маленький. Я розовый мазок на стекле». Бирюлёв стоял и машинально крутил в пальцах зонтик укропа. «Мудрость жизни — в умении принимать судьбу. Но жизнь движется вперёд стремлением изменить, что дано, что выпало, жизнь движется несогласием и отрицанием. Твой Бог, Галя, и есть, и нет одновременно, и каждый из нас прав».

— Пойдём? — спросила жена. Встретив её вопросительный взгляд, Бирюлёв кивнул, продолжая молчать.

Он возвращался к обочине с таким чувством, будто незримая часть его самого остаётся здесь, на сухой траве, снежинкой, с чувством сопричастности ко всему, что окружает, что было и прошло, и что ещё он увидит, что будет впереди... Когда сел на заднее сиденье машины, предложил:

— Когда приедем, можно дыню купить.

Он сказал это для того, чтобы удержать одно сокровенное воспоминание, из-за которого ему и захотелось пройти по полю. Стихи были ни при чём.

Вспомнился один фильм, который он увидел, наверно, лет семнадцать назад. Название давно забылось. Это было на Московском международном кинофестивале. Тем жарким летом он дежурил в «Художественном» возле Арбата и, видя, что поток журналистов, гостей, других участников спал, предупредил ребят, что отойдёт ненадолго в зал.

Режиссёр был француз, это точно. Фильм рассказывал о двух братьях. Одного звали Тома. Это он запомнил, потому что младшую дочь они с Галей назвали Тamarой. Тома. Нужно только ударение перенести на «о», будет русское имя девочки. Братья жили на берегу моря. Оно, почти живое, непостижимое, тоже было героем фильма, олицетворяя всё неизвестное, с чем соприкасается человек. На побережье постоянно кто-то тонет, корабли терпят крушение. Море опасно и непредсказуемо. Стоит лето. Тома неизлечимо болен. Его брат считает, что умирают зимой, что смерть любит холод, сумрак. Оказывается, нет... Чем болен Тома, никто не знает. Врачи предполагают, что у него что-то с селезёнкой. В крови медленно и неуклонно уменьшается количество лейкоцитов. Диагнозы спид или лейкемия не подтвердились, как и у него, Бирюлёва...

Фильм был об угасании человеческой жизни и попытках примириться с этой неизбежностью, найдя, по крайней мере, какую-то возможность жить, ожидая смерти, и отыскать в ней смысл. А ещё — о попытках близких людей понять друг друга.

Два брата живут одновременно вместе и врозь. Родителей больше волнует, что больница слишком далеко от автобусной остановки. Кадры, в которых крупным планом присутствует человеческое тело, вызывали содрогание. Фильм не пародировал смерть, как американские боевики, он заставлял задуматься, он ужасал и каждому зрителю задавал вопрос: «А как бы ты повёл себя, о чём бы ты думал на месте этого Тома?» Подробная, продолжительная сцена подготовки к операции: тщательное бритьё волос на теле больного, в том числе на лобке, руки медсестёр, пальцы — как щупальца. Это, наверное, для того, чтобы волосок случайно не попал внутрь тела и не вызвал воспалений. Долго и страшно. Кожа, капли пота, брызнувшая из носа кровь, синяки, послеоперационные швы, нагноения, синяя замысловатая татуировка на плече соседа по палате. Бр-р-р... Человеческое тело постоянно напоминает о тленности. Неспроста, наверно, герои встречаются на нудистском пляже. Власть плоти над человеком и власть человека над плотью. Нет, у человека нет над ней власти... Гомосексуальные сцены, от которых Бирюлёва невольно покорило, поставлены были не в расчёте на эпатаж (постелью зрителя теперь не удивишь), они усиливали мысль о бессилии человека преодолеть отмеренный ему предел пребывания на земле.

Тома удалили селезенку. Это не остановило болезнь. Теперь врачи утверждают, что всему виной печень. Как им можно верить? Тома подписывает бумагу о добровольном отказе от лечения и вместе с братом уезжает в дом, где прошло их детство. На берег моря.

Как же жить, зная, что ты неизлечимо болен, зная срок оставшейся жизни? И вообще — как надо жить? Встретившийся Бирюлёву в интернете Сократ говорил судьям, приговорившим его к казни: «Всё это произошло мне на благо, и, видно, неправильно мнение всех тех, кто думает, будто смерть — это зло. Уже пора идти отсюда, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить, а что из этого лучше, никому неизвестно...» Фильм оставлял открытым этот вопрос: что лучше?

Последние кадры: начинается шторм. Тома уходит купаться. Он совершенно голый. Его показывают со спины. Он свободен от всех своих страхов; свободен, как само это бурное море. Он может утонуть, может остаться в живых. Пусть всё решит стихия... Брат заявил о его исчезновении несколько дней спустя. К тому времени полиция выловила тело неизвестного утопленника. «Что же вы так поздно сообщили?» А брат сам как будто удивлен, почему он действительно только сейчас обеспокоился. Опознать тело по характерному шву на месте селезёнки было нетрудно...

Красота — зримое доказательство Бога. Об этом свидетельствует даже снежинка. Расставаться с жизнью жалко потому, что мир прекрасен. Но безобразна смерть. Всё умо-
заклочение рушится. Бога снова нет.

Бирюлёв думал, что послезавтра предстоит выйти на работу. Этот очередной его магазин напоминает склад. Товары размещены прямо на поддонах, которые погрузчик ставит на стеллажи. Ценники распечатаны на жёлтой, как горчичник, бумаге. Здесь можно купить всё. Если повернуть направо от входа, пойдут средства для мытья посуды в белых флаконах, там же отбеливатели, тосол, масло моторное, автомобильные компрессоры, антифриз, дальше жидкое мыло «Жемчуг», скраб-пилинг для тела, шампуни, а за ними сухой корм в мешках для собак и кошек, комкующийся наполнитель для туалетов — упаковками по десять пачек. Повернёшь за угол — шоколадно-молочная паста, дробленые с сахаром апельсины в баночках, пиво «Три медведя», штабеля туалетной бумаги, тазы, глубокие тарелки из опалового стекла, кашпо, садовые стулья с красными спинками, сковородки, бутылки с вином и перцовкой, соки, минеральная вода, пачки с чаем, продолговатые, как полено, упаковки с печеньями, банки солёных помидоров, тушёнка, консервы: сайра копченая в масле, тефтели из океанических рыб, бычки обжаренные с овощами. В холодильных камерах замороженные овощные смеси, ягоды, полуфабрикаты. Вселенная вещей. В этот океан можно войти, но он не омоет.

После очередного поворота Бирюлёв оглянулся. Высокий бурьян, припорошенный снежным порошком, казался заколдованным, преображённым и неземным. Бирюлёв представил, что уходит в море. Ему хотелось вообразить, что он либо вернётся назад другим, либо не вернётся, пусть его судьбой распоряжается кто-то другой, всеильный, неведомый и вечный... Конечно, никакого чуда не произошло бы, ничего бы не изменил этот холодный ледяной огонь, если бы, свернув с просёлочной дороги, он шагнул в поле. Чудеса случаются только в детстве. «Белая береза под моим окном...»

Они снова ехали мимо села с наличниками на окнах. Интересно, останется ли жена такой же верующей, подумалось Бирюлёву, когда он умрёт? Может быть, чувство это временно и зыбко, спровоцировано его болезнью. А потом начнётся другая жизнь, и другие обстоятельства изменят её отношение к вере. Но размышлять об этом не хотелось и не имело смысла, поэтому Бирюлёв повторил для самого себя, не отводя глаз от окна:

— Дыню хочется.

ТРИ СЧАСТЛИВЫХ ДНЯ

РАССКАЗ

1

Жаркий июльский день был в разгаре. Солнце, стоявшее в зените, палило нещадно. Высокая трава, несмотря на обильные утренние росы, днём увядала прямо на глазах, становясь серой и безжизненной. И всё же луг, по которому шёл Юрий, был удивительно красив и ярок: синели острова колокольчиков, розовели колонии иван-чая, жёлтыми любопытными глазами смотрели на этот мир ромашки. Пёстрая бабочка села Юрию на щеку и, пару раз шевельнув невесомыми крылышками, улетела прочь.

Тяжёлый рюкзак начинал давить на плечи всё сильнее, и Юрий решил отдохнуть. Но тут же передумал: до цели оставалось совсем немного. А цель была проста, как этот ясный день — старый бабкин дом, с которым у Юрия были свои давние отношения. Своя давняя любовь.

Стоявший в низине на отшибе, теперь дом был едва виден из высокой травы, перемежавшейся лопухами и крапивой. С трудом продравшись через эти заросли, Юрий подобрался наконец к ветхому крыльцу, достал из кармана ключ и

ПРОЗА

принялся открывать замок. Обожжённые крапивой руки слегка подрагивали. То ли от усталости, то ли от волнения — Юрий не понял, но замок открылся на удивление быстро. В сенях было темно, к лицу сразу прилипла противная паутина, и Юрий испытал настоящее облегчение, оказавшись за дверью в избе. Резкий контраст темноты и света заставил невольно зажмуриться. Солнце буквально ломилось во все четыре южных окна горницы. Пахло пылью и затхлостью. Через мгновение придя в себя, Юрий снял рюкзак, прошёл к одному из окон, без труда вынул внутреннюю раму и, осторожно поставив её на пол, распахнул окно. Ворвавшийся чистый воздух был тёплым.

И только теперь Юрий поднял глаза к портрету, висевшему под потолком в проёме окон:

— Ну, здравствуй, Скева!

Скева, конечно, ничего не ответила, но Юрию показалось, что её глаза за пыльным стеклом стали чуточку добрее. Хотя — куда уж добрее? Скеву, свою любимую бабу, он и не знал другой. Она всегда была для него самой доброй, самой красивой, самой лучшей. Особенной. Вот и имя у неё особенное — Скева. На самом деле она Прасковья, но стала Скевой по милости своего мужа, легкомысленного шутника и балагура, представлявшего всем свою жену как Пераскеву. А потом она и вовсе стала Скевой, и не только для знакомых и соседей, но и для внуков. Юрий прошёлся по всему дому. Нет, ничего не изменилось за год его отсутствия. Всё на своих местах. Разве что потолок ещё сильнее пожелтел да пятен на старинном зеркале стало больше.

— Интересно, затопится ли печка? — подумал Юрий и принялся разбирать рюкзак. Выгружая упаковки, свёртки и банки на стол, он почувствовал, что голоден. Ну ещё бы — после такого-то марафона! Но для начала нужно было разжиться водой: пить хотелось не меньше, чем есть.

Спускаясь с вёдрами к озеру, Юрий заметил на берегу одинокую фигурку с удочкой. «Наверное, Семёныч, — решил он. — Больше никому. Надо поздороваться со стариком».

Зайдя на мосточек, даже не дрогнувший от его веса, Юрий тщательно прополоскал вёдра, зачерпнул в одно из них немного воды и с удовольствием напился. Он знал и любил вкус озёрной воды сколько себя помнил. К мосточку приплыла стайка окуньков, из-под коряги на дне выполз крупный рак и замер, словно решая, что делать дальше. Белые лилии и жёлтые кувшинки в прибрежных листьях были неподвижны, но Юрий ничуть не удивился бы, если бы они вдруг закачались от резвой пробежки щуки: тут их всегда было много.

Семёныч заметил Юрия раньше, чем тот успел к нему подойти:

— Юра, ты, что ли? А то я сразу смекнул, что чужой: наши-то на мосточках вёдер не полошут.

— Я, Семёныч! Кто тут ещё ваши порядки нарушит, кроме меня? — Юрий поспешил к старику, который уже улыбался во весь свой беззубый рот. Подойдя, обнял его, опасаясь раздавить тщедушное тельце в своих медвежьих объятиях. Семёныч даже прослезился:

— Я как знал, что приедешь. Давеча говорю хозяйке: что-то Юрик наш нынче долго не едет. Не случилось ли чего? Время-то нынче дурное, беспокойное. А ты тут как тут. Да и похудел чего-то. Болееешь али тоже — по нынешней моде?

— По моде, Семёныч, по моде, — рассмеялся Юрий. — Ты у нас всю жизнь по моде, а я чем хуже?

— Да какая мода, Юра! Ем вволю, да не в коня, видно, овёс. Давай черпай вёдра-то, да пойдём к домам. Всё одно клёва нет, шибко жарит сегодня.

Юрий с радостью нёс вёдра в гору, вдыхая всей грудью запахи подсохших трав, шагал упруго и широко. Семёныч с удочкой на плече мелко семенил сзади. Неподальёку от Юриного дома остановились. Старик, отдышавшись, с удивлением спросил:

— А где машина-то твоя? Али из травы не видать?

— Сломалась машина, Семёныч! Пришлось в Выселке оставить. Не стал чинить: жарко, да и домой поскорее хотелось попасть. Завтра утром по холодку сбегаю, пригоню. Там починки-то на час.

— А еда-то есть? До утра ещё долго, одной водой сыт не будешь, — запричитал Семёныч.

— Да всё у меня есть, дед! А то к тебе вечеровать приду. Ты ведь с голоду помереть не дашь?

— Не дам, сынок, точно не дам. И бабка моя не даст — в аккурат сегоднястряпала. Такой зной, а она, шальная, пироги затеяла. Печка вон аж пышет. Приходи, родимый. Заодно и косу у меня возьмёшь, по росе свою усадьбу прокошишь. А то ведь и машину некуда поставить, экая травища в твоей низине выперла!

2

Вернувшись в дом, Юрий начал обживаться. Пусть и на три дня приехал, а жить в пыли и в грязи не хочется. Да и не привык: на чистоте и уюте была помешана мать, потом старшая сестра, да и Скева беспорядка не любила. Тут при всём желании халявой не вырастешь. Юрий вытащил из древнего

комода свою старенькую одежонку, навсегда прописанную в доме, достал из буфета и перемыл всю необходимую посуду, вытер табуретки, ещё раз сходил к озеру за водой и поставил на плитку чайник. Электричество, слава Богу, было, а больше ему ничего и не надо. Плохо, конечно, что нет рядом магазина, но сегодня он вполне обойдётся тем, что принёс в рюкзаке, а завтра на ходу будет машина. В общем, всё не смертельно, как любила говорить Скева.

Пока закипал чайник, Юрий успел обтереть пол и даже постелил два половичка, вытканные когда-то Скевой и бережно хранившиеся в чёрном сундуке возле шкафа. Потом принёс со двора смородиновых листьев для заварки, открыл пару банок с консервами и сделал несколько бутербродов. Хлеба, правда, было маловато, но ведь не отъедаться же он сюда приехал. В открытое окно с гулом влетела большая сизобрюхая муха и начала метаться под потолком. Потом затихла: вылетела на улицу. Сквозь ветви высокой одичавшей сирени виднелось безоблачное небо. Откуда-то сверху доносились затейливая птичья песня, а из глубины деревни — надрывный вой пилы.

— Обязательно схожу к Семёнычу, — подумал Юрий. — Надо узнать, что изменилось в деревне. Родиться, понятно, никто не родился, а вот уйти в мир иной могли. Это летом деревушка оживает и молодеет благодаря дачникам, а зимой только в пяти домах жизнь теплится. Надолго ли?

После сытного перекуса захотелось полежать, но Юрий вдруг спохватился: надо вынести на солнце одеяла и подушки. Всё просохнет мигом, да и затхлый запах выветрится. На улице было так вольготно, что уходить не хотелось. Юрий открыл дровяник, расколол несколько чурок и сносил дрова к печке. Мало ли, одежду или обувь посушить придётся или еду какую приготовить. Русской печке никакая повариха не нужна, сама всё сготовит, да так, что пальчики оближешь.

Найденным в сарае поржавевшим серпом Юрий сжал траву у крыльца и у забора, но уносить её не стал: через пару часов это будет уже полусухое сено, запах которого он вспоминал всю зиму. За домом, под кучей истлевшего мусора, накопил целую банку червей. Рыбалка была самой большой страстью Юрия. Он бы и сегодня пошёл рыбачить, но всё снаряжение осталось в багажнике машины. А она на сей раз подвела, трёх километров до дома не дотянула.

Как ни жарок, ни долог июльский день, но и он заканчивается. Перед тем, как идти к Семёнычу, Юрий решил искупаться. Третий раз за день он спускался к озеру — босой, потный, перепачкавшийся, но довольный всем: и погодой, и

переделанными делами, и спокойствием в душе, и, что самое главное, встречей со своим прошлым, в котором было так много хорошего. Прогревшаяся вода приняла его в свои ласковые объятия, как старого доброго знакомого.

3

Похоже, над домом Семёныча время было не властно: те же светлые занавесочки на окнах, та же голубая краска на обшитых стенах, та же скрипучая калитка с замысловатым вертужкой. А вот собачья будка куда-то исчезла, да и приветственного лая Дружка было почему-то не слышно. «Наверное, сын к себе увёз, — подумал Юрий. — Охотник как-никак». В дверь стучать не пришлось. Она была открыта настежь. На маленькой веранде в плетёной корзине безмятежно спала кошка с двумя котятами. Рядом стояло ведро, доверху наполненное огурцами, в углу — уже знакомая Юрию удочка. На протянутой через всю веранду леске висели пучки каких-то трав.

— Эй, хозяева! — громко пробасил Юрий. — Есть кто дома?

— Есть, есть! Заходи, Юрушка! — навстречу гостю вышла жена Семёныча, Мария, такая же маленькая и сухонькая, как и он сам. — Мы тебя уже давно поджидаем.

Юрий любил этих милых стариков. Простые, душевные, не очень грамотные, они располагали к себе с первой встречи. Юрия удивляло их жизнелюбие, восхищало их взаимопонимание, поражала яркая, самобытная речь.

Стол с массивными ножками и тяжёлой столешницей, за который пригласили Юрия, был просто ошеломляющим: свежие и солёные огурцы, рыба, зелень прямо с грядки, шанежки с толокном — чего тут только не было! От стоявшей в центре стола сковороды с жареной золотистой картошкой Юрий и вовсе не мог отвести взгляда.

— Марьюшка, чего-то не хватает, тебе не кажется? — хитро прищурившись, спросил Семёныч и подмигнул Юрию.

— Ой, совсем забыла! — Мария достала из шкафа бутылку с настойкой и с виноватой улыбкой водрузила её на стол. Ужин шёл по уже привычному для Юрия сценарию: он налегал на деревенскую еду, Семёныч — на настойку, а Мария хлопотала возле стола, стараясь угостить редкого гостя всем, что было в доме. Много говорили. Юрий расспрашивал, как прошла зима, каким выдалось половодье, есть ли прибавление у детей и внуков Семёныча и Марии, бывают ли они в деревне. Узнав, что все живы и здоровы, Юрий успокоился. Всё как всегда, и слава Богу.

В открытую дверь вошла кошка, но, увидев незнакомца и услышав писк оставленных котят, быстро вернулась на веранду.

— Семёныч, а где ваш пёс? Что-то не вижу я его нынче, — вспомнил о Дружке Юрий.

Семёныч молчал, словно не слышал вопроса. На выручку ему пришла Мария:

— Нету больше Дружка, Юрушка. Волки в январе прямо с цепи сняли. Не уберегли мы его. Надо было в сенях закрывать или в старом хлеву, а мы думали — обойдётся. Не обошлось...

Наступившее неловкое молчание прервал Семёныч:

— Всё бывает, Юра. Считай, в лесу живём. Село-то зимой наполовину пустое, тишина вокруг день и ночь стоит. Вот эти паразиты и обнаглели. Жалко кобеля, да чего уж теперь. Давай-ка ещё по капелюшечке, за помин души собачьей.

Пить уже не хотелось, но и обижать хозяина — тоже. Пригубила и Мария. А Семёныч добавил:

— Оно, конечно, можно и другую собаку завести, дак тут опять другая печаль: нам с Марьюшкой не много уже осталось, и как глядеть собаке в глаза, зная, что оставим её на произвол судьбы? Котят и тех жалко, а тут собака.

Юрий облегчённо вздохнул, когда разговор пошёл в другое русло. Он знал, что Семёныч не упустит возможности поговорить о городской жизни, и не ошибся.

— Юра, расскажи-ка лучше, как там в городах-то живут? Вот смотрю телевизор — и ничего не понимаю. Вроде и жизнь ключом бьёт, а люди как с ума сошли: друг друга убивают, день и ночь в каменных коробках да в машинах сидят, воздуха совсем не видят. Травят себя вдобавок всякой всячиной. А то ещё хуже — голыми перед всем миром поют да пляшут. Ужель им вправду так весело, что даже одежду с себя скидывают? Глядишь на них и не знаешь, то ли Богу молиться, то ли беса поминать.

Таковыми вопросами Семёныч часто ставил Юрия в тупик. Непосредственность старика и умиляла, и смешила, но найти доступное объяснение всему, что волновало Семёныча, было непросто. Это всё равно что втолковывать что-то ребёнку, заранее зная, что ничего не получится. Поэтому Юрий больше отшучивался, чем говорил серьёзно. Но захмелевшего Семёныча это вполне устраивало. Для него главным было то, что есть возможность поговорить.

Но надо было уходить. Старики провожали Юрия до калитки. Семёныч нёс косу, которую обещал днём, а Мария — шанежки и пирожки, завернутые в белое полотенце. Уже закрывая калитку, Семёныч спросил:

— Юра, а завтра-то куда? Морошка, говорят, есть нынче. Я-то не пойду, а ты, может, соберёшься?

— Да я дело найду, Семёныч. С утра покошу, а потом надо машину выручать. И в лес хочется, и на рыбалку — в общем, доживём до утра, а там видно будет.

— Ну, как знаешь, Юра. Завтра заходи ужинать, настоечка-то ещё осталась. Да окна на ночь закрой, а то комарьё спать не даст.

Вечер был тихим, безветренным. Жара постепенно спадала, солнце переместилось к западу и начало медленное движение вниз. Рябь с поверхности озера исчезла, и время от времени по воде расходились широкие круги: играла рыба. С середины озера к мостику, скрипя уключинами, приближалась синяя деревянная лодка — видимо, кто-то возвращался с вечерней рыбалки. Постояв несколько минут на горе, Юрий пошёл в дом. Затхлостью уже не пахло, но на всякий случай он занёс в горницу охапку сжатой днём и уже почти высохшей травы: её запах перебьёт все остальные.

Несмотря на долгий и насыщенный событиями день, Юрий не чувствовал усталости, которая в это время обычно настигала его в городе. Закрыв окно, он просто лежал на пружинной кровати, закрыв глаза и наслаждаясь тишиной. Он не знал, хорошо это или плохо, но радовался своему одиночеству. В кои-то веки он не был поглощён проблемами и заботами, чужими и своими, был ничего никому не должен. Уснул он далеко за полночь с ощущением полного счастья.

4

Юрий проснулся от истошного кошачьего крика. Выглянув в окно, он увидел двух котов, клубком катающихся перед крыльцом. Ага, делят территорию, понял он, окончательно проснувшись. Это тоже была привычная для лета картина, когда деревенские коты отважно противостояли городским экзотическим красавцам, привезённым на дачи. Часы показывали начало шестого. Солнечный свет мягко проникал в восточное окно, бликами падая на чистый крашеный пол. словно и не было вчерашнего бессонного вечера и незаметно пролетевшей ночи. Горница была светла и тиха, как прежде. С портрета снова смотрела Скева, и Юрию на мгновение показалось, что он дома не один. Он любил этот портрет. Несколько лет назад он сам попросил своего коллегу-адвоката нарисовать Скеву по последней её фотографии, сам сделал рамку и привёз портрет в дом. Скева была красивой в любом возрасте, и было в её красоте что-то благородное, ве-

---

личественное. Каким простаком ни был дед Алексей, а ведь как удачно подчеркнул это, назвав её Параскевой!

Но дела не ждали. Наскоро выпив крепкого чаю с пирогами, Юрий надел рубашку с длинными рукавами, заправил брюки в сапоги, нахлобучил старую дедову кепку и, взяв косу, вышел на улицу. Долго прокашивал подъезд к дому, отмахиваясь от назойливых комаров и мошек, думая о том, как проведёт этот день. В том, что машину он отремонтирует быстро, Юрий не сомневался: знал все болячки своего старого «жигулёнка». Но до него ещё надо идти. Через луг раза в три короче, чем по дороге, но это тоже время. А день снова обещал быть жарким, и хотелось провести его с пользой. Вот если б не машина... Да, у него есть хорошая новая иномарка, но кому захочется гробить свою любимицу по ухабистой просёлочной дороге, тем более с таким грузом! А его «старушка», привычная ко всему, всегда набита до отказа. Там и палатка, и надувная лодка, и снасти, и инструменты, и несколько пар сапог — никогда не знаешь, что и когда потребуется.

Но всё сложилось более чем удачно, и через пару часов Юрий подкатил уже к своему дому. Багажник разгружать не стал — зачем носить вещи туда-обратно? Главное, что всё теперь рядом.

Время двигалось к полудню, когда Юрий снова вышел из дома. Как ни сильно было желание порыбачить, он понимал бессмысленность этой затеи: раннее утро уже упущено, а перспектива пустопорожнего махания удочкой или спиннингом в разгар жаркого дня совсем не привлекала. Не без некоторого колебания Юрий выбрал лес. Памятуя о вчерашнем разговоре о морошке, он решил сходить на Мишкино болото. Сборы были недолгими: в лесных делах Юрий уже не одну собаку съел. Рюкзак был лёгким, пластмассовое ведро того легче. Корзина была бы, конечно, удобнее, но, судя по срокам, морошка уже отходит, а значит, половина из корзины вытечет, пока идёшь обратно.

Дорогу к болоту Юрий знал отлично. Сейчас уже и не вспомнить, сколько раз водила его туда Скева. Лет десять ему было, когда она впервые взяла его с собой. Сердобольные соседи жалели подростка: «И зачем мальчонку в такую даль тащит? Пять километров да по жаре, не всякий взрослый сдюжит. А тут пацанёнок...» А «пацанёнку» эти дальние походы пришлись по душе. Нет, от сбора ягод он был, конечно, не в восторге, но ведь рядом была Скева! А это значит, разговоров, сказок и легенд на всю дорогу хватит. Никто не умел так заинтересовать и увлечь Юрия, как Скева.казалось, не было такого вопроса, на который она не знала отве-

---

та, не было такого дерева, куста или цветка, название которых было бы ей неизвестно. А уж о лесных обитателях, периодически встречавшихся на их пути, и говорить нечего. Такие встречи запомнились надолго, если не на всю жизнь.

Юрий шёл быстрым, широким шагом, не испытывая при этом никакого дискомфорта: жара не ощущалась, луж на лесной дороге не было. Впрочем, это была скорее тропа, нежели дорога. Юрий с горечью замечал, что с каждым годом она всё сильнее зарастает. Да и ходить по ней всё труднее: сухие или сломанные летними грозами деревья падают, создавая препятствия, и времени на преодоление этих километров уходит с каждым годом больше. Времена, когда по этой дороге ездили на лошадях на заготовку дров, давно в прошлом. Теперь и лошадей-то во всей округе не сыщешь. Одна память и осталась. Вот и Мишкино болото эту память хранит. По рассказам Скевы, там погиб конь по кличке Мишка. Убило его спиленным падающим деревом, попавшим коню прямо промеж ушей. Юрий и сейчас помнит, как плакал, услышав от Скевы эту историю... Вдоль тропы, справа и слева, разрастался густой черничник. Ягоды привлекали своим обилием, и Юрий не раз наклонялся, чтобы собрать горсточку-другую. Черника уже пачкала ладони, что говорило о её спелости, но была мелкой: ей не хватало влаги. На менее затенённых отрезках пути, около пней, краснела земляника. Её аромат чувствовался даже в горячем воздухе. Видимо, давно никто не проходил по этой тропе: ягоды были не тронуты. На солнцепёке земляника была особенно тёмной и крупной, но количество засохших ягод и красных листьев говорило само за себя: земляника тоже отходит. Юрий съел столько, сколько смог. Нечасто с ним бывало такое.

Но вот и последняя лесная опушка, плавно переходящая в огромное болото, заблудиться в котором ничего не стоит. Деревьев на болоте мало, по этой причине Скева называла его гладким. В таких болотах Юрий легче ориентировался, но одному всё равно всегда было неудобно. Он достал из рюкзака пару прихваченных старых газет, разорвал их на куски и повесил на сук высокой сосны первую метку. Прометив таким образом весь свой путь в глубь болота, он без труда выберется обратно на опушку.

На незатенённом болоте было скорее душно, чем жарко. Воздух от испаряющейся болотной воды был тяжёлым, влажным. «Хоть бы ветерок какой налетел», — подумалось Юрию, но вместо ветерка налетела туча мелких мушек, которые упрямо ползли в глаза, лънули к потному лицу. Мазь, вынутая

из кармана рюкзака, оказалась против них бесполезной. Ничего не оставалось, как терпеть. Далеко идти не пришлось. Минут через двадцать ходьбы взору Юрия открылась большая поляна, сплошь усыпанная морошкой, похожая на огромную цветочную клумбу. Ягоды были сочными, перезревшими, легко мялись в руке, и брать их нужно было очень осторожно, чтобы донести хотя бы до ведра. «Тут не поторопишься», — сразу понял Юрий. А впрочем, куда ему торопиться? Пару-тройку часов вполне можно провести на болоте, не зря же он проделал такой путь!

За увлекательным сбором ягод время летело незаметно. Но удивительное дело — чем больше ягод Юрий бросал в ведро, тем больше они оседали от собственной тяжести. Всё было липким от сока: и руки, и лицо, и стенки ведра, которое, между тем, становилось всё тяжелее.

Наполнив ведро на две трети, Юрий двинулся в обратный путь. Держать правильное направление помогали не только разрешенные метки, но и его собственные следы, отчётливо видневшиеся на мягком светло-зелёном мху. Юрий издали заметил, как цепочку оставленных им следов не спеша пересекла большая чёрная гадюка. Его даже передёрнуло, но не от страха — Юрия, хорошо знавшего природу, трудно было чем-нибудь напугать, — а от омерзения. Он невольно снова вспомнил Скеву. Это она, приучившая его любить всё живое, взрастила в нём отвращение к змеям. Юрию до сих пор непонятно, почему Скева не могла ходить мимо них спокойно. При встрече со змеей она всегда вела себя непривычно агрессивно, и Юрий с ужасом наблюдал одну и ту же картину: Скева быстро отламывала ветку листовенного дерева, одним движением обрывала с неё листву и образовавшимся прутом принималась с силой стегать пресмыкающееся. Нескольких ударов хватало, чтобы змея замирала и переставала двигаться. После этого Скева как ни в чём не бывало спокойно произносила: «Вот и всё, Юрушка. Можем идти дальше». Юрий ни разу не решился спросить, зачем она это делает. И сегодня он уверен в том, что это единственная тайна, которую Скева унесла с собой в могилу.

Вскоре Юрий был уже на опушке. Еду из рюкзака доставать не стал — чувства голода в такую жару он не испытывал никогда — но бутылку воды, предусмотрительно взятую с собой, осушил до последней капли. Потом он снова шёл знакомой дорогой, нёс, перекладывая с руки на руку, увесистое ведро и, как ему казалось, не думал вообще ни о чём. На небе стали появляться облака, время от времени перекрывающие солнце, и такие минуты были просто блаженством. Чуть поз-

---

же задул ветерок, который постепенно набирал силу, и когда Юрий подошёл к своему дому, стало понятно, что приближается гроза.

5

Только войдя в дом и присев на порог, чтобы снять сапоги, Юрий почувствовал, как за сегодняшний день устал. Считай, с раннего утра на ногах. Шутка ли — прошагать по жаре почти полтора десятка километров! Хотелось только одного — искупаться и лечь. Преодолев себя, он взял вёдра, полотенце и спустился к озеру. Солнце уже окончательно скрылось за серыми облаками, из-за леса за озером медленно надвигалась тёмно-синяя туча. Поспешное купание удовольствия не доставило, но взбодрило. С парой чашек кофе исчезло и желание полежать. Первым делом нужно было спасти набранную морошку. Часть ягод Юрий сразу отложил в большую миску, чтобы угостить Семёныча с Марией, а остальные вычерпал кружкой в пятилитровый бидон. Оторвал кусок широкого бинта, обильно полил его водкой и аккуратно расправил, положив его поверх ягод в бидоне: старый, но многократно проверенный дедовский способ поможет довести деликатес в целостности и сохранности хоть до Парижа.

Окно пришлось закрыть. Ветер усиливался, в горнице стремительно темнело. Накрыв миску с ягодами Марииным полотенцем и сняв с вешалки чёрный дедов плащ с капюшоном, Юрий направился к дому Семёныча. Первые редкие капли дождя уже падали на иссохшую землю, изредка подавал свой голос гром, но вспышек молнии ещё не было видно.

Старики встретили Юрия так же радушно, как и накануне. Сидели за столом в сумерках, свет не включали. Юрий с детства знал, что в деревне почему-то особенно боятся гроз. Увидев, что Семёныч готовится разливать настойку, Юрий предупредил:

— Только один глоток, Семёныч! Устал я сегодня. Выпью — сразу развезёт. А мне ещё к завтрашней рыбалке готовиться.

— Какая рыбалка, Юра! Может, гроза на всю ночь затянется. Какая нужда мокнуть?

— Нет, Семёныч, завтра у меня последний день. Не переживу, если не порыбачу. Не будет клёва, так хоть на берегу у костра посижу. Да ты ведь меня знаешь...

— Знает, знает, — перебила Мария. — Не с того начали, мужики! Держи-ка, Юра, тарелку. Почитай, весь день голодом да кое-как.

В тарелке дымился отменный борщ, какой умела варить только Мария. Отказаться от него Юрий никогда бы не смог. А тем более сегодня, когда растратил столько сил.

— Юра, а как там болото-то Мишкино? — глядя на миску с ягодами, спросил Семёныч. — Эва каких ягод набрал! А я там, поди, лет семь не бывал. Трудно стало далеко ходить. Да и страшно. Вдруг помру на какой-нибудь кочке, никто и не сыщет.

— Тьфу ты, дурак старый! — возмутилась Мария. — Помирать он придумал. Поди лучше керосиновую лампу поиши, совсем мы отемнели!

Юрий смотрел, как Семёныч налаживает принесённую лампу, и вспоминал, как делала это Скева: так же аккуратно, не спеша, словно волшебство творила. Свет, пусть и неяркий, добавил настроения.

— Болото на месте, — пошутил Юрий. — Морошки навалом, следов человеческих нет. Одни змеи ползают.

— Змеи? — переспросил Семёныч. — Дело известное. Немало они Скеве крови попортили.

Юрий не ожидал этих слов, но с надеждой ухватился за них:

— Слушай, Семёныч, а расскажи-ка мне про это. Скева никогда об этом не говорила, но я всегда чувствовал, что ненавидит она их всей душой.

— Да особенного-то ничего и не было, Юра. Так, давние дела, давние страхи. А ведь то, чего боишься или чего не понимаешь, чаще в себе держишь: а вдруг и другие не объяснят или, того хуже, на смех подымут? Вот она и молчала.

— Семёныч, я ведь не отступлюсь! Рассказывай, раз начал! — Юрий был настойчив как никогда.

Семёныч, посомневавшись ещё мгновение, всё-таки заговорил:

— Подростками тогда мы были. Семьи большие, ртов много, в каждом хозяйстве скот был. Вот и мать Скевы, прабабка твоя, корову держала. По весне принесла та корова двух телят сразу. Маленькие да слабые телятки-то оказались. Один и дня не прожил, да и другой лядащим уродился. Но уж больно Скева его выходить хотела, не отходила от него ни днём ни ночью. Другие ребятишки то играют, то дерутся, то просто так от дома к дому слоняются, а она всё в хлеву да в хлеву. И ведь выходила! Всю душу, видно, в него вложила. А летом его уже и на луг выводить стала. Часами могла смотреть, как он по траве носится, жизни радуется. Но, видно, судьба ему другая была приготовлена, недолго радовался. Пришла Скева вечером на луг телёнка домой забирать, а он ни жив ни мёртв

в траве лежит. Рот не закрывается, сине-багровый язык что колода распух, во рту не помещается. Смекнула девчонка, что это змея его за язык прихватила, да уж поздно было. Отец, как узнал, сразу бедолагу прирезал. Скева очень переживала, с лица вся сошла, почернела, ни с кем не разговаривала. До самой зимы, почитай, сама не своя была. Все даже бояться стали, как бы она умом не повредилась.

Семёныч вздохнул и замолчал.

— А что потом? — спросил Юрий, всё ещё не веря в счастливый конец.

— Что потом? — переспросил Семёныч. — А потом ещё хуже случай был. На сенокосе мы тогда работали. Подросли, сил да ума маленько подкопили, родителям всегда помогали. На Скеву уже многие парни заглядывались. А один — чтоб ему!.. — ей просто проходу не давал. Скева его отшила, вот он и затаил обиду. Девки сено поворошили да на озеро купаться убежали. Вернулись весёлые, отдохнувшие, около копен обедать уселись. А Васька возьми да выпусти из банки змею Скеве прямо на колени. Когда только и выловить её успел, паршивец? Змея сразу Скеву и ужалила. Отец Ваську потом крепко отмутил, а что толку? Нога-то у Скевы всё равно долго болела, едва отводились. Вот, видно, с тех пор и была она гадов всю жизнь.

Юрий был ошеломлён услышанным. Заметив это, Мария погладила его по руке:

— Не переживай, Юрушка. Чего только в нашей долгой жизни не было! А что не хотела Скева об этом рассказывать, так это её воля. Не всё можно говорить даже близким своим. Зачем душу рвать, свою и чужую?

Семёныч согласно затряс своей седой головой:

— Права, Марьюшка! Ты ведь тоже свою тайну столько лет хранила, а разве стало легче, когда рассказала?

— Это ты про что? — удивилась Мария.

— Да про рака твоего!

— Это совсем другое, не надо всё в одну кашню мешать, — заворчала Мария, но Юрию стало интересно, что ещё происходило с его стариками, чего он до сих пор не знает.

— Мария, что за рак? — с улыбкой спросил он.

— Да ну его, старого, нашёл что вспомнить. Тут и рассказывать нечего, всё уже мхом поросло, — отмахнулась Мария, но всё же уступила:

— Я ещё не замужем была. Переплыли с подружками на другой берег озера и пошли через овсяное поле к лесу за белыми грибами. Иду я, раздвигаю овёс и вдруг вижу большущего рака. Я даже оторопела: как такое может быть? Это ведь

не мышь какая, а рак! Ему в озере быть положено. Вот и решила я, что что-то худое должно случиться, коли такое увидела. Худого, вроде, и не случилось, но до старости я об этом никому не рассказывала. Боялась, что засмеют. Но случай тот не забыла. А когда уже старая стала, решила о нём внучке рассказать. Та как раз со своего института на лето приехала. Повела ей всё как на духу и говорю: «Вот ведь, Катюша, как бывает. Ну не чудо ли?» А она посмеялась надо мной, как над маленькой. Нет, говорит, тут никакого чуда. Просто раки очень любят овёс и время от времени выходят из воды в поле кормиться. А я-то, дура, почитай, всю жизнь это в себе носила. Катюха мне враз всё разъяснила. Да что говорить — грамотные они нынче. Не то что мы в их годы.

И, словно оправдываясь, добавила:

— Я ведь в школу-то только три года ходила. Читать да писать научили, а остальную жизнь доучивала.

Некоторое время сидели в полной тишине. Потом Семёныч опять сел на своего конька:

— А вот нынешним дачникам эти змеи да раки побоку. Всё около домов своих трутся, куют чего-то, колотят, а бабы ихние в огородах возятся. На озеро-то редко ходят, а в какой стороне лес, поди, и вовсе не знают. То ли богатые все, то ли ленивые — никак не пойму. Ничего не видят. И зачем в деревню ехали?

Семёныч сам что-то спрашивал, сам отвечал — по сути, просто выпускал пар. С Марией-то не много наговоришь, у неё бесконечные домашние дела. Юрий слушал Семёныча и одновременно прислушивался к шуму разошедшегося дождя и ловил себя на мысли, что за год соскучился по настоящему семейному теплу и уюту, по простому человеческому общению. Вот так сидел бы и сидел, и пусть горят все городские дела синим пламенем...

Заметив, что Юрий притих, Мария предложила:

— Юр, может, у нас заночуешь? Вон как поливает. Я тебе в отдельной комнате постелю.

Юрий даже руками замахал:

— Да что вы, что вы! Спасибо за заботу и тепло ваше, но я ещё и теплом своего дома подышать хочу. Не обижайтесь только!

— Да мы и не обижаемся, — поспешил заверить Семёныч. — Жалеем тебя, и всё.

Шум дождя стал неожиданно стихать, в окнах посветлело. Мария задула лампу:

— Вот и славно. Всё миновало. А дождь-то нужен был, экая сушь стояла. С такого ливня и грибочки пойдут, опять радость да занятие. Может, и рыбалка твоя сбудется. Отведёшь

душу. А не выйдет, так вот я тебе рыбничек сохранила. Не своей, так нашей рыбки отведаешь, — и Мария протянула Юрию свёрток в знакомом белом полотенце. Зная, что протестовать бесполезно, Юрий взял его и стал прощаться. Провожать себя до калитки старикам не позволил: зачем мокнуть на ночь глядя?

6

Ранним утром следующего дня, когда вся деревня ещё спала, Юрий уже плыл по озеру на лёгкой резиновой лодке. Повсюду висел густой туман, и тихие дома были почти неразличимы. Глубокую тишину нарушали только всплески воды, потревоженной вёслами. Лодка, хоть и основательно нагруженная, легко и послушно скользила по зеркальной глади, по самой середине озера. Из-за пелены тумана видимость была плохой, но Юрий, хорошо знавший озеро с детства, прекрасно на нём ориентировался. Тут уже не Скева, а дед Алексей сказал своё слово. Десятки, сотни рыбалок пережили они вместе. Выдрессировал дед своего внука в настоящего рыбака, внимательного, осторожного, знающего как свои пять пальцев не только повадки всевозможных рыб, но и все особенности этого большого и совсем не безопасного озера.

И вот сейчас, попав в свою стихию, Юрий чувствовал себя не хуже, чем та же рыба в воде. В том, что рыбалка будет удачной, он уже не сомневался: по всему было видно, что погода не подведёт. Ещё минут сорок работы вёслами — и он будет на месте. Всякий раз, отправляясь туда, Юрий вспоминал один и тот же эпизод из своей далёкой, тогда студенческой жизни. Вот и сейчас, спокойно и размеренно опускающая и поднимающая вёсла, он снова переживал то незабываемое утро. А ведь тридцать лет прошло! Тогда в такой же жаркий и богатый грозами июль Юрий приехал в деревню не один, а со Светланой. Уверенный в своих чувствах, представил её Скеве и деду как будущую жену. Света, наслышанная о любимых Юриных стариках, умудрилась их очаровать и разочаровать в одинаковой степени. Красивая, общительная, бойкая, коренная горожанка, она совершенно не умела готовить, до обморока боялась пчёл, лягушек и пауков, ни на минуту не хотела оставаться без Юрия и с ужасом в больших карих глазах разглядывала на своих смуглых руках комариные укусы.

Юрий до сих пор удивляется, как ему удалось уговорить её поехать ранним утром на рыбалку. Наверное, ей просто хотелось побыть с ним наедине, покататься на лодке, поплавать и покупаться вдали от посторонних глаз. Точно так же, как

Юрий сегодня, они отчалили от берега ранним утром. Был такой же туман, такая же тишь вокруг. Лодка, правда, была не резиновая, а деревянная — собственность и гордость деда Алексея. Как и сейчас, Юрий направлял тогда лодку на Сухмень, неглубокое место прямо посреди озера. Юрию хотелось удивить девушку.

— Представляешь, у берегов местами глубина до десяти метров, а посередине — не больше двух, — с азартом рассказывал он Светлане. Вот там мы с тобой воткнём в дно этот шест, привяжем к нему лодку, чтобы не крутило и не сносило, и будем рыбачить. Там клёв всегда отличный!

Надо отдать Свете должное — она разделяла восторги Юрия. Но предстоящая ловля её пугала и беспокоила. В самом деле, как это — взять в руки противного червяка, как не уколоться рыбиной, если она вдруг клюнет? От этих мыслей ей было явно не по себе. Понимая это, Юрий ни на чём не настаивал, просто не спеша делал своё дело: безошибочно нашёл нужное место посреди озера, нащупал длинным шестом дно и, с силой воткнув шест, прочным шпагатом привязал к нему лодку. Сделал всё так, как учил когда-то дед.

Было уже часов шесть. Туман рассеялся, солнце уже достаточно хорошо грело, но Юрию не нравилось небо: смущала засинь, надвигавшаяся с правой стороны горизонта. «Неужели будет гроза? В такую-то рань?» — думал он, стараясь побыстрее разобраться с удочками. Передал удочку и Светлане, сидевшей на низенькой лавочке на корме. Даже червя ей сам насадил. Ждать вообще не пришлось: поплавки обеих удочек одновременно потянулись в сторону и ушли под воду.

— Тащи! — шёпотом сказал Юрий Свете, и в следующий момент два хороших окуня, ещё не снятые с крючков, уже прыгали по днищу лодки. А потом произошло и вовсе что-то невероятное: десятки, если не сотни окуней вдруг поднялись из глубины на поверхность, буквально окружили лодку и клевали даже на самый жалкий огрызок червя. За какой-то десяток минут всё днище уже было завалено полосатыми хищниками. Они продолжали держаться возле лодки, и это было завораживающее зрелище: поверхность воды, тёмная и полосатая, ходит ходуном, причём только в одном месте на озере. Что-то подобное Юрий увидел через много лет по телевизору, когда показывали идущего на нерест лосося.

Окуни исчезли так же быстро, как и появились, когда неожиданно громыхнуло. Они бесшумно опустились в глубину. Юрий понимал, что оставаться на воде в грозу опасно. Поспешно сложив все приспособления в лодку, он направил её к берегу, успокаивая заволнованную Светлану:

— Ничего не бойся. Переждём, если что, на берегу. Смотри, как тепло стало! Даже если промокнем, не замёрзнем.

Волновались зря. Гроза прошла стороной. Вернувшись домой, влюблённые в два голоса рассказывали о пережитом чуде старикам. Дед подивился такому количеству пойманной рыбы, но в то, что окуни так странно себя вели, не поверил. Но не забыл об этом. И ещё два лета, пока был жив, с лукавой улыбкой спрашивал Юрия:

— Где рыбачить сегодня будешь, Юр? Поди, опять там, где окуньё вас за руки хватало?

Так и ушёл, не поверив. А ведь всю жизнь рыбачил. Видимо, не видел такого никогда. Да и Юрий больше не видел...

Сейчас, сидя за вёслами, он вспоминал рыбалку тридцатилетней давности и чувствовал, как к горлу подкатывает комок. Давно нет деда, давно нет Скевы, нет прежней Светланы. Став его женой, с годами она превратилась в располневшую, вечно недовольную бизнес-вумен, которую интересуют только деньги. А на что они ей? Детей и тех не родила. Да и Юрий ей теперь, похоже, тоже без надобности. Она даже рада, если он куда-нибудь уезжает. Раньше Юрий звал её с собой в деревню, а сейчас даже не заикается: всё равно не поедет. А он, будучи в отъездах, думал о ней, но всегда представлял её не такой, какая она сейчас, а весёлой хохотушкой с замысловатым венком из белых озёрных лилий в тёмных волосах, сидящей в лодке среди горбатых окуней, ошастливших их в то далёкое утро. Может, есть и его вина в том, что Светлана стала другой? Очень может быть.

Погрузившись в невесёлые мысли, Юрий чуть не проплыл мимо излюбленного места. А ведь каждый год сюда приплывает. И всякий раз надеется: а вдруг?..

Впрочем, и сегодня обижаться на клёв было грешно. Клевали окуни и краснопёрки, попались несколько колючих пучеглазых ершей. Для уха даже с лишком. Но варить уху на берегу, несмотря на желание посидеть у костра, казалось Юрию абсолютно безнадёжной затеей. Всякий раз, бывая здесь, он замечал, что озеро, как и дорога к Мишкиному болоту, зарастает всё сильнее. Оба берега, когда-то бывшие сенокосными угодьями, стремительно превращаются в непроходимые чащи. А какой в них отдых, какой костёр? И всё же Юрий несколькими сильными гребками развернул лодку и направил её к берегу. Остановившись около прибрежных зарослей лилий и кувшинок, решил попытать счастья со спиннингом. Первые проводки вдоль прибрежной полосы успеха не принесли, но через некоторое время его усилия были вознаграждены парой вполне приличных шук.

Становилось жарко. От проснувшегося ветерка на воде появилась мелкая рябь. Нужно было возвращаться домой, чтобы не испортить пойманную рыбу. Путь домой, как известно, всегда короче, и вскоре Юрий с удовольствием шагнул на мосточек, почувствовал, что подустал от долгого сидения в лодке. Чтобы не ходить лишний раз за водой, вычистил рыбу тут же, на берегу. Пока занимался рыбой, подумал, что топить печку не будет, а разведёт костёр во дворе. Сварить уху не проблема, главное — не напугать соседей: в такую жару даже маленький дымок вызывает мысль о пожаре.

7

Так и вышло. Едва костёр успел разгореться, как рядом с домом словно из-под земли вырос Семёныч:

— Ох, Юра, напугал! Я уж на самое плохое подумал. Аж запыхался, пока бежал.

— Не зря бежал, Семёныч! — широко улыбнулся Юрий. — Сейчас уху будем варить. Глянь, каких красавцев наловил!

Семёныч перебрал, перещупал каждую рыбку, будто не во дворе деревенской избы, а на рынке стоял:

— Фартовый ты, Юрка! Я давно такой рыбы не ловил. Лодка уже не под силу, а тут, на берегу, особо не разгуляешься. Одна мелочь, кошке на радость. Но всё равно лучше большего таракана, так ведь? — и Семёныч пытливым взглядом посмотрел на Юрия. Тот не выдержал и рассмеялся:

— Конечно, лучше! Да чего мы стоим? Давай-ка я тебе хоть табуретку вынесу. Посидим, побазарим, как два мужика.

Семёныч долго ёрзал на табурете, но, так и не найдя удобного положения, пересел на низенький чурбачок, стоявший неподалёку:

— Вот так-то лучше. А то сидишь, как одинокий сыч на суку.

Потом, словно вспомнив о чём-то, вдруг посерьёзnel:

— Юр, давно спросить хочу. А чего ты всё один да один? Хоть бы жену когда привёз.

— Да не хочет она сюда, Семёныч, — честно ответил Юрий. — Ей всё за границы подавай. Разные мы с ней оказались. А теперь и вовсе уже ничего не изменить, хотя и хочется иногда.

— Да и не надо ничего менять, Юра! — уверенно заявил старик. — Оно ведь как в семейных делах? Чем больше друг дружку меняешь, тем хуже становится. Лучше махнуть на всё рукой.

Заметив недоверчивый взгляд Юрия, Семёныч пояснил:

— Пусть всё катится, как катится. Само когда-нибудь остановится.

Тем временем вода в небольшом закопчённом котелке закипела, забурлила, с шипением стала выплёскиваться на огонь. Юрий растащил пылающие поленья в стороны, убавил силу огня:

— Слушай, Семёныч, а сходи-ка за Марией! А я пока уху доварю да стол в доме соберу.

— Да брось, Юра! Не пойдёт она. Если Мария в огороде на грядках засела, никакой силой её оттудова не вытащишь. Не только про обед, но и про меня забывает!

— Ну, давай я схожу! Мне-то она не откажет. Да и уезжаю я сегодня.

— Как сегодня? — опешил Семёныч. — Завтра-то с утречка сподручнее будет.

— Не люблю ездить в жару, Семёныч, — пояснил Юрий. — А ночью всё-таки полегче. Да и транспорта меньше. К обеду буду уже дома. Будь моя воля, я бы хоть навсегда здесь остался. Но не могу. Работы много, некогда прохладжаться.

— Да уж весь ты тут запрохлаждался, — с иронией в голосе произнёс старик. — Третий день пашешь, как вол. Не присядешь. Добро хоть, что в своё удовольствие.

Покряхтывая, Семёныч поднялся с чурбачка:

— Ладно, пошёл я за Марьей. Но уж если не пойдёт, не обессудь. Она ведь у меня тоже с характером.

Когда старики всё-таки пришли, у Юрия всё уже было готово. Котелок с ухой дымился на краю перекладки, костёр догорал. Семёныч нёс большую корзину, непонятно чем нагруженную, Мария шла следом, утирая пот с загорелого лица. Юрий с укором перехватил корзину:

— Чего такие тяжести таскаешь, Семёныч? Кирпичей, что ли, мне принёс? Так печка у меня вроде исправная была.

Мария заулыбалась:

— Да не ругайся, Юрушка! Это я виновата. Тут гостинчики деревенские от нас. Повези с собой, съедите там за наше здоровье. Поставь корзину куда-нибудь в холодильник пока.

Не желая обижать Марию, Юрий принял подарок и, обняв её, повёл в дом. Семёныч поспешил следом.

Уха выдалась на славу. Густая, ароматная, с дымком от костра, она могла бы даже сытого свалить с ног. Семёныч нахваливал не только уху, но и Юрия:

— Как славно ты придумал с костром, Юрушка! Вот уж угодил, так угодил! Вот и чаёк, поди, дымком пропах. Не жисть у нас сегодня с Марьюшкой, а рай небесный.

Сидя с кружкой в руках, Мария пристально разглядывала портрет Скевы, словно видела его впервые. Наверное, что-то вспоминала. Но её мысли прервал Семёныч:

— Юра, на кладбище-то пойдёшь?

— А как же, — откликнулся Юрий, — вот посидим ещё чуток, и пойду. По дороге цветов в лугу наберу. Луг нынче богатый.

Мария одобрительно закивала:

— Сходи, сходи, Юрушка. Скева тебя больше всех любила. Надо было бы пораньше, да уж как есть. Всё равно ей радость будет.

Семёныч поспешил защитить Юрия:

— Ничего не стрясётся, если и сейчас сходит. К родным да любимым и ночью заявиться не грех.

Мария с изумлением взглянула на мужа, и тот мгновенно замолчал. Посидев ещё немного, старики стали собираться домой. Мария порывалась помыть посуду, но Юрий не разрешил:

— Это подождёт. Вот вернусь с кладбища, тогда и приберусь.

Прощались уже не до вечера, а до следующего лета. Слов почти не было, просто присели на минутку на крылечке. Юрий не сомневался, что каждый думал об одном и том же: а будет ли она, следующая встреча?..

8

День уже перевалил далеко за середину, когда Юрий с большой холщовой сумкой в одной руке и букетом полевых цветов в другой вошёл на территорию старого деревенского кладбища. Оно встретило его привычной тишиной, изредка нарушаемой заливистой птичьей трелью. Птиц на кладбище всегда было много, и Юрий всякий раз удивлялся тому, как спокойно относятся они к появлению человека. «И для кого поют, кто их тут слушает?» — подумал Юрий и огляделся. Ничего не изменилось и здесь: высоченные сосны и берёзы, заросшие, полуразвалившиеся холмики могил, выцветшие, а кое-где и упавшие оградки. По всему было видно, что сюда редко кто заглядывает. Несмотря на высокую траву и отсутствие тропинок, Юрий без труда отыскал могилы Скевы и деда Алексея. Достав из сумки ветошь и бутылку с водой, отчистил фотографии, подумав: «Через год-два надо будет поменять». Маленькими детскими грабельками сгрёб с могил прошлогоднюю листву и сосновые иголки, сложил мусор в пакет. Потом рассыпал на могилки и памятники крупы и, ополоснув от грязи и пыли валявшиеся рядом стеклянные банки, наполнил их водой. Разделив цветы на две части, поставил их в банки и приспособил каждую на своё место. Присев на лавочку в оградке, он думал о том, что через несколько

лет здесь всё окончательно зарастёт и разрушится и ничего не останется от тех, кто тут похоронен. Но ведь были же у них родные, да и сегодня наверняка кто-нибудь да есть. Где они все? Приходить в мир, чтобы однажды вот так бесследно исчезнуть? Какой смысл в этом?

Поняв, что ему неприятны эти мысли, Юрий резко встал и вышел из оградки, бесшумно прикрыв поржавевшую за год металлическую калитку. «Следующим летом покрашу», — решил он и быстрым шагом покинул кладбище. Над ярким лугом, ожившим после вчерашнего ливня, жужжали осы и пчёлы, в соцветиях беззвучно раскачивались тяжёлые шмели, в прогретом воздухе без усталости кружились бабочки и прозрачные стрекозы, всем своим видом и поведением показывая, что жизнь, несмотря ни на что, продолжается.

9

Юрий выехал из деревни гораздо позже, чем планировал.

Сразу после возвращения с кладбища он спустился к озеру. Впервые за время пребывания в деревне он встретил пару незнакомых молодых людей, которые, не прерывая своего оживлённого разговора, кивнули ему и уступили дорогу. Прощание с озером с годами стало для Юрия тоже своеобразным ритуалом и необходимостью. Забыв о времени, он с наслаждением купался, дважды сплавал до противоположного берега и вышел из воды совсем с другим настроением.

Прибрав в доме и во дворе и загрузив машину, он прилёг на диван в надежде поспать хотя бы полчаса: впереди была бессонная ночь за рулём. Он лежал и думал о том, что через год он обязательно сюда вернётся, что оставляет Семёныча и Марию в надёжных руках: их сын живёт в соседнем селе, а он мужик деловой, заботливый. И дров привезёт, и огород по весне вскопает, и картошку осенью выкопает. «Только живи и радуйся!» — с неизменной гордостью всегда говорил Семёныч, рассказывая о помощи сына. Самым трудным будет, конечно, пережить зиму, но ведь она не первая в их долгой жизни. И даст Бог — не последняя. Так сложилось, что Юрий, став взрослым, никогда не приезжал в деревню зимой. Но в памяти все эти годы живёт случай из детства, когда Скева пошла к проруби за водой, а он придумал скатиться со спуска к озеру на санках. Санки, разогнавшись с горы, остановились в считанных сантиметрах от проруби. Юрий как сейчас помнит, как Скева, всегда спокойная и улыбающаяся, дома плакала, трясла его за рукав, и без конца повторяла:

— Никогда больше так не делай! Слышишь меня? Никогда так не делай!

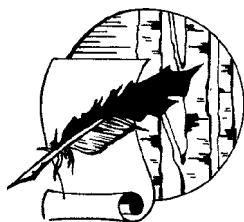

Юрий не заметил, как уснул. Усталость и недосыпание взяли своё. Да и его годы тоже не стоят на месте, нет-нет и напомнят о себе. Проспав два с лишним часа, Юрий взбодрился крепким чаем, ещё раз проверил, хорошо ли закрыты окна, обошёл дом, закрыл все двери и ещё мгновение постоял на крыльце, бездумно глядя на массивный замок на наружной некрашенной двери. После этого, не оглядываясь, быстро пошагал к машине.

Он выехал на трассу уже в сумерках. Ощущение непонятной тревоги и нервозности пропало, едва он почувствовал под колёсами автомобиля гладкую, ровную дорогу. Встречных машин было немного, обгоняющих ещё меньше. Быстрой езды Юрий и днём не признавал, а гнать сломя голову ночью и вовсе было незачем. Время от времени дорогу окутывал туман, выползавший из низин, в свете фар мельтешили светлые мотыльки, луна то появлялась на тёмном горизонте, то снова исчезала. Всё казалось таким привычным, таким близким и родным! Зачем спешить, если уже завтра суровый город затянет его в свой безумный круговорот и на целый год лишит того, что он ещё может пережить сегодня?

Окончательно успокоившись, Юрий включил радио. Зазвучала какая-то зажигательная мелодия, поднимавшая настроение. Внезапно оборвавшись, она сменилась хрипловатым женским голосом: «Три счастливых дня было у меня...» Юрий даже улыбнулся от неожиданности: да ведь это про него! Просто он ещё не успел этого осмыслить и осознать. Но ничего, для этого у него есть целая ночь.

д. Никифоровская Архангельской обл.

Олег ИГНАТЬЕВ

НАДЕЖДА НА ЧУДО

* * *

Что ждут солдаты? Писем от родных,
Как и родные — весточки от них.

И даже смерть той связи не прервёт,
Пока душа молитвою живёт,

Пока Всевышний, чуткий к позывным,
Не отказался нашим быть связным.

* * *

Как мало знаем наперёд!
Как много всё-таки теряем,
Когда опять, из года в год,
К отлёту птиц благословляем.
Инстинкта древнего рабы,
Мои кочующие птицы,
Вам к этим плёсам возвратиться!
К гнездовьям песни и судьбы.
Кружатся перья вожака,
Теряясь по ветру. Сгорают
В огне заката облака,
А птицы помнить завещают
Неувядаемый простор
Похолодавшего востока
И наш безмолвный разговор
О возвращении к истокам.

---

* * *

Ну что, мой август? Наши тени
К востоку тянутся... Пора!
Забудешься — и мир вечерний
Уйдет за ними со двора.
И что нам вспомнится-приснится,
Когда и мы, пустившись вслед,
Как по скрипучей половице,
Пройдем по жизни с грузом лет?
Путь от рожденья до успенья?
Любви печаль и благодать?
Молитва рощицы осенней,
В которой слов не разобрать?
Всему, что было, низко, в пояс
Поклонимся и припадём
К одеждам белым, успокоясь
На том, что мокли под дождём,
Играли удалью и силой,
Что Вифлеемская звезда
Не ослепляла, а светила,
И в нашем слове иногда...

МАМИНА ВИШНЯ

Артезианская скважина.
Грейдер. Для силоса ямина.
Дерево это посажено
Не за оградой каменной,
А за живою, фасолевой,
Где, от малины в отличие,
Людам глаза не мозолила
В иглах ежовых гледичия.
Да и сегодня, от нечего
Делать, закатом любитесь,
Не выдавая кузнечика
Пыль разгребающей курице.
А над родительской веткою
И виноградными лозами,
Что-то разбойно кумекая
Вслед за июльскими грозами,
Стая скворчина балует
И оббивает украдкой
Вишню, как зарево, алую,
Самую, кажется, сладкую.

---

* * *

Стеклянные банки сияют на кольях оград
И бьётся бельё на бечёвочной привязи лета,
Где угол веранды и кровлю оплёл виноград,
Держа на весу кисло-сладкие капельки света.

А дед мой, общественник, выгнав из база гусей
За сетчатые, повреждённые тёлкой ворота,
Ушёл доводить до ума сельской славы музей,
Подписывать бронзой и тушью старинные фото.

Стучит клапанами под окнами клуба тягач,
А бывший избач и боец трудового народа
Решил поискать дефицитный сегодня кумач,
Изжогу двух войн запивая привычною содой.

Пока в бильярдной гоняет шары молодёжь,
Он режет и клеит, и пишет, и памятки грудит,
Хотя понимает: пока свою кровь не прольёшь
За землю, за волю, святого в душе не прибудет.

Пока свою кровь не прольёшь, не увидишь поля
Пшеничного света глазами упавших в атаке
И то, как летит непутёвая наша Земля
В крошечную тьму, где и звёзды не светят во мраке.

Шумят в бильярдной. Азарт забирает парней.
А он возмечтал увеличить героев портреты
И не замечает, что мысли о жизни длинней,
Чем дым от его уменьшающейся сигареты.

* * *

Топор берёт, лопата отдаёт.
И я опять в саду ли, в огороде
Копаясь день-деньской и в свой черёд
Сжигаю сор земного плодородья.
Листву, ботву... Всё то, что в должный срок
Увяло, отцвело, опало наземь,
И дым костра свивается, высок
И усмиряюще однообразен.
Я не смотрю туда, где ветер дня,
Сметая пыль дорожную в кюветы,
Как старого, усталого коня,
Уводит от меня степное лето.

Я на родных задворках не впервой
Развёл огонь, в душе оберегая
Любимый образ ивы над рекой
И той воды, что всякий раз другая.
Горелый воздух пахнет коноплей,
И костерок, потрескивая сухо,
Над грустной остывающей землёй
Вздымает искры вместе с птичьим пухом.
Дотошные скворцы и воробьи
В листве и травах нагостились вдоволь,
И только подзаборные репы
Цветут еще, как где-нибудь в степи,
В своей тщете упрямой и бедовой.

АКИЛИНА

Из пяти потерять пятерых.
Ни одной не коснуться могилы.
Забрала их война — молодых,
Ясноглазых, весёлых да милых.

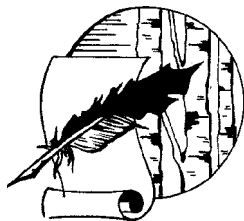
Кто поможет ей в горе? Никто.
За божницей их письма, что святцы.
Вот и помнит она лишь про то,
Что всю жизнь ей сынков дожидаться.

Может, младший стоит за углом,
Теребя стебелёк чернобыла...
Ведь убить-то их всех не могло,
Как-никак их ведь пятеро было.

Всем казалось, привыкнуть должна,
(Человек ко всему привыкает),
Но она, примостясь у окна,
Еженочно свечу возжигает.

Одинока, согбенна, стара,
Ждёт сынов неизвестно откуда
И молитву творит до утра
С материнской надеждой на чудо.

г. Москва

Юрий САВЧЕНКО

СУМЕРЕЧНЫЙ СВЕТ

* * *

Декабрь. Мороз. Шершавое шоссе.
Безлистье над бесснежеством ледяным...
Ведь было то наивное в отце —
Ребячество, что не исчезло с ним.

Оно во мне, не начисляя мзды, —
Ему ль роптать на общий неуют
И улетать с качелями зимы
В тоску, что меланхолией зовут?

Ему не жаль минут, не жаль трудов —
Утаишь ли за пазухой с собой?
И лишь его я бросить не готов
Под этой мглой дороги ледяной.

* * *

На траве декабря серебристый пушок,
Что-то медлит со снегом зима.
Поднимай недопитое на посошок,
Жизнь дорогой расскажет сама,

Что же всё-таки: птиц — или так, пузыри
Ты пускал из глубин в небеса?
Или сам же назначил себя в звонари,
Высоту словесам приписав?

Серебрится пушок от версты за вершок,
На которой кончается век.
Меж законченных строк, знаешь: ляжет, глубок,
Белый снег, белый снег, белый снег.

* * *

Ранняя пороша. Сумеречный свет.
Птицы над дорогой чуткий силуэт.

Что глядишь, ворона, глазом ледяным?
Мы свою недолю сами разглядим.

С голой ветки сизой не косись вослед —
Без тебя хватает на веку примет.

Не ворчи, не каркай, не ерошь перо —
Брось, стара повадка, и враньё старо.

Знаю сам, ворона: нам пощады нет.
Снежная дорога. Сумеречный свет.

* * *

Жизнь прошла — и будто нету,
Будто пролистал газету:
Ознакомился — забыл,
В ящик долгий отложил.

Но конца её не вижу,
Зимний дождик драит крышу,
Кошка у окна сидит,
Из окна текущий вид.

Стрелка тикает часами,
Тени в сад крадутся сами.
Всё непросто за окном.
Кошка шевелит хвостом.

Всё меняется мгновенно,
Всё уходит во вселенной,
Нарождаясь вновь и вновь.
Где-то рядышком — любовь.

---

* * *

С небес прозрачных тонкий снег летит.
От вяза тень легка и синевата,
И глубиной холодного агата
Окрепший лёд протоку голубит.

Лазурь и свет. Ни хруста, ни следа.
Над берегами, спутанны и дики,
Упруго стыннут плети ежевики,
И подо льдом безмолвствует вода.

Вот так бы, не шаманствуя, в тиши
Я зимовал — без мысли, без движенья;
Изгнав из жизни хлопотное рвенье,
Вот так избылся б глубиной души —

Но голос, что отчаянно гоним
Сквозь гомон продувного поколенья,
Смирить нельзя, не выстрадав прозренья
Судьбы, творимой Господом одним!..

* * *

Замёрз февраль у марта на носу,
Но всё ж звенит синицами в лесу.

С последних шишек собирая дань,
Порхает сойка и дерёт гортань.

А в общем — тихо, русская зима,
По-нынешнему — снежная весьма...

Кончает стог соседская коза,
Прогноз гадает — «против» или «за»,

Собаки пришлые в надежде на приют
К домам поближе голод свой несут,

И ранних звёзд морозные огни —
Как призраки огромной полыньи.

---

* * *

В столице грязь, а в Истре — снегири.
Морозца тонкое шитьё на окнах,
И шар с туманным пурпуром внутри
Горит сквозь ризы поднебесий блёклых.

И голова свежа, и дух смирен.
Куда ещё спешить, о чём молиться?
Над белой кручей монастырских стен
Плывёт закат, как розовая птица.

Как будто бы навек запечатлен,
Таинственен и тих пожар заречный.
И никаких не надо перемен.
И ясен сердцу Промысел предвечный.

с. Новая Таволжанка Белгородской обл.

ИСКОННОЕ ГЕРМАНСКОЕ КОВАРСТВО

130 лет назад, в 1892 г., началась таможенная война России и Германии. Ей предшествовали важные исторические события. В 1870 г. император Франции Наполеон III, попытавшись установить гегемонию в Европе, начал войну с союзом германских государств во главе с Пруссией, но вскоре сам попал в плен, а Франция потерпела сокрушительное поражение.

Воспользовавшись победой, прусский канцлер Бисмарк насильственно, «железом и кровью», преобразовал союз германских государств в Германскую империю (Второй рейх), императором которой стал король Пруссии Вильгельм I, а канцлером — Бисмарк. Провозглашение империи в 1871 году демонстративно состоялось в резиденции французских королей — Версальском дворце. В экономическом и военном отношениях объединённая Германия стала самым мощным государством в Западной Европе.

Сам Бисмарк когда-то сказал, что Пруссия носит слишком тяжёлое вооружение для её маленького тела. Однако и после объединения Германии вооружение всё равно поче-

---

му-то оказалось слишком тяжёлым, и с тех пор она всё время стремилась увеличить «тело» за счёт соседей.

Россия, помня о французской агрессии в 1853 г. (Крымская война) и о Парижском мирном договоре (1856 г.), запрещавшем ей держать флот на Чёрном море, заняла по отношению к Германии позицию дружественного нейтралитета, надеясь, что в благодарность за это Бисмарк, давно искавший союза с Россией и заверявшей её в дружбе, заставит Францию отменить тяжёлые для нас статьи договора. Прогерманские настроения в Петербурге были так сильны, что даже канцлер Горчаков, быстро раскусивший хитрость и коварство Бисмарка и агрессивные устремления Германии, не смог поколебать позиции Александра II. Горчаков, увы, оказался прав.

В 1875 г. в Германии началась пропагандистская истерия по поводу якобы французского реваншизма. Александр II на сей раз расценил ситуацию верно: новый разгром Франции и превращение её в германского вассала разрушит баланс сил в Европе и создаст прямую угрозу безопасности России (Россия непосредственно граничила с Германией). Император вместе с Горчаковым отправился в Берлин, где решительно отказал Германии в поддержке и расставил все точки над и относительно русской позиции. Поддержку России оказали Англия и Австро-Венгрия, так же опасавшиеся усиления Германии (конечно, поддержку негласную, «шёпотом на ушко» — в традициях дипломатического коварства Лондона и Вены).

Бисмарк этого не забыл. В период «Балканского кризиса» 1875—1878 гг., когда Россия выступала за освобождение славян от турецкого ига, он оказал поддержку Австро-Венгрии, захватившей Боснию и Герцеговину, а по завершении русско-турецкой войны 1877—1878 г. организовал международный конгресс в Берлине и сделал всё, чтобы лишить Россию большинства результатов победы.

Дальше — больше. Через год немцы ввели запрет на ввоз скота из России, а затем ввели и пошлины на русский хлеб. Стало очевидно, что Германия проводит антирусскую политику, и разрыв когда-то дружественных отношений становится неизбежным.

Однако, несмотря на политические коллизии, торгово-экономические связи России и Германии бурно развивались. По объёму внешней торговли Германия занимала второе место после Англии, потребляя 30% русского экспорта. Надо сказать, что немцы как торговые партнёры действовали напористо и порой бесцеремонно. В отличие от других европей-

---

цев они не просто вкладывали инвестиции в создание своих предприятий, но и направляли на них своих агентов — дирекцию и штат технических работников.

В 1882 году Германия, Австро-Венгрия и Италия заключили Тройственный союз, направленный, в первую очередь, против Франции, что подтолкнуло последнюю к сближению с Россией. Хотя Бисмарк и сделал первый шаг к разделению Европы на два военно-политических союза, Царь-миротворец Александр III стремился избегать обострения русско-германских отношений, поскольку предстояло закончить реорганизацию и перевооружение Русской Армии, а после русско-турецкой войны казна была истощена.

В 1887 году назревал очередной конфликт Германии с Францией, в который Бисмарк хотел втянуть и Россию, но мудрый Александр III, лично обратившись к Вильгельму I, предотвратил и на этот раз войну, что, однако, вызвало крайнее недовольство Бисмарка. В ответ тот отказал России в займе и резко повысил пошлины на русский хлеб, одновременно снизив пошлины на хлеб американский. Но расчёт канцлера не оправдался: Россия в два раза подняла пошлины на ввозимые немецкие товары. Немцы ещё раз подняли пошлины и вновь получили такой же ответ.

В 1892—1893 гг. торговля практически прекратилась, обе страны несли огромные убытки, но сломить сопротивление русского правительства немцам не удалось, и тогда они первыми предложили начать переговоры о заключении торгового договора. 10 февраля 1894 года договор был заключён. Притом германская дипломатия предприняла много усилий для восстановления былых отношений, однако доверие России к Германии было безвозвратно подорвано.

Казалось бы, таможенная война закончилась «вничью». Но это не совсем так. Вызывающе беспардонная политика Германии вынудила Россию переориентировать свой политический вектор на Францию, а позднее, уже при Николае II, присоединиться к англо-французскому союзу — «Антанте». На горизонте замаячила мировая война. 1 августа 1914 года Германия объявила войну — не Франции и не Англии, а России.

В 1904 г. кайзер Вильгельм II на встрече с русским министром финансов Коковцовым задал тому вопрос: «Скажите, пожалуйста, господин статс-секретарь, неужели вы не считаете просто диким, что среди всеобщего развала, среди постоянных волнений, которые могут снести все, что есть еще консервативного в Европе, две монархические страны не могут соединиться между собой, чтобы составить одно плот-

---

ное ядро и защищать свое существование? Разве это не прямое безумие, что вместо этого монархическая Россия через голову монархической же Германии ищет опоры в революционной Франции и вместе с нею идет всегда против своего естественного и исторического друга?»

Хороший вопрос. Ведь у России и Германии действительно не было объективных геополитических противоречий, не было глубинных причин для конфронтации, императорские фамилии в Петербурге и Берлине состояли в кровном родстве, а экономики обеих стран гармонично дополняли друг друга. Но задать этот вопрос кайзер должен был прежде всего самому себе.

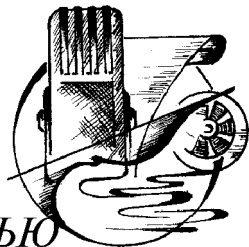

Валерий КИРИЛЛОВ,
писатель
Константин ИЛЬИН,
глава Калязинского района Тверской обл.

«ПЯТАЯ КОЛОННА» — ТОРМОЗ РОССИИ

— Константин Геннадьевич, хочу начать с того, что будущий год объявлен Указом президента Владимира Путина годом педагога и наставника. Видимо, это не случайно. Президенту должны быть хорошо знакомы проблемы в этой сфере. Мне они близки хотя бы потому, что моя супруга (потомственный педагог) прошла ступеньки от сельского учителя до главного специалиста областного департамента образования. Одна близкая родственница двенадцать лет возглавляла Тверское городское управление образования, другая директорствует семь лет в Медновской средней школе, под Тверью. Мы разговариваем, спорим на педагогические темы...

— Известна фраза фон Бисмарка, произнесенная им после победы Пруссии во франко-прусской войне: «Войны выигрывают не генералы, войны выигрывают школьные учителя и приходские священники». Нечто подобное говорил президент США Джон Кеннеди, когда Советский Союз первым в мире запустил человека в космос. Правда, от советской педагогики, унаследовавшей часть традиций дореволюционного об-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

разования, у нас мало что осталось. Ее задержали пилотными проектами, вариативностью. Вместо патриотов потребовали воспитывать потребителей. А в начале 2000 годов затащили школы и вузы в Болонскую систему с ее урождением под названием ЕГЭ. Мол, аттестаты зрелости и дипломы о высшем образовании станут действительными на Западе. И чего добились? Свои высокотехнологичные отрасли, науку разрушили, молодые ученые, выпускники престижных технических вузов лишились возможности реализовать себя на Родине и вынуждены были уехать в США, Канаду, Европу, Китай. Десятки тысяч, если не сотни тысяч, уехали.

— Говорят, не сами мы от Болонской системы отказались, а Россию и Беларусь исключили из нее. После того, как 165 ректоров российских вузов подписали письмо в поддержку военной операции на Украине.

— Как я понимаю, мы не от всего в этой системе отказываемся. Наверное, это правильно. Нельзя рубить с плеча, всё отбрасывать, ибо везде есть зерна. В то же время, я — убежденный сторонник того, что российские школы, вузы должны формировать потенциал именно для России. А в сознание молодежи должны закладываться не только голые знания, но и основы нравственности, духовности, православной культуры, национальных традиций. Не вина, а беда русского образования, что оно многие годы находилось под русофобским воздействием либеральной «элиты». Путь к выздоровлению предстоит непростой, не в один год. Надеюсь, со временем российское образование вновь обретет былой престиж. Пока до этого далековато. К 2020 году в Топ-100 трех международных рейтингов должны были по госпрограмме войти 5 российских вузов. До 2021 года не вошел ни один. Думаю, не стоит по этому поводу особо печалиться. Гораздо важнее, насколько эффективно образование служит целям укрепления экономики России, воспитанию духовно зрелого, патриотичного человека. Проблем здесь предостаточно. Снизу, из провинции, они лучше видны, нежели из Москвы.

— Часто слышишь справедливые разговоры о сокращении количества учащихся в сельских школах, об их закрытии по этой причине. Но мало кто бьет в набат из-за того, что теряется качество преподавания, и вообще скоро некому будет учить. В стране из полутора сотен педагогических вузов разрушены две трети. В оставшиеся вузы конкурса практически нет..

— Вы правы. Я хорошо знаю ситуацию в Калязинском районе, разговариваю с коллегами, главами муниципалитетов области, везде картина примерно одинаковая. В целом по

России не хватает сегодня около 270 тысяч педагогов. По разным данным, от трети до половины учительских позиций в средних школах физически пустуют. Зарплата крайне низка. Приходится брать по 36 часов в неделю, чтобы она перешагнула хотя бы 20-тысячный рубеж. У многих на селе она не превышает 15 тысяч рублей. Очень непросто прожить на такие деньги. Для повышения статуса профессии учителя повышение заработной платы — важнейший фактор. Например, в Германии в 2021—2022 годах зарплата учителя начальных классов была от 3300 до 4000 евро в месяц. Старших классов — свыше 4300 евро. У директоров — от 5500 евро. У преподавателей в вузах оклады начинаются с 4100 евро. Немецкие педагоги застрахованы от увольнений, могут пользоваться частными медицинскими страховками по льготным ценам, их пенсия составляет 48 процентов от основной заработной платы. Вдобавок школьная бюрократия затерзала наших учителей отчетами, гугл-формами, баллами. Им бывает некогда заниматься воспитанием детей и личной жизнью.

— Насчет бюрократии, мне кажется, полезно привести такой исторический факт. В конце 20-х годов руководство СССР окончательно пришло к выводу, что троцкистская линия завела образование в тупик. Все наркомпросовские начальники во главе с Луначарским были уволены со своих постов. Аппарат наркомпроса сократили с 8,5 тысячи человек до 335 и возвратились к опыту русской традиционной школы. И нам надо так поступить, разогнать дармоедов, плодящих ненужные циркуляры.

— Я не единожды беседовал с выдающимся русским педагогом-патриотом, доктором филологических наук Всеволодом Юрьевичем Троицким, он приезжал в Калязин на мероприятия «Русского Собрания», выступал. Вы с ним тоже знакомы. В трудах Всеволода Юрьевича содержатся великолепные предложения по переустройству нашей образовательной системы именно на основе традиций русской и советской школы. Их и следовало бы взять за основу, издать книги уважаемого профессора Троицкого массовыми тиражами. Но сопротивление либералов пока не преодолено. В первую очередь, московские министерские бюрократы противятся. Может, действительно, сократить их количество раз в сто или двести?

— Ситуация с Донбассом и Украиной частично высветила, кто есть кто...

— Да, часть «элиты» рванула за рубеж. К своим виллам, яхтам, деньгам. В Евангелии сказано: «...где сокровище ваше,

---

там будет и сердце ваше». До 15 тысяч миллионеров уехали. Не вняли предостережению Путина: «Замучаетесь пыль глотать». А зря. Могли бы вложить деньги в развитие России. О чём это говорит? О том, что в повестку дня встало выдвижение на первый план элиты национальных интересов.

— Этот вопрос быстро тоже не решить. Основная часть либеральной «элиты» осталась в России: в структурах исполнительной власти, депутатском корпусе, экономике, культуре, других сферах. Кто-то прячется за патриотическими лозунгами, кто-то затаился, выжидает, куда повернет, кто-то продолжает вредить.

— Тем не менее, намечился позитивный процесс очищения. Митволя арестовали, подозревают в хищении 900 миллионов рублей. Мау, ректор Академии народного хозяйства, был взят под стражу по подозрению в хищении крупной суммы. Речь не столько о вреде от хищений. Тот же Мау наносил ущерб России в подготовке кадров с соответствующими прозападными взглядами, насаждал либеральные экономические догмы во вред развитию реальной экономики. В 90-е он был советником Гайдара и всегда верно служил транснациональным корпорациям и глобализму. Известно, от него связи тянутся к Кудрину, Шуваеву, Фридману, Волошину...

— Я недавно перечитывал изданный в 1938 году судебный отчет по делу антисоветского лево-троцкистского блока. Вопиющие факты сдерживания СССР в развитии, вредительства, предательства приведены. И сегодня их последователи вредят и предают, сдерживая уже развитие России, ее движение к реальному суверенитету. Некоторые у нас спорят, к какой цивилизации принадлежит Россия, европейской или нет. А Россия — центр отдельной православной цивилизации. Даже английский историк Тойнби это прекрасно понимал.

— Запад становится воплощением антихристианства, сатанизма. Со всеми своими ЛГБТ, сменой пола, ювенальщиной... Мы должны этому противостоять, как и попыткам «пятой колонны» построить Россию в мировой цифровой концлагерь. В стране должна быть восстановлена историческая преемственность русской жизни. Стратегическое направление — экономика. Приоритетными также должны стать отрасли, обеспечивающие технологический прорыв. Санкции Запада показали: нужно практически с нуля восстанавливать микроэлектронику, станкостроение, поднимать авиационную, автомобильную промышленность. Особый разговор — сельское хозяйство. Без развития деревни, малых городов мы не решим демографическую проблему. Курс на раздувание мегаполисов глубоко ошибочный. Поэтому нужно вся-

---

чески стимулировать возвращение человека к труду на земле. Спрашивают, где взять кадры? Да у нас два миллиона с дубинками стоят, охраняя офисы и виллы богачей. А могут стать пахарями, токарями, строителями, и не придется тогда завозить мигрантов. Но, повторяю, прежде всего внимание государства должно быть обращено на воспитание патриотизма, чувства долга перед Отечеством. Важна не формальная сторона дела, сводящаяся к некоторым стандартным мероприятиям, а нужен творческий подход, когда у детей пробуждался бы неподдельный интерес к знанию отечественной истории, традиций, к краеведению.

— Почему бы не использовать в какой-то мере советский опыт? А то ведь некоторые православные активисты договорились до того, что советский период надо вообще выбросить. Он, мол, противоестественен, как бы случаен для исторического пути России...

— В моем представлении СССР был исторической Россией, но со своими особенностями, трагическими издержками. И советский опыт следовало бы, конечно, принять во внимание. Например, опыт суверенного, планового индустриального развития. Какие могучие проекты были реализованы перед войной! Японцы заявляли, что изучали сталинский опыт организации производства, и он позволил им обеспечить технологический прорыв. И, снова подчеркну, опыт советского образования России был бы полезен. Мы же ведём себя часто как Иваны, не помнящие родства. Давайте хотя бы признаем честно: чубайсы, поливая грязью наше недавнее прошлое, работали не в интересах России, русского и других наших коренных народов, а во вред нам и в интересах Запада. Экономический ущерб, нанесенный либералами России в те годы, в несколько раз превышает ущерб, нанесенный Советскому Союзу гитлеровской Германией за весь период Великой Отечественной войны. Да, Россия получает сейчас большие деньги из-за роста цен на энергоносители, но беда в том, что их невозможно использовать для развития. Не позволяет так называемое бюджетное правило. В результате предприятия испытывают острый недостаток оборотных средств. Так, в Калязине механический завод мог бы нарастить выпуск продукции в 2—2,5 раза, но не может: нет оборотных средств. Эта же причина сдерживает развитие филиала завода РСК «МИГ».

— Они создали для этого и соответствующие финансовые механизмы колониальной зависимости. Например, банковскую систему...

— Банковская система — стержень этой зависимости России от Запада. Действия ЦБ порой вызывают недоумение. В канун специальной военной операции, словно специально, Набиуллина «подарила» Западу 340 миллиардов долларов, часть из них уже конфискована и используется на Украине против российской армии. Как это назвать? Попахивает предательством. Думаю, рано или поздно «солдат» под названием «доллар», отстаивающий интересы США, будет в России нейтрализован. Вся логика мирового процесса это подсказывает. Путин умеет ждать и выбирать нужный момент. Наверняка перед тем, как принять свое решение по Донбассу и Украине, он соизмерял внутреннюю и внешнюю ситуацию. Идет «большая игра» по реформатированию мира. В формирующемся, вопреки воле США, новом мировом устройстве России будет принадлежать важнейшая роль. Вместе с Китаем, Индией, Бразилией, Ираном, Турцией, рядом других стран.

— Жаль, немцы, талантливая нация, локомотив Евросоюза, этого не понимают, а могли быть среди названных стран. И строить конструктивные, взаимовыгодные отношения с Россией. Но англосаксы буквально толкают их на конфликт с Россией.

— Причем всю Европу толкают. Плюс Японию. Сделали их заложниками собственных интересов. Так было и перед Великой Отечественной войной. Разве что добавилась в качестве заложницы Украина. Решение президента Путина по ее денацификации и демилитаризации я полностью поддерживаю. В конечном итоге, это и в интересах украинского народа. Доходит до оскорблений, ненависти, рукоприкладства. 84-лений подполковник Владимир Муравской был избит соседом, уроженцем Украины с американским паспортом Дмитрием Львовым. У пострадавшего москвича диагностировали сотрясение и ушиб мозга, перелом челюсти. Причиной агрессии стало то, что Муравской поддержал военную спецоперацию России на Украине. Как подчеркивает депутат Госдумы Александр Хинштейн, Львов осужден... к 1,5 годам ограничения свободы. Он всего-навсего не сможет посещать рестораны и массовые мероприятия. Надеюсь, приговор будет пересмотрен в сторону ужесточения.

— Еще один пример. На книжном фестивале «Красная площадь» из двенадцати проектов Союза писателей России, поддержавшего освободительную операцию на Донбассе и Украине, в программу был взят лишь один. Зато, как пишет газета «Слово», на сайте фестиваля рекламировалась гражданка Израиля, автор ужастиков в жанре фэнтези для детей

Линор Горелик. С началом военной операции она призывала в своем блоге к физическому уничтожению президента России Владимира Путина и преданию суду международного трибунала воинов, задействованных в операции.

— Кошунство! Подтверждение тому, что «пятая колонна» не спит и длань ее распространилась везде. Полагаю, именно под ее сдерживающим воздействием до сих пор не принят Указ президента Путина «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». По этому поводу мною было подготовлено письмо министру культуры России О.Б. Любимовой, депутату С.А. Веремеенко, члену Совета Федерации Л.Н. Скаковской. В нем я привожу обоснованные аргументы важности такого Указа, ходатайствую о скорейшей его доработке и представлении на подпись президенту В.В. Путину. Нужна мощная общественная поддержка, чтобы такой Указ появился как можно раньше.

— Но все-таки принимаются и конкретные шаги к оздоровлению...

— Недавно произошло важное событие, о котором СМИ сообщили лишь мельком. Кабинет министров России согласился с идеей Министерства иностранных дел о прекращении меморандума между Россией и США о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных наук, образования и СМИ. Меморандум был подписан в Москве 2 сентября 1998 года и оказывал пагубное западное влияние на помянутые выше сферы. Речь в нем шла, в частности, о сотрудничестве в распространении учебников, книг и фильмов, организации театральных постановок, поощрении изучения русского и английского языков. Другое дело, руководители этих сфер, освободившись от пут меморандума, не спешат перестраиваться в направлении национальных интересов. Телевидение, например, по-прежнему насыщено передачами, разлагающими наш народ.

— У меня серьезное подозрение, что этот меморандум не единственный неафишируемый документ, заключенный при президенте Ельцине с американцами, в соответствии с которым выстраивалась внутренняя жизнь России, в том числе осуществлялась и кадровая политика. В интересах Запада, естественно.

— Видите, все-таки пришел день, и президент Путин начал эту зависимость ломать. Это вызывает у Запада ненависть, лютую злобу. Враги России коварны, в их арсенале

испытанное оружие дьявола — ложь, лесть, лукавые обещания. Поэтому нам следует быть бдительными.

— Еще одно знаковое событие: лишился своего поста митрополит Иларион, он был вторым лицом в иерархии Русской православной церкви. Отдельные верующие не скрывают своей радости случившимся. Иларион считался либералом, сторонником сближения с католичеством. Как вы оцениваете этот факт, и вообще роль Русской православной церкви в современных условиях? Спрашиваю еще и потому, что Вы, очевидно, единственный в России глава муниципалитета, имеющий наряду со светским образованием и церковное — окончили Ярославскую духовную семинарию...

— Митрополит Иларион, действительно, воспринимался как представитель либеральных воззрений. С отличным образованием. Талантливый как музыкант, композитор. Но, во-первых, подспудно ощущалось его тяготение к экуменизму, то есть к ереси. Во-вторых, я категорически не принимал того, что он ставил на один уровень Сталина и Гитлера. И многие в среде воцерковленных людей не принимали это. Своей позицией Иларион политически подыгрывал Западу. Но Церковь призвана быть выше политики. Ее удел — спасение человеческой души и чистоты православной веры. Вразумляющий голос Церкви особенно важен в сложные, переломные исторические периоды. Сейчас для России именно такой период. Уверен, страна и наш народ выдержат его достойно. Будем помнить слова Иисуса Христа: «Держайте, яко аз победих мир», которыми Спаситель удостоверял верных Своих в конечной победе добра, правды, справедливости. Они были адресованы не только апостолам, но и обращены сквозь минувшие века ко всем, кто борется сегодня за Святую Русь против сил мирового зла.

— Константин Геннадьевич, вашими стараниями и стараниями ваших местных единомышленников и помощников, а также коллег по «Русскому Собранию» Калязин известен ныне как один из духовных центров России, где очень многое делается для возрождения и укрепления русского национального сознания. Только что я узнал, что Вам по инициативе ветеранов города присвоено звание Почетного гражданина Калязина и Калязинского района. От души поздравляю.

— Спасибо, Валерий Яковлевич. Продолжим и дальше работать на поприще служения русскому народу и России.

Русская народная линия

НАШЕ ЕДИНСТВО ПРОВЕРЕНО ВЕКАМИ

Статья президента России В.В. Путина «Об историческом единстве русских и украинцев», вышедшая в июле 2021 года, вызвала большой резонанс в российских СМИ. Действительно, поднятая тема весьма актуальна на сегодняшний день. В этом плане данная инициатива президента одна из наиболее позитивных. О нашем русском единстве от Карпат и Бреста до Камчатки необходимо говорить как можно больше, приводя при этом многочисленные подтверждающие эту реальность факты. Ведь три страны — Россия, Украина и Беларусь созданы русскими людьми, что никак нельзя забывать.

Есть ещё немало стран, в укрепление государственности которых важнейшую роль сыграло участие русских. К таким можно отнести, к примеру, Молдавию. Но в настоящей статье речь пойдёт именно о трёх братских странах, созданных, повторю, единым народом русов. И здесь хотелось бы несколько углубиться в исторические реалии.

То, что на территориях современных Украины, Беларуси и России располагалось крупнейшее государство средневековой Европы — Киевская Русь, а после её распада существовали древнерусские княжества, знают мно-

РУССКИЙ МИР

гие. Среди этих княжеств — Киевское, Черниговское, Галицко-Волынское, Полоцкое, Туровское, Пинское, Витебское и другие.

С XIII века начинает создаваться новое государство — Великое княжество Литовское. В его состав постепенно входят значительные территории современных Украины и Белоруссии. К сожалению, мало кому известно, что полное название Великого княжества — Великое княжество Литовское, Русское, Жемайтское (Жамойтское). Государственным языком Княжества, как и древнерусских княжеств, был русский язык того времени. Топонимика Украины и Беларуси — названия населённых пунктов, географических объектов в подавляющем большинстве имеют русское происхождение

Жемайтия — территория на северо-западе современной Литвы вошла в состав Княжества в XV веке. Древней столицей Жемайтии был город Расейняй, позднее, до 1917 года, в Российской империи он именовался как Россиены. Оба названия города весьма созвучны русской топонимике.

Первой столицей Великого княжества был город Новогрудок (Новый городок), заложенный в середине XI века князем Киевской Руси Ярославом Мудрым в западных землях кривичей. Ныне райцентр Гродненской области. А старое название — Гродно, Городня — чисто русское название.

В Русской историографии XIX века Княжество это часто именовали Литовско-Русским государством. Наряду с Московской Русью можно говорить, полагаю, о Литовской Руси. Известны многочисленные факты, когда московские бояре, служивые люди переходили на службу Великому князю Литовскому, Русскому и Жемайтскому и наоборот.

Князя Московского государства часто вступали в брак с дочерьми литовско-русских князей, бояр и опять же наоборот. К примеру, первой женой великого московского князя Ивана III была тверская княжна Мария Борисовна. Она умерла, оставив ему сына Ивана, прозванного Молодым. По линии матери Иван Молодой был внуком выдающегося тверского князя Бориса Александровича и потомком русско-литовских князей Кейстута и Гедимины.

К XV веку в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемайтском сформировался западнорусский литературно-письменный язык, на котором было написано множество текстов — Статуты (Сборники законов) XV века, три Статута и Трибунал Великого княжества XVI века, документы государственного архива, различные юридические акты.

Известный в Беларуси просветитель, первопечатник Франциск Скорина, уроженец Полоцка и трудившийся в XVI веке

не только в Западной Руси, но и в других славянских странах, издавал свои книги на русском языке. Униатский архимандрит XVII века Атаназий Селява, обращаясь к православным, писал: «Перед унией (Брестской церковной унией 1596 года. — А.А.) был Скорина, еретик-гусит, который для вас печатал в Праге книги по-русски».

Один из наиболее известных трудов Скорины называется «Библия руска». В хрониках Университета г. Падуя на севере Апеннинского полуострова, где он продолжил обучение, Ф. Скорину именуют русином. Не малорусином-украинцем, не белорусином, не великорусином, а именно русином.

Современная Литва имеет к Литве средневековой, полагаю, весьма отдалённое отношение. Это, скорее, современное воплощение Жемайтии.

Заключение Кревской унии в 1385 году, а позднее Люблинской унии между Великим княжеством Литовским, Русским и Жемайтским и Польским королевством в 1569 году, образование федеративного государства Речи Посполитой привело к значительному сокращению использования западнорусского письменного языка в официальной сфере. Польская шляхта, католики пребывали в этой Федерации в привилегированном положении. Русское население, православные находились фактически под их гнётом. После раздела Речи Посполитой в конце XVIII века и воссоединения западнорусских земель с Россией русский язык возвращается в государственное делопроизводство.

Современный белорусский историк и общественный деятель Вадим Гигин в своих работах писал, что в 1794 году во время восстания польской шляхты под руководством Тадеуша Костюшко белорусские крестьяне встречали русские войска под командованием А.В. Суворова с воодушевлением. Это и понятно, встречали своих, тех, которые несли облегчение от ярма польских панов и их доверенных лиц (факторов), управлявших панскими имениями, большинство из которых были евреями.

В силу традиции, противоречащей реальной истории, Речь Посполитую называют польским государством. Это не соответствует действительности. Да, польская шляхта, панство занимали там основные руководящие светские и духовные позиции. Но многочисленное русское население, в том числе русские вельможи, тоже проживало в данной стране. И вносило в её развитие весьма значительный вклад. Это были основные производители материальных благ. Поэтому более правильно называть Речь Посполитую польско-литовско-русским государством. Это — славянорусское государство. И никак иначе!

В январе 1654 года в Переяславле (Переяславская Рада) принимается решение об объединении территории Войска Запорожского (Гетманщины) с Русским царством, закреплённое присягой на верность царю. С Россией воссоединились западнорусские территории, входившие ранее в состав Речи Посполитой, — часть казацких земель современной Украины, Стародубье (ныне запад Брянской области), восточное Полесье современной Белоруссии, северная часть молдавского Приднестровья. Вскоре после Переяславской рады официальный титул русского царя был изменён, слова «всёя Русии» заменены на «всёя Великия и Малые Русии».

Ни у кого не возникает сомнения, что запорожские казаки считали себя русскими. Этот факт ярко отметил Николай Гоголь в своём знаменитом произведении «Тарас Бульба».

Где здесь государство Украина? Ранее многократно термин «украина» («окраина») относился к окраинным, пограничным территориям Руси, позднее Московского государства. Богдан Хмельницкий в официальной переписке именовал себя гетманом Войска Запорожского, земли же называл малороссийскими или «украинными».

С советских времён мы ежегодно отмечаем в январе годовщину Переяславской Рады, воссоединения Украины с Россией. Но тогда никакой Украины как государства или автономной области в рамках какой-то страны не было. Так не будет ли более правильным говорить о воссоединении территории Запорожского войска (Гетманщины), западнорусских земель с матушкой Россией. Это, на мой взгляд, более точно соответствует историческим реалиям. Т.е. это праздник воссоединения Русских земель. Именно так!

Стоит вспомнить ещё заслуживающий внимания факт существования в Польском королевстве Русского воеводства, столицей которого был город Львов. Привожу текст из Википедии:

*«Русское воеводство (польск. *Województwo ruskie*) — административно-территориальная единица Польского королевства, вошедшая в его состав как наследие королевского дома, составлявшая часть Малой Польши. Воеводство образовано около 1434 года из тех земель Галицко-Волынского княжества (Русского королевства), которые были захвачены в последней четверти XIV века. Административным центром Русского воеводства был город Львов.*

До занятия этих земель Казимиром Великим (1340) здесь находились три отдельных древнерусских княжества (Львов, Галич, Перемышль), впоследствии объединённых под названием Русское королевство или Русская земля. В 1254 году Даниил

Галицкий принял в Дорогощине титул «короля Руси» от Папы римского Иннокентия IV, основав галицкий королевский дом. Потомки Даниила Романовича Галицкого имели титул «Rex Russiae» (чаще «Regis Rusie») и «duces totius terrae Russiae, Galicie et Ladimirie» («король Руси» и «князь всей земли русской, галицкой и владимирской»).

*Около 1434 г. король Владислав III Варненчик издал указ, который уравнивал в правах галицко-русских бояр с польской шляхтой: отныне все шляхтичи и магнаты не платили налоги и обязаны были нести только военную службу. Название «бояре» заменялось на титул «пан». Во главе администрации стоял воевода русский (по-польски: *Wojewoda ruski*), которого назначал король из числа крупных землевладельцев. Количество жителей в 1629 году — 943 000 чел., в 1770 году — 1 495 000. В 1677 году в Русском воеводстве было около 3090 сёл, а также 160 городов и местечек».*

Аналогичную информацию можно прочитать в иных изданиях.

В средневековых летописях нередко утверждается, что Львов — «главный город Руси», «глава всяя Руси» и т.п. К примеру, в «Трактате о двух Сарматиях» Мацея Меховского (Краков, 1517 г.) сказано: «В направлении к центру Руси лежит Львовская земля, в ней хорошо укрепленный город под таким же названием с двумя замками — верхним и нижним. Это столица Руси». Так что возникший в средние века термин «Галицкая Русь» имеет своё историческое обоснование.

И когда многие политологи на ток-шоу российских телеканалов говорят, что Львов и прилегающие земли — исконно польские территории, это вызывает, мягко говоря, недоумение.

Сегодня мы переживаем трагедию разделённого народа. И последствия этой трагедии должны быть преодолены. Только так мы сможем выстоять в современном и очень непростом мире, обеспечить будущее наших потомков. И уже в борьбе русских за свои права на территории Донбасса появляются новые субъекты международного права.

Огромное пространство от Бреста и Карпат до Камчатки должно вновь стать нашим единым домом. Домом для тех, кто помнит, уважает и бережёт свою историю, кто желает процветания своей земле и живущим на ней людям и в тоже время осознаёт свою ответственность за происходящее на всей этой территории.

В конце XIX — начале XX веков, когда австро-венгерские власти начали проводить насильственную украинизацию русинов, живших на входивших в состав Австро-Венгрии западнорусских территориях, русины возмутились: «Какие мы

украинцы! Мы ничего не украли». Тогда русины, несмотря на репрессии, сопротивлялись краже их идентичности, их истории, нашей совместной истории.

Нередко на современной Украине — западных окраинах России — русского князя Святослава называют украинцем. Представляю, что сделал бы Святослав с тем, кто назвал бы его не русом, а украинцем.

Но, как бы ни старались наши недруги, русское единство все равно чувствуется даже и на разделённой территории. Это наша единая история, наша культура, менталитет, духовность. Многие из нас связаны семейным родством.

Единству во многом способствует наш замечательный русский язык. Несмотря на колоссальное давление, мы слышим его даже на официальных мероприятиях на Украине. Знаем, что русским языком пользуется в быту огромное число жителей «незалежной».

В большей мере это ощущается в Белоруссии. Русский язык в Республике считается вторым государственным языком. Согласно переписи 2019 года, русским языком в быту пользуются 65 % населения. Я многократно бывал в Белоруссии, и на мой взгляд, по-русски там говорят около 90% населения.

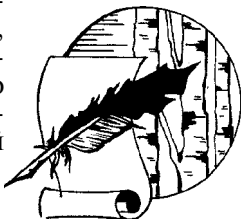
Из 18 театров Белоруссии 14 являются русскоязычными. Русский язык использует в своей практике подавляющее число библиотек, музеев, клубов. В 2016 году около 80% всех изданных книг и брошюр в Республике были изданы на русском языке.

Так что основа для очередного воссоединения у нас есть, и оно не за горами.

«ЗАПОВЕДНОЕ» ГЕННАДИЯ ЧИСТЯКОВА

Быстро течёт время. Вот уже год, как нет с нами поэта Геннадия Чистякова, степень глубины таланта которого можно понять только тогда, когда будешь относиться к своей родине как к заповедному месту, и тогда заметишь в его стихах какое-то особое вещество жизни, дарованное только ему. А «заповедного» в его стихах немало, потому что он — сын своего поколения, а у каждого поколения — свои заповедные тайны, свои радости, своя боль.

Новгородская земля, на которой родился Геннадий Чистяков, немало несёт в себе прекрасных сказаний и легенд, повествующих об отдалённых сражениях, о шуме новгородского вече, воспроизводит народные вопли и плачи, речи мужественных князей, произнесённые на поле брани. Будущий поэт вырос на этой благодатной почве — на земле, впитавшей немало фольклорных преданий, поверий с их неповторимым стилем, народным словом, отличающимся лаконичностью, непосредственностью и большой выразительной силой. Особенно глубоко это начинаешь чувствовать, когда погружаешься в книгу его воспоминаний

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

«Невозвратное», изданную в 2015 году в городе Тосно. Каждое слово в этой книге наполняет её «заповедным», которое входило в сердце мальчика с раннего детства.

Родился Геннадий Алексеевич Чистяков на станции Песь Хвойнинского района Новгородской области 3-го февраля 1939 года. Коллективизация разбросала дедовские семьи Чистякова по всей стране. Родители его: отец, Алексей Максимович Чистяков, и мать, Анастасия Васильевна, — были выходцами из крестьянских семей Тверской области. В начале 30-х годов, спасаясь от коллективизации, сначала переехали на станцию Песь дед и бабушка Геннадия, а в конце 30-х переехали и его родители. В Песи находился крупный леспромхоз, где в то время основной тягловой силой были лошади, и закончивший ветеринарный техникум отец согласился работать в нём в должности ветеринара, а к тому же семье было предложено и жильё.

С большой теплотой вспоминал всегда поэт эти места, где месил он в детстве босыми пятками белые пески по отмелям реки, валялся на малахитовых мехах сосняка, где можно было ходить по ним, как по коврам. А сколько заповедных тайн хранило бескрайнее Мутвинское болото! В шести километрах от Песи находилось очень красивое село Мякишево, куда бегали деревенские дети посмотреть, как православные люди празднуют Троицу. Может быть, именно здесь, рядом со старой деревянной церквушкой, будто плывущей над холмом, в окружении берёзовых и ольховых куц зарождалось в душе будущего поэта чувство Божественной красоты мира. И как тяжело было впоследствии, когда Геннадий Чистяков стал взрослым человеком, осознавать разрушение в мире этой гармонии:

*Эта церковка возле дороги
С покосившимся набок крестом
Уж давно позабыла о Боге
И не помнит о Духе святом.*

*Всё в былом: и лампы, и свечи,
И распевы молитвенных слов —
Лишь гнездится какая-то нечисть
В полумраке её куполов.*

*И взойду я под своды пустые,
Где сквозь копоть — то крест, то звезда,
И душа моя, вздрогнув, застынет
И, быть может, сгорит от стыда...*

(1975 г.)

Возвращение к Божественной гармонии мира, к детству и его заповедным тайнам — это одна из главных тем сборника поэта «Круговорот» (Санкт-Петербург, 2007 г.). За этим возвращением («круговоротом») стоят не просто минутные умонастроения, а судьба лирического героя, кровно связанного с судьбой своей Родины, всматриваясь в которую, он видит не только её прошлое, настоящее, но и будущее. А поэтическое пространство наполняется образами, идущими из родника памяти, которая нацелена, говоря словами Михаила Пришвина, «на что-то самое главное, возле чего ходит душа».

Стихи обращены к деревне, напоминающей «горькую вдовушку», которая смотрит на «сплетенье дорог» и думает о том, не вернётся ли к ней «на чужбине пропавший сынок». Ждут возвращения к себе и подорожники, которые растут у обочин дорог. Именно они хранят память детства. Их нельзя уничтожить ни тяжестью ног пешеходов, ни грубыми шинами бегущих по пыльным дорогам машин: «Встали и насмерть стоят вдоль дорог Цепкие жители пыльной обочины». Именно они могут исцелить не только раны тела, но и душу лирического героя:

*Шёл я дорогами правды и лжи,
Душу калечил страстями безбожника.
Родина, к ранам моим приложи
Лист подорожника, лист подорожника.*

Почти в каждом стихотворении из сборника «Круговорот» встречаются у поэта «верстовые столбы навсегда перечёркнутых лет». «Поезд памяти» уносит героя на родину, к «брошенным пашням да кладбищам, поросшим травой», но именно это возвращение и дарует настоящую жизнь душе, которая живёт «любовью и спасением» в изменившемся современном мире:

*Возвращайся, родной, возвращайся домой, возвращайся,
Мой безвестный двойник, неприкаянный путник земной,
Что напрасно искать? Есть одно несомненное счастье —
Неизбывное счастье твоих возвращений домой.*

Возвращение на малую родину для поэта — это возвращение прежде всего к самому себе, к тому, что стало теперь особо дорогим, откуда постоянно лирический герой Геннадия Чистякова черпал неистошимые нравственные силы. Стихи, посвящённые этой теме, написаны не в романтическом ключе: они не идеализируют реальность. В них больше — драматизма, нравственных уроков, грустных раздумий, мгновен-

---

ных прозрений души, стремящейся понять таинственность и непостижимость вечной жизни Вселенной. Особенно ярко это отражено в стихах, где осмысливается «след кровавый», который «процарапала война». В стихотворении «Земная сила» автор размышляет о том, откуда черпает силы земля для того, чтобы на её просторных лугах каждый год появлялись ромашки, повилিকা, метляки, чабрецы, чтобы снова лечь под косой:

*Целый день коса косила,
Жёлтым золотом пыля.
Я спросил: «Откуда сила
Эта дикая, земля»
И земля в ответ сказала,
Без укора и без зла:
— Я живую плоть всосала,
Потому и расцвела.
Вот они, смотри, живые,
Молодые мужики —
Полевые, луговые,
Голубые васильки!*

Поэт помогает нам увидеть события нашей истории объёмно; чаще всего — через монолог лирического героя. Одно из стихотворений о войне написано от лица «Неизвестного», погибшего солдата, который в сорок первом «засыпан тяжёлым снарядам» возле своего верного «максима», но дотянуться сквозь глину к пулемётной ленте он не может, чтобы зарядить пулемёт, хотя воинский долг этого требует. А в заключение — пронзительные строки, которые, пожалуй, и не встретишь у других поэтов, пишущих о войне:

*Я сквозь глину тянусь,
Чтобы ленту дослать в пулемёт.
Сколько лет я тянусь!
Только чувствую больно и тяжело,
Как из левой руки
Прорастает горчайший осот,
А из правой руки
Прорастает сладчайшая кашка.*

Война — одна из главных тем и в прозе, и в поэзии Геннадия Чистякова.

Желание заглянуть в своё военное и послевоенное детство отражено в книге «Невозвратное». Поэт вспоминает бомбёж-

---

ки в Песи и Хвойном. Домик Чистяковых находился у железной дороги, и его при обстрелах качало, словно при землетрясении. Мальчик от страха прятался под кроватью, когда слышал рёв немецкого самолёта, а мать выволакивала иногда маленького сына из-под кровати, и они бежали на улицу, чтобы спрятаться в какой-нибудь яме или щели.

В октябре 1941 года была эвакуация из Песи в ближайшие сёла, где не было немцев, но мать продолжала ходить через болото за двенадцать километров в Песь, где осталась корова, которую надо было кормить и доить. Потом, когда военная ситуация изменилась, семья вернулась в Песь. В памяти у местных жителей осталась грустная картина, как немцы однажды сбили наш самолёт, и как они вытаскивали останки самолёта из болотной топи, как похоронили неподалёку на сухом лесистом островке двух советских лётчиков.

В книге стихов «Круговорот» Геннадий Чистяков обращается тоже к теме войны, потому что память о ней не может никогда исчезнуть: слишком дорогой ценой ковалась наша победа, а раны отцов и дедов навсегда отпечатались в сознании детей как собственные раны. Об этом поэт пишет в стихотворении «У Ладоги»:

*Надо бы нам счастья нáдолго,
Только оглянусь — тоскую:
Кровь людскую смыла Ладога,
Память не отмыть людскую.*

*Память — на живом царапины:
Стоит прикоснуться к детству —
Разболятся раны папины,
Посланные мне в наследство.*

В памяти осталось многое: как после «пожарища войны» «пляшет «русского» в вагоне подгулявший инвалид»: «под случайную трёхрядку, на дыхании одном», «а по воздуху, как крылья, — два пустые рукава» его рубахи.

Память о погибших солдатах хранит родная земля:

*От Тосно до Мги, от Любани до Тосно —
Болота, кустарник да чахлые сосны,
Да белое, белое, белое поле,
Да синее небо, да солнце — до боли.*

*Да серые камни на сельском погосте,
Да в братских могилах солдатские кости*

---

*Вдоль старой дороги — и слева, и справа,
В песке, в перегное и в глине кровавой.*

*Засытаны почвой, укрыты снегами,
А время над ними — кругами, кругами,
И небо полуночи звёздами плачет,
И светлые призраки в поле маячат,
И белые молнии бьют перекрёстно —
От Тосно до Мги, от Любани до Тосно.*

(«Белое поле»)

Знакомясь с поэзией Геннадия Чистякова, чувствуешь, как одухотворяется его слово, принимая в себя окружающий мир, — его бесконечность, его мудрость, и радость, и печаль, и в определённом смысле выражает самое главное — душу народа. Это одухотворение идёт не только через его гражданское чувство, но и через его «заповедное», вокруг которого и «ходит душа», через его сердечное чувство и художественное видение, которое отличается особой глубиной и неповторимостью.

В поэтическом сборнике «Красное яблочко» (Санкт-Петербург, 2012 г.) есть маленькая поэма «Отец», которая, на первый взгляд, может показаться несколько простой и по сюжету, и по языку, но после знакомства с ней вдруг начинаешь испытывать что-то «бьющее в душу», горькую правду, несущую прозрение и лирическому герою поэмы, и тем, кто прочтёт эту поэму. Каждое слово в поэме неповторимо: оно несёт свои ритмы, свой вкус, цвет и запах, но самое главное — нельзя не почувствовать в его немудрёной простоте вечные истоки, идущие из глубин народного сознания. Каждое слово создаёт вокруг себя невидимое поле притяжения и к сюжету поэмы, и к конфликту, который даёт ей глубокую нравственную окраску, и к её своеобразной композиции, где пересекаются эпическое и лирическое.

Великий путь, пройденный русским солдатом, — это тема лучших произведений нашей литературы, в числе которых можно назвать поэму А. Т. Твардовского «Василий Тёркин», где звучит «глас народа», где можно увидеть восхождение поэта от частного к общему, от бытового к возвышенному и героическому. Поэма «Отец» Геннадия Чистякова тоже отражает судьбу человека, прошедшего через горнило страшной, бесчеловечной войны. В ней ярко нарисованы многие эпизоды из жизни семьи после возвращения солдата с чужбины домой, но главный лейтмотив поэмы заключён в авторских

рассуждениях сына об отце, а фактически — о русском солдате, вернувшемся после войны в родную деревню:

*Дважды контуженный,
В спину и голову раненный,
Под Кенигсбергом
Тонувший в зыбучем песке,
В сорок шестом
Возвратился отец из Германии,
Ждали с добычей,
А он прикатил налегке.*

Подшучивали над ним по этому поводу родные и земляки, что вернулся он без всяких трофеев, а он тоже отвечал им грубоватыми шутками. Сам же донашивал армейскую форму и приносил «с полочки» недорогие гостинцы для семьи. Сыну отец казался очень строгим, и особенно сын боялся крепкой выделки армейского ремня. С годами холодок между отцом и сыном нарастал, пока окончательно души их не «замкнулись на замок». Сын уехал из родного гнезда, и в родные края его почему-то не тянуло. Но когда не стало отца, бесследно ушло из души сына всё незначительное, мелкое, позабылись все обиды, и воссияла в ней какая-то новая правда, связанная с судьбой всех тех людей, кто прошёл через ад войны:

*Умер он рано —
Аукнулись обе контузии,
Да под лопаткой
Железа четыре куска,
Да наступленья
В Восточной, растерзанной Пруссии,
Где он с десантом
Барахтался в гиблых песках.*

Геннадий Чистяков смог выразить в этой поэме сложное слитное чувство разных поколений, каждое из которых по-своему «перемалывало» в себе отголоски военного времени, но пришло к подлинному прозрению, к осознанию народной правды, правды, «в душу бьющей», великой художественной правды русской литературы, основанной на высочайшем гуманизме. Поэма «Отец» отражает не внешний сюжет военных событий, а внутреннее состояние героев, прошедших через войну, которая внесла в их души боль, смятение и ожесточение чувств.. Сын не любит отца, вернувшегося с войны,

---

за суровость его характера, жестокость поступков. И только после смерти отца, став взрослым человеком, он понимает, как тяжёлый был путь израненного солдата, почему ожесточилось его сердце. Впечатление максимальной достоверности помогает автору использование разговорной речи, поэтому близкими к реальности оказываются не только монологи, но и диалоги, массовые сцены и повествование рассказчика:

*Он никогда не кичился
Былыми успехами —
Как, мол, геройствовал,
Сколько фашистов убил.
Вот о трофеях,
Которые к нам не доехали,
В пьяной компании
Он потрепаться любил.*

Геннадий Чистяков как человек и как поэт был всегда чужд устремлениям абстрактного романтизма в душе своих современников, о чём он пишет в стихотворении «Романтики» из сборника «Круговорот». Сама суровая, многотрудная жизнь его родителей да и собственная жизнь научили его не «бредить ширью Атлантики и просторами бескрайней тайги», а находить себя нужным «в захолустьях родных своих». Обращаясь к своим одноклассникам, он пишет:

*Но пока мы с тобой колобродили,
Да свершали большие дела,
Ничего не осталось от родины —
Ни избы, ни двора, ни кола.*

Как же складывалась его собственная биография? В книге «Невозвратное» автор воспроизводит многое, что стало для него главным, «заповедным».

В Песи семья Чистяковых жила до осени 1951 года. Позже переехала в деревню Анциферово Хвойнинского района, где по-прежнему отец был ветеринаром при конном обозе, который занимался вывозом леса. В 1956 году, после окончания школы, Чистяковы переехали в Ушаки Тосненского района Ленинградской области.

А юноша поступил учиться в Волховское техническое училище по специальности слесаря-монтажника. Жить приходилось в общежитии, в комнате на 10-12 человек. Порядок в училище был почти армейский, да и само училище представляло собой мрачноватое кирпичное здание на Волховском

проспекте. Получив профессию слесаря и электрика, в конце 70-х — начале 80-х Геннадий Чистяков занимался режимной наладкой котлов. Гаечный ключ, напильник, слесарные инструменты, изучение свойств металлов и сплавов и способы их обработки — всё это было главным для него в период освоения рабочей профессии.

После окончания училища приходилось налаживать работу котлов в Ленинграде и в его пригородах. Была длительная командировка на строительство завода в Пикалёво, где приходилось лазить по пыльным чердакам жилых домов, чтобы выпустить воздух из внутренних теплопроводов.

Закончив вечернее отделение Техникума промышленной теплотехники в Ленинграде, работал в монтажном управлении города Ленинграда. Приходилось работать на Ижорском заводе, где монтажный участок находился в бывшей церкви, которая и теперь стоит за забором Ижорского завода ниже плотины, перегородившей реку Ижору. Были неоднократные командировки в Петрозаводск, Мурманск и в другие города.

После командировки в Мурманск ему прислали телеграмму, где сообщалось о том, что из военкомата пришла повестка о призыве в армию. И хотя ему полагался год отсрочки по окончании ТУ, посоветовавшись с будущей женой Лидой, он решил сразу отслужить, отложив пока их свадьбу. Наступило тёплое утро начала октября 1959 года, когда Геннадий, несмотря на горечь расставания с Лидой, усевшись на скамеечке возле тосненского военкоматного скверика, озорно играл на своей звонкой «хромке» «Русского» и «Цыганочку», а Лида, молодая и красивая, задорно плясала на вытоптанном пятачке военкомата.

Очередную группу призывников, в которую попал Геннадий Чистяков, направили в пограничные войска. Местом назначения стал город Гродно, у польской границы, где и проходила его армейская служба. Здесь же он закончил сержантскую школу. Вместе с другими солдатами переживал «Карибский кризис» 1962 года, когда был введён усиленный порядок охраны границы, проводились тренировки в противозазах по июньской жаре. Наконец, во второй половине июля пришёл вызов на Геннадия Чистякова из Ленинградского политехнического, и командование отдало приказ о его демобилизации.

Проработав до 1990 года слесарем-монтажником четвёртого разряда, будучи в должности инженера-наладчика, Геннадий Чистяков, по его выражению, «ушёл крестьянствовать». Но фактически крестьянский труд Геннадий Чистя-

---

ков никогда не бросал, потому что без домашнего хозяйства в деревне выжить было невозможно. Владеть граблями он научился ещё до школы, а косой — в двенадцать лет. Сенокосной страде отведено немало страниц в книге Геннадия Чистякова «Невозвратное». Язык описаний очень поэтичен, насыщен коренными крестьянскими выражениями, которые составляют суть крестьянского труда. Надо только открыть книгу и погрузиться вместе с автором в жизнь северной русской деревни, которая «всегда жила полупервобытно, бедно, неустроенно». Он подробно описывает крестьянский быт деревень, которые беспорядочно и кучно теснились «в окружении крохотных пажитей и дремучих лесов», вечно нуждаясь в пашнях и сенокосах, поэтому жители её нередко вели «междоусобные споры».

Боль по уходящей деревне — это предмет рассуждений автора и в книге «Невозвратное», что, несомненно, отражено и в самом названии автобиографических воспоминаний Геннадия Чистякова, и в поэтических книгах: «Круговорот» (2007) и «Красное яблочко» (2012). «Увы, — пишет Геннадий Чистяков в книге «Невозвратное», — на моих глазах развернулся процесс обвальноей деградации русской деревни, нынче закончившийся её полной гибелью. Настоящая русская деревня ушла в небытие, и, слёзно оплаканная писателями-деревенщиками в 60-х — 70-х годах ушедшего столетия, она уже никогда в прежнем виде не возродится. Да и возродится ли в ином?»

Следует заметить, что обе поэтические книги Геннадия Чистякова, глубоко раскрывающие жизнь своих земляков и всего русского народа, получили высокую оценку у современных читателей. За книгу «Круговорот» он был принят в члены Союза писателей России, стал лауреатом престижной литературной премии «Ладога» им. А. Прокофьева. Высокую оценку обеим поэтическим книгам Геннадия Чистякова дал поэт Николай Рачков, который в течение многих лет является руководителем ЛИТО «Тосненская сторонка». Особенно высоко он ценил поэтический язык Геннадия Чистякова: «Не испорченный ни сленгом, ни вкраплениями чужеродного, чистый русский язык, живой и вечно новый, подтверждает национальную и самобытную культуру классической литературной речи, которая завоевала мир, о которой подчас забывают многие нынче пишущие».

Чем же стихи Геннадия Чистякова привлекают современного читателя? Обратимся к его книге стихов «Красное яблочко». В этой книге поэт говорит с читателем просто, открыто, честно о современном мире от лица всего своего по-

---

колениа, пережившего немало социальных потрясений и испытаний. Его слово обращено не столько к «среде обитания», к внешнему миру, сколько к внутренней «среде» человека, к душе человеческой. Проходящие перед нами герои этой книги создают мощную «корневую систему» жизни русской провинции, выражая её «мирскую» этику, обращённую к личному духовному началу, подчёркивая неисчерпаемость мира и человека. Поэт осознаёт, что его поколение уходит, но оставляет в назидание свои заветы, рожденные в ходе испытаний и потрясений, не веря уже теперь ни «спасительной фальши», ни восторженным лозунгам, «устремлённым к целям большим», открывая постепенно для себя великое прежде всего в деяниях души человеческой:

*Мы горели, мы плавилась в тиглях,
Мы вздымали кирпич на кирпич.
Не кляните нас — мы не достигли
Тех вершин, что хотели достичь.*

*И в конце лишь смогли разобраться:
В этом мире деляг и рвачей:
Никакого вселенского братства
Не построить из тех кирпичей.*

*Но, за жизнь нагрешившие вдосталь,
Мы вернулись к Заветам Христа,
И, быть может, на русских погостах
Мы себе отмолили места.*

В сборнике «Красное яблочко» перед нами проходит целая галерея людей из провинции: талантливых самоучек-изобретателей («Кулибин»), русских женщин («Думушки бродят», «Соседка», «Красавицы», «Затейница»), есть мотив возвращения к малой родине, осмысления современной жизни. Геннадий Чистяков всегда умел прислушиваться к голосу своего народа. Природа языка у него — откровенно фольклорная: он мыслит языком своих героев, тонко чувствуя их психологию, зная до мельчайших подробностей их быт, потому что от собственной судьбы он приходит к судьбе своего поколения. Чувствуется, что духовным наставником на его поэтическом пути в большей степени был А. Н. Некрасов, который нарисовал в своих стихах безбрежное «крестьянское море». В стихах Геннадия Чистякова более звучит плач по уходящему крестьянскому миру:

---

*Жёрнов крутится, думушки бродят.
Прокричал петушок во хлеве.
Вот уже и светает, навроде,
А у бабки одно в голове:*

*Что пришлют ли в четверг автолавку,
Что опять в телевизоре врут
И что к пенсии эту прибавку,
Как и прежние, цены сожрут.*

*Что пора ремонтировать печку,
Что под следствием пьяница-зять
И что это станет в копеечку,
Только где их, копеек, взять?*

Взгляд на поэзию Геннадия Чистякова оказался бы неполным, если бы мы не коснулись одной из тем его творчества — темы любви, которая как-то тихо, негромко прошла через всю его поэзию. Но об одном из произведений, вошедшем в сборник «Красное яблочко», нельзя не упомянуть. Это маленькая поэма, которой Геннадий Чистяков дал название «Птицы небесные» с указанием в заглавии жанра — «Современная баллада». По сюжету, по внутреннему поэтическому жесту поэта она чем-то напоминает поэму Сергея Есенина «Анна Снегина». Степень любви героев становится понятна, как и в поэме Сергея Есенина, только по прошествии многих лет. Текст баллады обращён к поиску вечных, общечеловеческих ориентиров.

Геннадий Чистяков приводит читателя через бытовые сценки, монологи, через пейзажные зарисовки к мысли о том, что главной ценностью на земле является единение человеческих душ. Через всю жизнь Анна Сергеевна и друг её юности, Игорь Ильич, пронесли чувство любви друг к другу. Когда-то пути Анны и Игоря разошлись. У каждого была своя жизнь, своя семья. Но однажды они снова встретились, и прежняя дружба, уже стариков, возобновилась. И вдруг она снова оборвалась. Поездка Анны Сергеевны в город Энск втайне от мужа, после трёхлетнего молчания Игоря Ильича, открыла тайну этого молчания, уже у могилы любимого человека:

*Солнце на камне
Плескалось слепящими брызгами,
И фотографию высветил
Солнечный блик:*

---

*С белой эмали
На Анну смотрел с укоризненно
Бледный, худой
И почти незнакомый старик.*

Это чувство любви даёт и душе героев баллады, и душе читателя глубокое лирическое наполнение, которое, благодаря пейзажным зарисовкам автора, соединяется воедино и звучит как гимн вечной любви.

Лирическое слово Геннадия Чистякова часто завораживает наши сердца, но не в этом состоит его главное назначение, а в той гражданской правде, которую он открывает своим современникам. На высокой эмоциональной ноте звучит в творчестве Геннадия Чистякова тема Родины, тема России. В стихах о Родине нет никакого ложного пафоса: развитие темы идёт через сугубо личные мотивы. В стихотворении «Родина» лирический герой пишет о том, как в юности он лелеял мечты о поездке в дальние страны, «где пальмы и белый песок», но теперь он называет это желание «юными бреднями»:

*Ах, эти причуды
Зелёного, глупого детства!
Ах, юные бредни!..
Но карты иначе легли:
Я вырос и понял,
Что краше родимого места
Едва ли ты сыщешь
На вольных просторах земли.*

Раздумья о Родине — это раздумья о своей душе, до конца преданной родной земле, родной природе:

*И вот, провожая,
Быть может, последнюю осень,
Ничуть не жалею
Ребячьих несбывшихся грёз.
Куда ж мне от этих
Дождями исхлёстанных сосен,
Куда ж мне от этих
Растрёпанных ветром берёз?*

Своё чувство к Родине, Отчизне, поэт очень тонко передаёт своим словом через любовь к малой родине. В стихотворении «Сиротство» он создаёт образ разорённой деревни, которая верой и правдой служила Отчизне:

«Голодала сама, но кормила огромный народ». «Настрадавшееся в колхозной неволе», старшее поколение советовало не возвращаться молодёжи в деревню.

*Так и вышло оно,
И дорогу к тесовым воротцам,
К палисадничкам тем,
Чёрным снегом года замели.
И не думали мы, убегая,
Что наше сиротство
Обернётся сиротством родимой земли.
Ничего не вернуть
Да теперь уж и каяться поздно,
Что здесь будет потом,
Я об этом гадать не берусь.
Но деревню свою
Мы, родимый, оплакали слёзно.
Мы — деревню, а вам
Не пришлось бы оплакивать Русь.
(«Сиротство»)*

Если обратиться к судьбе самого поэта, то можно сделать вывод о том, что крестьянский труд он никогда не бросал. В своих заметках «Немного о себе» из книги «Извините» (Тосно, 2013), в которой он собрал стихи, не вошедшие в его основные сборники, он пишет: «В первые же годы перестройки организация наша развалилась, и я ушёл на землю: получил от государства небольшой клин земли (3,19 га), завёл двух коров, прикупил необходимую технику, построил скотный двор и гараж и стал крестьянином-единоличником, пробыв в этой ипостаси до 2006 года, то есть семнадцать лет. Но подкралась старость, навалились болезни (в 1999 перенёс инфаркт). И пришлось нам с женой хозяйство ликвидировать, технику и землю продать и заниматься исподволь огородом да тепличкой».

Судьба поэта тосненской земли Геннадия Чистякова — это уникальная судьба творческого человека, который, не отрываясь от земли, от крестьянского труда, работал в области энергетики, участвуя во многих трудовых десантах советской эпохи, выполняя сложные задачи производства, будучи сначала простым рабочим, позднее — инженером-наладчиком. К тому же, не заканчивая никаких гуманитарных вузов, он был начитанным, эрудированным человеком, поэтом, прозаиком, очень скромным, с искромётным чувством юмора, каким помнят его читатели, коллеги по ЛИТО «Тосненс-

---

кая сторонка». Помимо авторских поэтических книг Геннадий Чистяков публиковал свои произведения в «Литературной России», в «Роман-журнале XXI век», в журналах: «Нева», «Аврора», «Невский альманах», «Родная Ладога», «Аргамак» (Татарстан), в поэтических антологиях Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Это был поэт, который никогда не останавливался в своих духовных исканиях, никогда не переставал быть взыскательным судьёй собственного поэтического слова, чутко прислушиваясь к дыханию эпохи, к мыслям и словам своих земляков. Именно из этого и рождалось его «заповедное» слово, открывшее нам столько красоты, чувства удивления миром и человеком. Его слово постоянно взывает к современнику, чтобы он не замыкался в своём узком мирке, а шёл дальше и открывал для себя большой мир, как открывает его поэт:

*Перья вострите и ночи не спите, поэты,
Взглядом пронзая просторы туманных полей,
Не прозевайте их, тысячекратно воспетых,
С тёплых зимовок стремящихся к нам журавлей.*

*Я их услышу — и голову вверх запрокину:
— Здравствуйте, милые! — Издали их покрещу
И надо мной торопливо летящему клину
Очень весёлое что-нибудь вслед прокричу.*

п. Тельмана Тосненского р-на Ленинградской обл.

Геннадий ЧИСТЯКОВ
(1939 — 2021)

СТИХИ О МАЛОЙ РОДИНЕ

Катится, катится прожитых лет колесница,
Прожитым, прошлым уставшая память больна —
Только прилягу, забудусь — она и приснится,
Малая родина, лучшая в мире страна.

Низенький домик, сирени, герань на окошке —
Очень знаком этот вид и, конечно, не нов.
Там на завалинке мальчик играл на гармошке
Вальсы, фокстроты и танго, да всё про любовь.

Милый мой отрок, играй, я смеяться не стану.
Дай посижу и восчувствую вместе с тобой,
И никому не скажу я про девочку Таню,
Ведь для неё это крутится шар голубой.

Мальчик, играй и прости мои глупые слёзы —
Старому дедушке можно всплакнуть иногда.
Слышишь: на станции снова кричат паровозы —
Те, что из детства тебя увезут навсегда.

Мальчик, играй, я пройдусь, никому не мешая.
Скоро и ты всё поймёшь и познаешь сполна:
Малая родина — это такая большая,
Самая лучшая, парень, на свете страна.

БАРАК

Мужиков в каморке мрачной —
Я да дедко Еремей.
По статистике барачной —
Два отца на пять семей.

Беспокойство в разговорах,
И по карточкам харчи,
А в промозглых коридорах
Дух помоев и мочи.

Злые орды тараканьи
Да клопипные стада —
В продвижении, в мельканье,
В беготне туда-сюда.

А над этой благодатью,
Где и Бог, и сатана,
Мы — товарищи, мы — братья,
Прибарачная шпана.

Голопузы, голоштанны
И голодные, как псы,
Деревянные наганы
Да сопливые носы.

Эх, братишки и сестрёнки, —
Слава лучшим временам!
А пока что — похоронки,
Адресованные нам...

В ПАМЯТИ

Дотянуться б, доглядеться
До победной той весны,
Где моё вставало детство
Над пожарищем войны.
На каком-то перегоне
Затерялся этот вид:
Пляшет «русского» в вагоне
Подгулявший инвалид.
Он и дробью, и вприсядку,
Он и бесом, и выюном
Под случайную трёхрядку,
На дыхании одном.
Он кудрявым чубом машет,
Он подмигивает мне:
— Вот, мол, парень, и на нашей
Нынче праздник стороне!
Сбили Гитлера с копыльев,
Раскатали на дрова!

А по воздуху, как крылья, —
Два пустые рукава...

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Я лежу много лет.
Я лежу много лет, много зим —
В сорок первом году
Я засыпан тяжёлым снарядом.
И в окопе одном
Где-то рядом мой верный «максим»,
Боевой пулемёт
Похоронен со мной где-то рядом.

Я сквозь глину тянусь,
Чтобы ленту достать в пулемёт.
Сколько лет я тянусь!
Только чувствую больно и тяжело,
Как из левой руки
Прорастает горчайший осот,
А из правой руки
Прорастает сладчайшая кашка.

АПРЕЛЬ

Слышите песню над полем, над лесом
Над безобразием зимних конюшен?
Это Апрель молодым Геркулесом
Ходит, старателен и добродушен.
Ходит, хламьё убирает прилежно,
Мусор сметая и туши сугробов,
Чтобы к земле, уязвимой и нежной,
Не прицепилась какая хвороба,
Чтобы однажды и в спешке, и в давке
Вы спохватились: — Ах батюшки светы! —
Вот уже перышки реденькой травки
Робко приветствуют вас из кювета.
И мать-и-мачехи жёлтые глазки
Светят с угора, и верба дымится,
А на деревьях, где песни и пляски,
Щурят скворечники добрые лица.
Гулко ворочая льдины и камни,
Тронулись реки, и сдвинулась суша!
И открываются звонкие ставни
В наших насквозь замороженных душах.

ЗРЕЛОСТЬ

Всё живётся не так, как хотелось,
До обидного жизнь коротка:
Повернулся — и грянула зрелость,
Прикатил на рысях к сорока!

То ли время натягивать вожжи,
То ли время последней гульбы,
То ли всё, что положено, прожил,
То ли новой начало судьбы.

То ли плод пробуждается в почке,
То ли ветер крылатый притих,
То ли дремлет в загадочной почве
Лучший мой, не написанный стих.

КРАСНОЕ ЯБЛОЧКО

Вот и отмучилась, вот и не стало соседки.
Окна крест-накрест забиты простым горбылём.

Только в саду облетевшем на тоненькой ветке
Красное яблочко светится жарким углём.

Красное яблочко, сколько же лет миновало!
Сколько же вёсен и сколько прошло осеней!
Красное яблочко, помню, ни много ни мало,
Я после Армии чуть не женился на ней.

Я призывался, была она — гадкий утёнок,
А возвратился, увидел — хоть падай, хоть стой:
Белая лебедь! Она всех в округе девчонок,
Как говорится, затмила своей красотой.

В прежние годы мы были воспитаны строго,
Время растреления нас не накрыло ещё.
Но тем не менее, так и хотелось потрогать
Милые ямочки спелых, как яблочки, щёк.

Но вот не вышло, чего-то там не получилось.
Так мы и прожили, каждый с судьбою своей,
Просто соседями были. И вот — опочила.
Мир её праху и Царство Небесное ей.

Ах, эта старость, ах, эта проклятая старость!
Выйду на улицу, молча гулять побреду
И не замечу, как с тоненькой ветки сорвалось
Красное яблочко там, у соседки в саду.

СНЕГА

Всю ночь мело. А утром встали — снегу-то!
В окне сугроба горбится спина.
Сойду с крыльца и провалюсь «по некуда»,
И, захлебнувшись, не достану дна.

И, не отплыв от берега, измучившись,
Я возвращусь в обжитость и тепло,
Подумаю здраво, что теперь не лучше ли
На божий свет смотреть через стекло.

А там снега полмира занавесили,
А там пурга полощется у стен.
Пльвёт село и тонет в белом месиве,
Чертя по небу мачтами антенн.

НЕ ИЩИТЕ

Наплевать, что неважно я выгляжу,
А про сердце я знаю и сам.
Вот походную палочку вырежу
И отправлюсь бродить по лесам.

Там не воздух — бальзам исцеляющий,
Там зудящих машин не слышать.
Километров пятнадцать пока ещё
Я свободно смогу отмахать.

А прихватит — залягу в осинниках,
Привалившись к замшелому пню.
Не ищите. Быть может, с мобильного
Я когда-нибудь вам позвоню.

ПОЭЗИЯ

Люблю тебя, поэзия
За сладость тех минут,
Когда слова, как лезвия,
По сердцу полоснут.

Когда волна гремящая
Прокатится в намёт,
И жалостью щемящею
Дыханье переймёт.

И выжмешься на цыпочки,
И, сам уже не свой,
Взмахнёшь смычком по скрипочке,
Да — в омут головой.

СВЕРСТНИКАМ

Корешочки мои да погодочки,
Вот и выбились мы в старики.
Скоро всех нас прокатит на лодочке
Перевозчик с угрюмой реки.

Поредело моё поколение,
Нас поштучно легко перечесть,

И, быть может, мы с вами последние,
Сохранившие совесть и честь.

Мы совсем по-другому воспитаны,
И такими дойдём до конца.
Беды Родины тяжкими плитами
Навалились на наши сердца.

Но, даст Бог, мы ещё поворочаем,
Дожигая запасы души,
И к тому перевозчику в очередь
В одночасье не станем спешить.

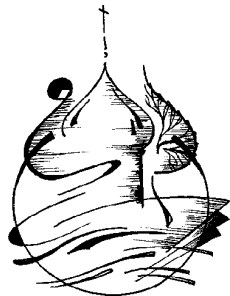
КОРНИ УКРАИНСКОЙ ИЗМЕНЫ

Предисловие

Украинство как болезненный вывих русского национального сознания XIX—XXI веков нуждается в тщательном изучении, особенно сейчас, в 20-х годах XXI века, когда, наконец, во всеуслышание главой Российского государства озвучена масштабная цель — денацификация Украины.

Как, по моему мнению, справедливо высказался политолог и публицист Ростислав Ищенко, денацификация этого государства-химеры тождественна его деукраинизации. Потому что украинская нация строилась с конца XVI века (если считать её истоком Брестскую унию) сперва неосознанно, а с XIX века вполне уже сознательно, в качестве разрушительной в отношении русского народа и России силы.

Почему истоком украинства следует считать именно Брестскую унию? Потому что законным основанием всякой национальной жизни выступает религия (изначально атеистических народов история человечества не знает). Когда это основание подменяется, вскоре происходит искажение национального сознания

СИМВОЛ ВЕРЫ

по всем направлениям. Если изменить код ДНК, вне всякого сомнения изменится весь организм. Так и здесь. Чувствуя смертельную опасность унии, население западно-русских областей упорно боролось против её насаждения, вопреки всем выгодам и льготам, которыми её продвижение сопровождалось.

Поэтому свой историко-публицистический очерк, имеющий задачу дать картину узловых моментов жизни русского народа в западных областях и его борьбу с украинством, я начинаю описанием истории Брестской унии.

Уния

Греки, начиная переговоры об унии с Папской церковью в XV веке, хотя бы с внешней стороны имели вид равноправных с латинами собеседников. Они поступились святым православием не от того, что вдруг воспылали необыкновенной любовью к папизму, а ради политических выгод. В итоге и мир с Богом потеряли, и в лукавой своей политике не преуспели: в 1439 году стали отступниками, а в 1453-м с падением Константинополя потеряли последнюю тень суверенитета.

К тому времени Русской Церковью управляли иерархи, утверждаемые (после избрания русскими) в Константинополе или прямо назначавшиеся там. Они продолжали именоваться митрополитами Киевскими, хотя имели местом постоянного пребывания Москву. Киевский (по титулу) митрополит Исидор, заранее назначенный патриархом Иосифом II из числа сочувствовавших унии греков, принимавший активное участие в Ферраро-Флорентийском соборе, в 1441 году прибыл в Москву. Согласно латинскому обычаю, перед ним несли «крыж» — четвероконечный крест на древке. Русские терпеливо смотрели на новшества, которыми удивляли их Исидор, позволили ему начать литургию в Успенском соборе Кремля, но как только во всеуслышание было провозглашено имя папы, отступник по приказу Великого Князя Василия II был взят под стражу. Исидору удалось бежать из Москвы в Рим, где он, продолжая значиться митрополитом Киевским, получил почётное звание кардинала-пресвитера.

В 1448 году состоялся Собор Русской Церкви, который осудил унию и провозгласил автокефалию (самостоятельность) Русской Церкви: отступничество Константинополя от православия стало достаточно веской для этого причиной. Митрополитом Киевским и всея Руси избрали Иону, к тому времени уже фактически управлявшего Русской Церковью в пределах Московского государства.

Русские могли действовать с такой смелостью, в числе прочего, и оттого, что в 1442 году в Иерусалиме патриархаты Алек-

---

сандрийский, Антиохийский, Иерусалимский предали унию анафеме. В 1450 году её, наконец, анафематствовали в Константинополе. Это позволило русским возобновить сношения с прежней митрополией, однако автокефалией теперь никто поступаться не собирался. Подростковый возраст Русской Церкви давно закончился. И только редкое в истории человечества смирение русского народа (Грузинская, Болгарская, Сербская Церкви давно были автокефальны) заставляло его до сих пор оставаться в подчинении Константинополя.

Обломав зубы о Москву, враг рода человеческого пытался найти теперь на Руси слабое звено, чтобы иметь здесь хотя бы какой-то успех. Конечно, такое слабое звено следовало искать в утратившей политическую самостоятельность части русского народа. В качестве главного орудия врагом был использован орден Иезуитов, основанный Игнатием Лойолой в 1534-м и узаконенный папой Павлом III в 1540 году.

В Речи Посполитой горячим сторонником и покровителем ордена выступил король Стефан Баторий. В пределах польско-литовского государства иезуиты поставили себе целью поглощение папством православного населения. Для этого, по их логике, следовало разлагать православие изнутри прежде всего через поставление в иерархические степени людей зазорной жизни и равнодушных к той вере, в которой они были воспитаны.

Осуществлению их планов способствовал утвердившийся ранее обычай польских и литовских властей отдавать (продавать) в кормление духовные имения (епархии, монастыри, приходы). Разумеется, правом кормления могли воспользоваться только люди состоятельные, в первую очередь, дворянского происхождения. Научившись этому у польской шляхты, они привыкли смотреть на верующих соотечественников свысока и желали только упрочения своей власти. Постепенно западно-русские иерархи пришли к мысли, что закон Божий нужен только «хлопам», дабы держать их в узде. Сами же они, как люди «голубых кровей», да к тому же «просвещённые», могут стоять выше этого закона и пользоваться им как инструментом по своему усмотрению.

Восточные патриархи, изредка навешавшие западно-русские епархии, что продолжали находиться в юрисдикции Константинополя, видели все эти нестроения и воспользовались в качестве противовеса шляхетской по своему происхождению иерархии православными братствами, поручив им надзор за епископами и прочим духовенством. Подобная политика раздражала и озлобляла иерархию, которая с завистью смотрела на независимое от рядовых мирян положение папского духовенства. Последнему же вкупе с иезуитами

было выгодно существование разложившейся иерархии конструирующей церкви, потому что на её фоне они сами ярче выделялись как носители благочестия и образцы нравственности.

Что говорит! Тогдашние православные иерархи или настоятели монастырей, покупавшие епископства и обители как доходные места, зачастую продолжали, дав монашеские обеты, жить со своими жёнами, забавлялись охотой и самолично принимали участие в разбойных набегах на земли панов-соседей. Так что обновленцам 20-х годов прошлого века было с кого брать пример!

В 1589 году Константинопольский патриарх Иеремия II, возвращаясь из Москвы, где участвовал в поставлении митрополита Иова в патриархи, остановился на довольно продолжительное время в Речи Посполитой с целью навести в управлении западно-русскими епархиями хотя бы какой-то порядок. В первую очередь, он низложил митрополита Киевского Онуфрия по причине крайней соблазнительности его жительства.

Ранее в своём к нему послании русские галицкие дворяне писали:

«Во время Вашего Пастырства вдоволь всякого зла в законе нашем случилось, насилия святыни, замыканье Святых Тайн, запечатание церквей святынь, запрещение звонить, выволакивание от престола из церквей Божиих попов, как злодеев, запрещение мирским людям молиться в церквях: таких насилий не делается и под поганскими царями, и всё это делается в пастырстве Вашей Милости. Но этого мало: рубят кресты святыне, захватывают колокола в замок, отдают их в распоряжение жидам; а Ваша Милость листы свои открытые против церкви Божией жидам на помощь даёт. Из церквей делают костёлы иезуитские; имения, церкви Божией данные, теперь к костёлам привёрнуты. В монастырях честных, вместо игуменов и братии игумены с жёнами и детьми живут, церквами святынями владеют; из больших крестов маленькие делают; что было дано к Божией чести и хвале, из того святотатство сделано: из вещей церковных делают себе пояса, ложки и сосуды, из риз саяны, из епитрахилей бармы. Но что ещё хуже: Ваша Милость поставяешь один епископов без свидетелей и без нас, братья своей, что и правила запрещают, вследствие чего негодные люди становятся епископами и на столицах с жёнами своими живут без всякого стыда и детей рождают. И других бед великих и нестроения множество!..»

Это был вопль души русских Галиции, доведённых до крайности от постоянного лицемерия вопиющих беззаконий. Пребывая в пределах Речи Посполитой, патриарх Иеремия пользовался гостеприимством пана Замойского (паписта), по какой-то причине пренебрегши общением с самым влия-

---

тельным тогда из православных мирян князем Константином Константиновичем Острожским.

На место низложенного Онуфрия следовало избрать митрополита западно-русских епархий. Выбор Иеремии пал на отличавшегося тихим нравом и наружным благочестием архимандрита минского Вознесенского монастыря Михаила Рагозу. При этом, как бы предчувствуя недоброе, патриарх гласно заявил собору духовенства и мирян:

— Если он достоин, то по вашему глаголу буди достоин, если же не достоин, а вы его достойным выставляете, то я чист, вы узрите.

Через несколько лет все, действительно, узрели предательскую сущность Рагозы. Не отличился патриарх Иеремия, однако, прозорливостью и в собственном выборе своего экзарха в западно-русских епархиях. Им стал епископ Луцкий Кирилл Терлецкий, по оценке историка Церкви Илариона Чистовича, человек лукавый, «аки бес».

Тот же Чистович пишет в своём «Очерке истории Западно-русской Церкви»: *«Патриарх пробыл в литовской митрополии до половины ноября 1589 г. Всё это время пребывания его здесь наполнено интригами одних епископов против других, и патриарх соглашал их тем, что раздавал им титулы и отличия, внося этим новые поводы к распрям между ними».*

Тем временем, сам не отличавшийся благонравием епископ Кирилл Терлецкий, всё же был возмущён выходками луцкого старосты, бывшего православного, перешедшего в папство, Александра Семашко. Тот в Великую Субботу и Пасху 1590 года наложил подать на луцкий собор, не позволяя совершать в нём богослужений. Вместо них он устроил в храме игрища с танцами и приказал своим гайдукам стрелять в купол и крест церковный.

Подобного рода бесчинства побудили Кирилла Терлецкого, по совету иезуитов, начать переговоры об унии с папистами. Уже в 1591 году в Бресте состоялся сговор четверых епископов (Кирилла Луцкого, Гедеоны Львовского, Леонтия Пинского и Дионисия Холмского), который почему-то по сие время в церковной истории именуется громким именем собора. Если Спаситель сказал «где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди их» (Мф. 18, 20), по поводу последнего сборища можно сказать: где двое или трое собраны во имя унии с папством, там посреди них сатана.

О решении сговора в пользу унии было отправлено письмо королю Сигизмунду III. Тот в 1592 году подписал «Привилегий королевский», в котором обещал за себя и своих преемников целость православных богослужебных обрядов и объявлял о своих милостях всякому православному, который бы согласился на унию.

Все действия иерархов-отступников совершались втайне от православной паствы. Видя, что сила теперь на стороне измены православию, присоединился к ней, наконец, и митрополит Киевский Михаил Рагоза.

Тем временем, князь Константин Острожский узнал от епископа Владимирского и Брестского Ипатия Поцея (приходившегося князю родственником) о согласии иерархов-отступников признать своим главою папу Римского. Он составил в 1595 году обличительное письмо, где было сказано:

«...Теперь злохитрыми кознями вселукавого дьявола самые главные истинной веры нашей начальники, славою света сего прельстившись и тьмою сластолюбия помрачившись, мнимые пастыри наши, митрополит с епископами, в волков претворившись, Святой Восточной Церкви отвергшись, святейших патриархов, пастырей и учителей наших вселенских отступили, к западным приложились, только ещё кожей лицемерия своего, как овчиною, закрывая в себе внутреннего волка, не открываясь, тайно согласившись друг с другом, окаянные, как христопродавец Иуда с жидами, умыслили всех благочестивых с собою в погибель вринуть, как самые пагубные и скрытные писания их объявляют... Вместо того, чтоб быть светом миру, они сделались тьмою и соблазном для всех. Если татары, жида, армяне и другие в нашем государстве хранят свою веру нерушимо, то не с большим ли правом должны сохранить свою веру мы, истинные христиане, если только все будем в соединении и заодно стоять будем? А я, как до сих пор служил Восточной Церкви трудом и имением своим в размножении священных книг и в прочих благочестивых вещах, так и до конца всеми моими силами на пользу братьий моих служить обещаю».

Нужно заметить, что прежде того сам князь Константин Острожский всерьёз рассматривал вопрос об унии, но не на таких, однозначно губительных, условиях, что названные выше епископы. Возможно, иезуит Антоний Поссевин, с которым князь тогда много общался, ранее безуспешно пытавшийся свратить в унию царя Иоанна Грозного, что-то пообещал князю с целью хотя бы на время нейтрализовать этого защитника православия несбыточными надеждами. Когда же дело вскрылось, князь сделал единственно верный выбор. Поэтому закономерно, что в 2008 году он был причислен УПЦ МП к лику святых.

Увидев к чему всё идёт, отстранился от унии Львовский епископ Гedeон. Последнего особенно возмутило то, что Кирилл Терлецкий ради успеха своего дела воспользовался подлогом. Он взял бланки с подписями других епископов, которые направили общее прошение королю об избавлении от притеснений православных, и сделал их подписями в пользу унии.

В ноябре 1595 года епископы Терлецкий и Поцей появились в Риме. Отсюда они позднее писали:

«Папа принял нас, как ласковый отец деток своих, с несказанною любовью и милостию. Мы живём недалеко от замка Его Святости, во дворце, искусно украшенном обоями и снабжённом всем нужным. Съестные припасы отпускаются нам, по милости Папы, в изобилии; мы жили шесть недель в Риме, но Его Святость всё ещё не хотел дать нам торжественной аудиенции, говоря: «Отдохните хорошенько после дороги». Наконец, вследствие наших настоятельных просьб, нам назначена была аудиенция 23 декабря, в большой зале, называемой Константиною, в которой Папа принимает наивысших духовных особ. Здесь Его Святость изволил заседать во всём своём святительском маестате и при Нём весь сенат, кардиналы, архиепископы и бискупы; особо сидели послы Французского короля и других государей; по обеим сторонам залы сидели высшие сановники, сенаторы и великое множество панов духовных, князей Римских и шляхты. Когда мы были введены в это собрание, то, поцеловав ноги Его Святости, отдали епископскую грамоту».

21 января 1596 г. папа утвердил особую Конституцию, которая гласила:

«Мы настоящим нашим постановлением принимаем досточтимых братьев, Михаила архиепископа-митрополита и проч. епископов русских со всем их клиром и народом русским, живущим во владениях Польского короля, в лоно Католической Церкви, как наших членов во Христе. И во свидетельство такой любви к ним, по апостольскому благоволению, дозволяем им и разрешаем все священные обряды и церемонии, какие употребляют они при совершении божественных служб и святейшей литургии, также при совершении прочих таинств и других священнодействий, если только эти обряды не противоречат истине и учению католической веры и не препятствуют общению с Римской Церковью, — позволяем и разрешаем, несмотря ни на какие другие противоположные постановления и распоряжения Апостольского Престола».

Дело для Папской церкви было новым: узаконение службы на славянском языке вместе с обрядами и обычаями, чуждыми Риму. Если вспомним апостольские труды святых Кирилла и Мефодия в IX веке, то должны сказать, что папское духовенство противилось переводам богослужебных книг на славянский язык. Однако с распространением протестантизма папство сделалось более гибким.

Православные дворяне во главе с князем Константином Острожским, узнав о предательстве со стороны своей иерар-

---

хии, протестовали, но тщетно. Король Сигизмунд III принял Конституцию Климента VIII как руководство к действию. Поэтому 29 мая 1596 года в Манифесте объявил о своём желании, «чтобы подданные Наши Греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою Римскою Церковию, под послушание одному духовному пастьерю». При этом давал и разъяснение:

«Епископы не привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и обряды вашей Православной Церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями Святых Апостольских Соборов и с древним учением Святых Отцов Греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете».

Здесь же повелевалось в ближайшее время созвать в Бресте собор, который должен был торжественно провозгласить уже состоящуюся с Римом унию. Виленское православное братство, открыто выступившее тогда против единства с папистами, подверглось репрессиям.

В октябре 1596 года в Бресте состоялся собор, на который ни один из противников унии не был допущен. Поборники православия, в число которых входили представители восточных патриархов и множество мирян, поскольку все русские храмы для них были закрыты, вынуждены были засесть в протестантской молельне пана Райского.

Униаты собрались в церкви святителя Николая в количестве шести иерархов под предводительством митрополита Михаила Рагозы. К ним присоединились три папских епископа, иезуит Пётр Скарга, светские вельможи — Николай Христоф Радзивил (воевода Троцкий), Лев Сапега (канцлер Литовский), и Димитрий Халецкий (подскарбий).

Работа двух соборов завершилась взаимными друг против друга анафемами. Униаты в итоге в знак единения совершили в костёле службу совместно с папистами. На православных обрушились преследования. Председательствовавший на соборе экзарх Константинопольского патриарха Никифор был в результате ложного политического доноса брошен в тюрьму в Мариенбурге, где и скончался.

Об итогах унии так пишет церковный историк Николай Тальберг:

«Навязанная народу уния явилась великим бедствием и испытанием для православной западно-русской Церкви... Униатские епископы выгоняли православных священников из приходов и ставили на их места униатов... В городах православных не допускали до городских должностей, стесняли в ремёслах и торговле. Тем

хуже жилось им в деревнях, где и раньше, по отзывам иностранцев, паны жили, как в раю, а их хлопы, как в чистилище. Теперь для фанатичного пана открывалась возможность считать чуть ли не богоугодным делом преследование хлопа за «схизму». Такие помещики передавали храмы униатам или отдавали в аренду евреям. И тогда ключи от церкви хранились у такого арендатора, который заинтересован был взимать деньги за всякую церковную службу или требу. И кто не издевался тогда над этою «хлопскою» верою: и эти арендаторы, и школяры из иезуитских коллегий, во имя ревности громившие православные церкви, часовни и школы, и возвращавшиеся из разорённой ими России сподвижники Сапеги и Лисовского (предводителей польско-литовских отрядов во время русской Великой смуты. — С.К.). И защиты искать было не у кого, ибо сила и власть была у упорных врагов Православия.

Первые униаты епископы-отступники со своими приближёнными ожесточились против православных как против своих личных врагов, разрушивших дело всей их жизни. Представители следующего поколения униатов, воспитанного в этом ожесточении, поддерживаемого властями, выслушивая обвинения со стороны православных в своём отступничестве, либо напрямую присоединялись к папству, чтобы раствориться в польской народности; либо возвращались к русской вере; либо, наконец, оставались в новоявленном химерическом религиозно-культурном феномене, который и способен существовать лишь как пограничное явление между двумя цивилизациями, то есть быть Украиной, областью неустойчивой, постоянно колеблющейся в своём цивилизационном выборе.

Один из образцов нравственной, если можно так выразиться, физиономии униатов представляет собою архиепископ Полоцкий Иосафат Кунцевич.

Иосафат Кунцевич

Как показывает многовековой опыт, наиболее ревностными униатами и поборниками украинства становятся недавние отступники. Так наставником и покровителем Иосафата Кунцевича стал сын русского воеводы боярина Вельяминова (перешедшего во время военных действий в 1568 году на сторону поляков), известный под именем Иосифа Велямина Рутского. Сначала Вельяминов-младший стал кальвинистом, но усердием иезуитов был обращён в папскую веру. По их рекомендации он прошёл курс обучения в Греческой коллегии в Риме, после чего (ради удобства обращения в папизм бывших соотечественников) принял униатство. В 1605 году он прибыл в Вильну.

Униатский митрополит Михаил Рагоза скончался в 1599 году. Его место занял Ипатий Поцей. Он постриг молодого Вельяминова в монашество и сделал своим ближайшим помощником. В 1608 году Рутский стал наместником Поцея в Вильне и настоятелем здешнего Свято-Троицкого монастыря. Он ревностно занялся преобразованием униатского монашества, ради чего призвал к себе на помощь кармелитских монахов с иезуитами. Вскоре он стал генералом нового монашеского ордена — Базилианского, который получил имя святителя Василия Великого, так как Иосифом Рутским было взято кое-что из монашеских уставов этого святого. Орден не подчинялся местным епископам, а только особому прокуратору в Риме.

Ипатий Поцей скончался в 1613 году, и место митрополита занял Иосиф Рутский, управлявший униатами на протяжении последующих 24-х лет. Для успехов униатского влияния им были созданы Базилианские школы.

Наглости латинства и униатства способствовало в те годы ослабление Московского государства Великой смутой. Вопреки притеснениям, русские православные дворяне Речи Посполитой порой отваживались поднимать свой голос в пользу своей Церкви. Сохранилась речь одного из них, произнесённая на сейме в 1620 году, — Лаврентия Древинского с Волыни, адресованная Королю Сигизмунду III:

«В войне Турецкой Ваше Королевское Величество едва ли не большую часть ратных людей потребуете от народа русского греческой веры, того народа, который если не будет удовлетворён в своих нуждах и просьбах, то может ли поставить грудь свою оплотом державы Вашей? Как может он стараться о доставлении отечеству вечного мира, когда дома не имеет внутреннего спокойствия? Каждый видит ясно, какие великие притеснения терпит этот древний русский народ относительно своей веры. Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях нет монахов — там скот запирают; дети без крещения умирают; тела умерших без церковного обряда из городов, как падаль, вывозят; мужья с жёнами живут без брачного благословения; народ умирает без исповеди, без приобщения. Неужели это не самому Богу обида, и неужели Бог не будет за это мстителем? Не говоря о других городах, скажу, что во Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может; мёртвое тело погребать, к больному с тайнами Христовыми открыто идти нельзя. В Вильне, когда хотят погребсти тело благочестивого русского, то должны вывозить его в те ворота, в которые одну нечис-

---

тоту городскую вывозят. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и в тюрьмы сажают. В чины гражданские людей достойных и учёных не производят потому только, что не униаты; простачками и невежами, из которых иной не знает, что такое правосудие, места наполняют в поношение стране Русской. Деньги у невинных православных безо всякой причины исторгают. Главная причина зла заключается в том, что Ваше Королевское Величество изволите назначать на высшие саны духовные людей, не зная их происхождения. Кто не знает, что теперь епископом Полоцким — сын сапожника, сделавший себе шляхетскую фамилию Кунцевич?..»

Помянутый в речи русского дворянина с Волыни Иосафат Кунцевич был замечен и выдвинут Иосифом Рутским. По занятии митрополичьей кафедры, последний поставил Иосафата архимандритом виленского Свято-Троицкого монастыря, затем — архиепископом Полоцким (с 1618 года). Здесь Кунцевич прославился своими экзальтированными проповедями и фанатичной нетерпимостью к православному, что составляли большинство здешнего населения.

После Брестской унии православные в пределах Речи Посполитой постепенно утрачивали свою иерархию: немногочисленные епископы умирали, а новых взять было негде. В 1620 году возвращался из Москвы, где участвовал в поставлении митрополита Ростовского Филарета в патриархи, Иерусалимский патриарх Феофан. Запорожское казачество взяло его под свою охрану. Гетман Пётр Конашевич-Сагайдачный обратился к патриарху с просьбой о посвящении епископов на православные кафедры, занятые униатами. Как пишет Николай Тальберг, «моляху святителя патриарха все благочестивые, да им оставит святыню, да посвятит им епископы». Патриарх отказал было им в том: «бояхубося краля и ляхов». Но когда патриарха «взяли на рамена и опеку свою благочестивое войско и гетман Сагайдачный», то он посвятил митрополита в Киев и епископов на все западно-русские епископские кафедры за исключением львовской, в которой был епископ; а униатского митрополита и епископов объявил низложенными.

Так в Полоцке оказались два епископа: униат Иосафат Кунцевич и православный Мелетий Смотрицкий. Большинство прежде затерроризированного униатами русского народа встало на сторону Мелетия.

Тогда Кунцевич подал жалобу на Смотрицкого Литовскому великому канцлеру Льву Сапеге. Однако тот, вопреки ожиданиям униатского архиепископа, ответил на его претензии (в 1622 году) не столько благожелательным, сколько

обличительным письмом. Прекратить же на время войну против православия Сапега побудила политическая конъюнктура.

Дело в том, что коронный гетман Жолкевский, самонадеянно пожелавший нанести поражение туркам в их землях, вторгся с десятитысячным войском в молдавские степи. Он пренебрёг помощью Запорожского казачества, взяв с собой в поход лишь две тысячи реестровых казаков. В сентябре 1620 года войско Жолкевского было уничтожено турками и татарами. Молодой турецкий султан Осман решил воспользоваться успехом и двинул на следующий год против Речи Посполитой трёхсоттысячную армию. Ей навстречу выступили Литовский гетман Ходкевич с тридцатитысячной ратью и Запорожский гетман Конашевич-Сагайдачный с сорока тысячами своих казаков. Столкновение произошло под Хотинном на Днестре. До того Сагайдачный послал казаков в Чёрное море, где их усилиями прекратилась связь Османа с Константинополем. После пяти недель беспрерывных боёв турки отступили. Тогда всем стало ясно: если бы не Конашевич-Сагайдачный, не избежать бы Речи Посполитой грандиозного разорения.

По прошествии всего лишь года после Хотинской битвы канцлер Сапега предпочитал осторожность. Поэтому и писал униатскому архиепископу:

«Бесспорно, что я сам хлопотал об унии и покинуть её было бы неблагоприятно; но мне никогда на мысль не приходило, чтоб Вы решились приводить к ней такими насильственными средствами. Уличают Вас жалобы, поданные на Вас и в Польше, и в Литве. Разве не известен Вам ропот глупого народа, его речи, что он лучше хочет быть в турецком подданстве, нежели терпеть такое притеснение своей вере? По словам Вашим, только некоторые монахи епархии Борецкого (нового православного Киевского митрополита) и Смотрицкого и несколько киевской шляхты противятся унии; но просьба Королю подана от войска Запорожского, чтоб Борецкого и Смотрицкого в их епархиях утвердить, а Вас и товарищей Ваших свергнуть; и на сеймах мало ли у нас жалоб от всей Украины (под Украиной канцлер Сапега понимает область, пограничную с Крымским ханством. — С.К.) и от всей Руси (исконно русских земель в пределах польско-литовского государства. — С.К.), а не от нескольких только чернецов! Поступки Ваши, истекающие более из тщеславия и частной ненависти, нежели из любви к ближнему, обнаруженные в противность священной воле и даже запрещению Республики, произвели те опасные искры, которые угрожают всем нам или очень опасным, или даже все-

---

истребительным пожаром. От повиновения казаков больше государству пользы, чем от Вашей унии, почему и должны Вы соображаться с волею Короля и с намерениями государственными, зная, что власть Ваша ограничена и что покушение Ваше на то, что противно спокойствию и пользе общественной, может по справедливости почтеться оскорблением Величества. Если бы Вы посмели сделать что-нибудь подобное в Риме или Венеции, то Вас бы научили там, какое надобно иметь уважение к государству... Что касается до опасности жизни Вашей, то каждый сам причиную беды своей: надобно пользоваться обстоятельствами, а не предаваться безрассудному своему стремлению... Прочтите жития всех благочестивых епископов: не сыщете в них ни жалоб, ни объявлений, ни исков, ни судебных свидетельств. А у Вас суды, магистраты, трибуналы, ратуши, канцелярии наполнены позвами (судебными исками. — С.К.), тяжбами, доносами; но этим не только не утвердится уния, но последний в обществе союз любви расторгается...

Вы требуете, чтобы не принимающих унию изгнать из государства: да спасет Бог наше отечество от такого величайшего беззакония! Давно в этих областях водворилась святая Римско-католическая вера, а пока не имела она подражательницы благочестия и повиновения святому Отцу, до тех пор славилась миролюбием и могуществом как внутри, так и вне государства; то теперь, приняв в сообщество сварливую и беспокойную подругу, терпит по её причине, на каждом сейме, в каждом собрании многочисленные раздоры и порицания. Кажется, лучше и полезнее было бы для общества разорвать с этою неугомонною союзницею, ибо мы никогда в отечестве своём не имели таких раздоров, какие родила нам эта благовидная уния. Христос не печатал и не запирает церквей, как Вы это делаете... Король приказывает церковь их в Могилёве распечатать и отпереть, о чём я, по Его приказанию, к Вам пишу, и если Вы этого не исполните, то я сам велю её распечатать и им отдать; жидам и татарам не запрещается в областях королевских иметь свои синагоги и мечети, а Вы печатаете христианские церкви! Вы говорите: «Справедливо ли будет оказывать такое снисхождение для неизвестного будущего спокойствия!» Отвечаю: не только справедливо, но и нужно, потому что неминуемо родится в обществе неустройство, если будем делать им ещё большие притеснения в вере. Уже гремят везде слухи, что они хотят навсегда разорвать с нами всякий союз. Что касается полочан и других крамольников против Вас, то, может статься, они и в самом деле таковы, но сами Вы побудили к возмущениям. Новгород-Северский, Стародуб, Козелец и многие другие города уния от нас отторгнула: она главная виновни-

---

ца тому, что народ московский от королевича устраняется, как это очевидно из русских писем, присланных к нашим вельможам, и потому не желаем, чтоб эта пагубная уния вконец нас разорила».

Благоразумные слова канцлера прошелестели мимо ушей гордого своей «апостольской» ревностью Кунцевича. И остаётся только представлять, до какого неистовства доходил он в своих действиях, что даже одного из самых сознательных отцов унии (Льва Сапегу) сделал её противником!

В ноябре 1623 г., прибыв в Витебск, Иосафат Кунцевич отнял у православных все церкви до одной. Никакого восстания по этому случаю не произошло. Православное богослужение стало совершаться вне пределов города, в чистом поле, в наскоро сооружаемых шалашах. Казалось бы, Кунцевич мог торжествовать победу над добровольными изгоями, отщепенцами. Мог бы сочинить памфлет, украсив его иллюстрациями, из которых бы явствовало, что «жалкие схизматики» служат в поле среди рогож и соломы.

Однако ожесточившемуся фанатику было мало унижения Православия. Кунцевич добивался его полного уничтожения! Православный священник, который собирался служить вне пределов города в шалаше, был схвачен и взят под стражу слугами Кунцевича. В итоге терпение православных лопнуло. Они ответили на насилие насилием: в дом, где располагался униатский архиепископ и где содержался им под стражей православный священник, ворвалась толпа. Кунцевич был убит ударом топора, а его тело брошено в Двину.

Разумеется, никто из православных иерархов не призывал к бунту. Он был стихийным. Однако противной стороне до того не было дела. Казалось, именно такой исход ожидался в качестве повода, чтобы начать полномасштабное гонение против православия. В феврале 1624 года папа Урбан VIII отправил королю Сигизмунду III следующее кровожадное послание:

«Враги наши не спят, день и ночь отец вражды плевелы сеет, дабы в вертограде церковном терние произрастало вместо пшеницы. Следует и нам с не меньшим прилежанием исторгать ядовитые корни и обрезать бесполезные ветви. Иначе все страны загloxнут, и те из них, которые должны быть раем Господним, станут рассадником ядовитых растений и пастбищами драконов. Как легко это может случиться в России, — научают настоящие бедствия. Непримирымый враг католической религии, ересь схизматическая, чудовище нечестивых догматов, вторгается в соседние провинции и, хитро прокравшись в совещания казацкие, вооружившись

силами храбрейших воинов, осмеливается защищать дело сатаны и грозит гибелью православной истине. Восстань, о Царь, знаменитый поражениями турок и ненавистию нечестивых! приими оружие и щит и, если общее благо требует, мечом и огнём истребляй эту язву. Дошла до нас весть, что там устраивают схизматические братства, издаются новые законы против униатов; пусть королевская власть, должствующая быть защитой веры, сдержит такое святотатственное буйство. Так как нечестие обыкновенно презирует угрозы, наказаниями не вооружённые, то да постарается Твоё Величество, чтоб лже-епископы русские, стремящиеся возбуждать волнения и господствовать в казацких кругах, достойное такого дерзкого поступка понесли наказание. Да испытает силу королевского гнева факел мятежа и вождь злодеев, патриарх Иерусалимский, и своим бедствием сдержит дерзость остальных. Хотя это и кажется делом трудным, однако чего не преодолет благочестие, покровительствуемое Небом и вооружённое королевскою властью? Известный Никифор Грек, который, сделавшись оруженосцем дьявола и знаменосцем мятежей, возбудил столько бурь против русских униатов, запертый, наконец, в вечную темницу, примером своим показал, что преступление не только отвратительно само по себе, но и губительно по своим следствиям. Если дерзость схизматическая часто будет видеть подобные примеры, то не так будет выситься и научится бояться Господа отмщений. Вследствие этого просим Твоё Величество, защищай это дело всею своею ревностью и властью, и, прежде всего, позволь униатским епископам иметь свободный доступ ко дворцу и в советы королевские, и чтоб они ни в чём не были ниже остальных епископов...»

Итак, папа «огнём и мечом» призывает короля истреблять святое православие. Хотя прошли годы после кончины в темнице Константинопольского экзарха Никифора (председателя антиуниатского собора 1596 года), Урбан VIII не скрывает своего злорадства по поводу его смерти, тем самым призывая и короля к подобного рода репрессиям. В глазах папы экзарх Никифор не может быть мучеником за веру, что называется, по определению, поскольку вера его противится папству. Совсем другое дело Иосафат Кунцевич, вождь погромов, о котором папа так пишет:

«Кто даст очам нашим источник слёз, чтоб могли мы оплакать жестокость схизматиков и смерть Полоцкого архиепископа?... Где столь жестокое преступление вопиет о мщении, проклят человек, который удерживает меч свой от крови! Итак, могущественнейший Король! Ты не должен удержи-

---

ваться от меча и огня. Да почувствует ересь, что за преступления следуют наказания. При таких отвратительных преступлениях милосердие есть жестокость».

Этими словами Урбан VIII в мягкой форме угрожает Сигизмунду III проклятием, если тот воздержится от кровопролития в отношении православных. Следственная комиссия под председательством великого канцлера Литовского Льва Сапеги приговорила к смерти двух бургомистров Витебска и 18 граждан города. Около ста человек, спасшихся бегством, были заочно приговорены к смерти. Город потерял свои привилегии. Две православные церкви срыли с лица земли. Запрещено было повсюду строить и починять православные храмы. Рутский, извещая об этом кардинала Бандина, так оканчивал письмо: «Великий страх после этого напал на схизматиков; начали понимать, что когда сенаторы хотят приводить в исполнение приказы королевские, то не боятся могущества казацкого». Православный епископ Полоцка Мелетий Смотрицкий бежал сначала в Киев, и уже отсюда — под покровительство султана. Позднее он сам совершился в унию.

Тем же папой Урбаном VIII архиепископ Иоасафат Кунцевич в 1642 году был объявлен блаженным. В 1869 году он был причислен к лику святых папой Пием IX. Этому первого святого Униатской церкви объявили покровителем Руси и Польши. С 1949 года «мощи» Иоасафата Кунцевича пребывают в соборе святого Петра в Ватикане. В конце XX века папа Иоанн Павел II провозгласил Кунцевича «апостолом единения». Поэтому не стоит удивляться тому, как современные униаты, имея столь «похвальный» пример апостольской ревности, силой захватывают православные храмы, выволакивают из них духовенство, соревнуясь друг с другом в кощунстве и святотатстве. Они научены этому «апостолом единения».

Афанасий Брестский

Преподобномученик Афанасий по фамилии Филиппович родился в русской православной семье в Бресте в 1597 году, на следующий год после заключения здесь злосчастной унии. Получив основы православного образования в одной из братских школ (существовавших при православных братствах), юноша захотел продолжить образование и, за неимением выбора, поступил в иезуитскую коллегию в Вильне. По её окончании стал давать частные уроки. Молодого русского учителя заметил великий канцлер Литовский Лев Сапега и поручил ему воспитание «царевича», вывезенного из России, якобы наследника русского престола Ивана Дмитриевича.

Семь лет Афанасий обучал, как ему сказали, «внука царя Иоанна Грозного», который оказался на деле всего лишь сыном убитого в Москве шляхтича Михаила Лубы.

Поняв обман, Афанасий в 1627 году оставил двор канцлера и ушёл в виленский Свято-Духов монастырь, где вскоре принял монашеский постриг. После того он подвизался в Кутеицком монастыре под Оршей, в Межигорском под Киевом, пока, наконец, не был направлен из Вильны в качестве наместника в Дубойнский монастырь под Пинском. Где бы ни бывал Афанасий, он всюду видел страдания русского православного народа, угнетаемого иноверием.

После трёх лет управления Дубойнским монастырём Афанасий и все православные иноки были из него изгнаны новым Литовским великим канцлером ревностным покровителем Иезуитского ордена Альбрехтом Радзивиллом, после чего в обители водворились иезуиты. Афанасий тогда подал официальный протест, подписанный множеством православных граждан, однако никаких положительных последствий он не имел.

Афанасий удалился в Купятицкий монастырь под Пинском. По дороге он встретил калеку, которого нёс на своих плечах, и этот человек научил инока непрестанной молитве. Монастырь, куда продвигался Афанасий, был знаменит чудотворной Купятицкой иконой Божией Матери (изображённой на медном кресте). После некоторого времени пребывания в обители Афанасий, совершая молитву перед чудотворной иконой, услышал голос Царицы Небесной, что повелевала ему идти за помощью к Московскому царю.

В 1637 году, получив благословение игумена, Афанасий отправился в Москву для сбора пожертвований на восстановление монастырской соборной церкви. Преодолев во время путешествия множество трудностей, искушений, не раз грозивших смертью, в 1638 году инок добрался до русской столицы, где был принят в Посольской избе (прообраз МИД). Афанасий подал прошение на имя царя Михаила Феодоровича, где, помимо ходатайства о помощи в восстановлении храма, было предложено повествование о плачевной жизни русского православного народа в Литве и Польше, а кроме того, сказано было о подготовке в Речи Посполитой новых самозванцев, лжевнуков Иоанна Грозного. В том же 1638 году Афанасий Филиппович вернулся в Купятицкую обитель. После кончины здешнего игумена он в 1640 году был избран настоятели монастыря с рукоположением в священный сан.

В 1641 году игумен Афанасий был в Варшаве на сейме, где ходатайствовал о возобновлении в Бресте двух православ-

---

ных храмов и получении места для постройки братского дома. Король Владислав IV выдал свой «привилей», которым повелевалось удовлетворить просьбы игумена. Однако «привилей» отказался ратифицировать Литовский канцлер Альбрехт Радзивилл.

Раз в эти скорбные дни, когда преподобный читал пред Купятицкой иконой Божией Матери акафист, он ясно услышал от Неё голос: «Афанасий! Жалуйся теперь на сейме при помощи иконы Моей Купятицкой, в кресте изображённой, перед польским королём и государством, грозя праведным гневом Божиим, который вот-вот наступит, если не образумятся! Пусть прежде всего навеки осудят унию — в этом самая большая насущная нужда — и им ещё может быть хорошо!» Повинуясь воле Пречистой, преподобный в 1643 году раздал членам сейма образки Купятицкой Божией Матери с надписанием, содержащим в себе угрозу гнева Божия за покровительство унии и притеснение православия. Он, подражая бесстрашием пророкам далёкой древности, произнёс в защиту гонимой веры энергичную речь в присутствии короля и подал ему прошение, в котором сказано: «Если вы умирите восточную православную Церковь, то проживёте лета ваши в счастии. Если же не умирите и не сметёте с лица земли унию, то познаете гнев Божий. Образ Божией Матери да будет вам трубою и знамением».

За такую «дерзость» игумен Афанасий был взят под стражу, однако сумел в праздник Благовещения бежать из заключения, после чего на одной из улиц Варшавы прилюдно анафематствовал унию. Афанасий был схвачен, вновь заключён под стражу до совершения над ним церковного суда. Православный церковный суд лишил его священного сана и отправил в Киев для дальнейшего разбирательства. Здешний суд проходил под председательством ректора православной Киево-Могилянской коллегии Иннокентия Гизеля. Этот суд постановил, что Афанасий уже искупил свой «грех» пребыванием под стражей, поэтому ему возвращается теперь свобода и священный сан. Митрополит Киевский Пётр Могила подтвердил своей властью это решение и отправил игумена Афанасия в Брест, в монастырь Симеона Столпника.

Здесь он получил новое повеление Царицы Небесной: «Афанасий! Проси ещё с помощью Моего образа на будущем сейме перед королём и польским государством о полном уничтожении проклятой унии. Хорошо будет, если послушают и уничтожат её — проживут ещё счастливо в будущих летах!» Преподобный так утрастился, что пять дней не ел, не пил и не знал, что делать. Наконец, решил исполнить волю Пречистой.

В 1644 году игумен Афанасий отправился в Краков за сбором пожертвований. Здесь он встретился с русским послом князем Львовым, которому рассказал о самозванце лжевнуке Иоанна Грозного. Русскими была проведена спецоперация, в результате которой Ян Фаустин Луба был вывезен в Москву. За пособничество игумен Афанасий был арестован и под конвоем отправлен в Варшаву, где был объявлен заложником за увезённого Лубу.

Находясь в заключении, игумен Афанасий написал статьи, в которых изъяснял свою позицию: «Фундамент беспорядка Костёла Римского», «Совет набожный», «О фундаменте церковном», «Приготовление на суд». Уже из этих названий ясно, насколько глубоко всматривался Афанасий в причины межрелигиозных разногласий. Поэтому его невозможно было, как других православных, успокоить обещаниями каких-то частных поблажек. Провидя духом, какие бедствия в веках ещё произойдут от униатства не только для русских, но и для поляков с литовцами, он оставался непреклонен.

Тем временем посол Речи Посполитой в Москве Гавриил Стемпковский убедил только что взошедшего на престол царя Алексея Михайловича отпустить на родину Яна Фаустина Лубу под поручительство короля и панов. Однако и после этого игумен Афанасий остался в заключении. Он лишь был препровождён под конвоем в Киев и пребывал здесь в Печерском монастыре.

1 января 1647 года преставился ко Господу Киевский митрополит Пётр Могила. На его погребение съехались все православные иерархи западно-русских епархий. Луцкий епископ Афанасий Пузына пригласил последовать с собой игумена Афанасия в Брест (который входил в состав Луцкой епархии).

В марте 1648 года началось восстание русских православных людей против национально-религиозного гнёта под предводительством гетмана Богдана Хмельницкого. 1 июля 1648 года капитан королевской гвардии Шумский донёс на преподобного Афанасия, которого арестовали сразу после литургии.

Обвинитель докладывал суду о пересылке игуменом неких посланий и пороха казакам Богдана. Преподобный опротестовал это заявление, потребовав предоставления свидетельских показаний. Обыск, проведённый в монастыре, не дал результатов. Когда об этом было доложено инспектору-обвинителю, тот в сердцах проговорился: «Ей же, чтоб вас поубивало, что не подбросили какую щепоть пороха и не сказали, будто здесь у чернецов наши!» Неспособный доказать

клеветнический навет, суд решил действовать напрямую, выдвинув обвинение в том, что игумен «унию святую оскорблял и проклинал».

Понимая, что ищут лишь повода к его убийству, преподобный Афанасий заявил судьям: «Затем ли, милостивые панове, приказали мне в себя прийти, что я оскорблял и проклинал унию вашу? — Так я на сейме в Варшаве пред королём... и сенатом его пресветлым говорил и всегда всюду говорил по воле Божией. И перед вами теперь утверждаю: проклята уния ваша...»

После недолгого совещания судьи объявили игумена заслуживающим смертной казни. До получения из Варшавы окончательной санкции преподобный Афанасий, закованный в колодки, был посажен в цейхгауз. Когда же в Брест приехал папский Луцкий бискуп Гембицкий и канцлер Литовский Альбрехт Радзивилл, не сломленный игумен и в их присутствии заявил, что уния проклята Богом. На это бискуп ответил: «Будешь язык свой завтра перед собой в руках палача видеть!»

В ночь на 5 сентября в камеру Афанасия был послан студент-иезуит, чтобы сделать последнюю попытку склонить его к измене православию. Собеседование оказалось бесполезным. Тогда с мученика сняли колодки и повели к брестскому воеводе Масальскому, который в раздражении бросил: «Имеется уже его в своих руках, делайте же с ним, что хотите!»

Из обоза воеводы гайдуки привели мученика в соседний бор у села Гершановичи, начали пытаться его огнём, принуждая отречься от православия, а после приказали одному из них застрелить преподобного. Этот гайдук, который рассказал позже о гибели мученика, «видя, что это духовник и добрый его знакомый, сначала попросил у него прощения и благословения, а потом в лоб ему выстрелил и убил... Покойный, уже простреленный двумя пулями в лоб навывлет, ещё, опершись на сосну, стоял некоторое время в своей силе, так что приказали столкнуть его в яму. Но и там он сам повернулся лицом вверх, руки на груди накрест сложил и ноги вытянул...»

Лишь 1 мая, через восемь месяцев после этого злодеяния, какой-то мальчик семи или восьми лет показал сimeoновской братии место, где лежало тело игумена. Земля в том месте не была освящена и принадлежала иезуитам. Монахи выкопали тело и, испросив позволения у полковника Фелициана Тышкевича, перенесли останки преподобного мученика в монастырь, где погребли в храме Симеона Столпника «на правом клиросе в склепике».

Уже спустя десять лет после мученической кончины Брестского игумена, 5 января 1658 года, Киево-Печерский архимандрит Иннокентий Гизель и Лещинский игумен Иосиф Нелюбович-Тукальский доложили царю Алексею Михайловичу, что над мощами преподобного мученика Афанасия неоднократно сиял чудесный свет.

Перед нами из мрака протекших столетий выступили два деятеля: папист-униат и православный. С внешней стороны между ними было немало общего. Оба были русского происхождения, оба из мещан, оба отличались природными дарованиями и энергичностью характера.

А вот дальше перед нами являются противоположности. Афанасий Филиппович, которому в юности открылась возможность блестящей карьеры при дворе великого канцлера Литовского Льва Сапегы (это было второе лицо в Великом Княжестве Литовском), добровольно уходит в монастырь. Иосафат Кунчиц (такова его настоящая фамилия) из желаний почестей сам себе присваивает шляхетскую фамилию Кунцевича. Афанасий претерпевает с юности гонения и поношения за свою принадлежность к православию. Иосафат неистово преследует православных, достигая через это повышения по службе. Афанасий, преодолевая естественный страх, выполняет волю Богоматери, обличая унию перед сильными мира сего. Иосафат, разжигаясь ненавистью, стремится нагнать страх на противников унии. Афанасий, имея до последних минут возможность отречься от своих взглядов, чтобы сохранить себе жизнь, осознанно делает свой выбор в пользу мученической кончины за Христа и Православие. Иосафат, постоянно строя вокруг себя раздоры и нестроения, погибает за унию и папу. Афанасия по кончине Сам Бог прославляет нетлением мощей и чудесами. Иосафат прославляет Папский престол как «апостола единения». Афанасий по кончине несёт мир тем душам, которые к нему обращаются. Иосафат и по кончине сеет ненависть. Его ученики продолжают на наших глазах громить православные храмы, как им думается, ради вящей славы Божией (*ad maiorem Dei gloriam* (лат.) — таков девиз ордена Иезуитов).

п. Каменники Рыбинской епархии

Олег СЫРОМЯТНИКОВ,
профессор Пермского государственного университета,
кандидат филологических наук

ОБЕЗЬЯНА ИЛИ БОГ

Недавно старый знакомый прислал очередное «доказательство» происхождения человека от обезьяны. Оно было опубликовано в интернете в виде добротной сработанной статьи, несущей миру «важнейшее научное открытие». Подобные «подарки» человечеству делались десятки раз, и это несмотря на то, что никто (в т.ч. и сам Дарвин) не смог ответить на вопрос о том, зачем обезьяне — существу, наилучшим образом приспособленному для жизни на нашей планете и потому не имеющему оснований для эволюции — понадобился мозг философа. Однако снова и снова эта идея вбрасывается в общественное сознание, что побуждает задуматься над феноменом ее живучести.

На наш взгляд, причина лежит далеко за пределами науки, тем более что Дарвин был, прежде всего, очень увлекающимся и впечатлительным человеком, а уже затем — учёным. Еще в молодости его воображение поразили идеи Ж.-Б. Ламарка, К. Мальтуса и других материалистов. Тогда же в общественном сознании Англии появилась и начала

СИМВОЛ ВЕРЫ

бурно развиваться расовая теория, представлявшая англосаксонскую цивилизацию наивысшей формой развития человеческого общества, а англичан — наивысшим результатом развития homo sapiens. Утверждать подобное без каких-либо доказательств даже в то время было невозможно. Проще и эффективнее всего было заявить о своей богоизбранности, но это уже было сделано евреями, к тому же говорить серьезно о какой-то (особенно христианской) религиозности англичан того времени было невозможно.

На Западе религию уже давно перестраивали, точнее — подстраивали под потребности людей, превращая ее в один из социальных институтов. В результате к началу XIX века она перестала определять мировоззрение европейцев, формировать их аксиологическое и моральное сознание — этим стала заниматься наука. Она взяла от религии веру в свою непогрешимость и всемогущество, выстроила иерархию жрецов (ученых), придумала обряды (методологию), разработала догматическую систему (постулаты и принципы познания) и т.д. и т.п. Но если религия указывала путь к Богу и вела к Нему, то западная наука ничего не указывала и никуда не вела, а просто обслуживала эгоистические и гедонистические потребности людей, ориентируясь на сиюминутные прагматические цели и реальную, осязаемую выгоду. Одной из таких целей и было желание во что бы то ни стало доказать себе и всему миру свою исключительность и превосходство. Для этого создатели новой науки воспользовались сугубо религиозной «технологией»: заявили, что мир состоит только из материи, которая была, есть и будет всегда; что материя имеет свою причину сама в себе, ниоткуда не возникает и никуда не исчезает, а только меняет свои формы. Однажды случайно, безо всякой причины, сама собой из неживой природы появилась живая. Она так же — без причины и сама собой изменялась до тех пор, пока не появилась обезьяна, которая зачем-то стала человеком. Причем, та обезьяна, от которой произошли англичане, по своей природе и породе была лучше всех остальных обезьян.

Поскольку ни одну из этих фантазий нельзя было доказать, то в них предлагалось просто верить. И эта вера оказалась очень привлекательной, потому что отвечала наличному духовному состоянию людей и их желаниям. Во-первых, она освобождала от необходимости постоянного упорного духовного труда, к которому призывало христианство: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5: 48). Во-вторых, перекладывала ответственность за интеллектуальное, нравственное и эстетическое состояние человека

на некие «законы природы»: «не мы такие — жизнь такая», «так природа захотела, почему — не наше дело» и т.д. В-третьих, отрицала бессмертие человека и тем освобождала его от страха перед будущим воздаянием за преступления, совершённые в земной жизни. И, наконец, главное — наука провозглашала человека не просто венцом творения (так говорила и религия), а творцом и владыкой мира, то есть богом.

Эта вера вот уже более двенадцати веков является основной религией англосаксонского человечества. Она объявляет все остальные народы в большей или меньшей степени низшими и предлагает им признать этот факт или погибнуть. В истории Европы это привело к многочисленным и многолетним войнам, в ходе которых та или другая часть «прогрессивного» человечества пыталась доказать другим его частям, что ее обезьяна была лучше всех остальных. Истощив свои ресурсы в бесконечных войнах, европейцы отправились грабить Америку, Африку и Азию, цинично-наивно заявляя, что в этом-то и заключается их естественное призвание.

Главная причина происшедшего — гордыня. Характерная особенность этой страсти состоит в том, что она искажает взгляд человека на мир и порождает неадекватное объективной реальности чувство превосходства. В Европе оно впервые проявилось в античном высокомерии, искренней и наивной уверенности в том, что за пределами ойкумены живут какие-то существа, лишь внешне похожие на людей. Возникнув задолго до христианства, это чувство тлело под покровом религиозного благочестия, постепенно «прожигая» его в разных местах, пока, наконец, в 1054 году не вырвалось наружу после того, как Восточная Церковь (Византия) отказалась подчиниться римскому первосвященнику в административно-церковном отношении.

С этого момента ничем не сдерживаемая гордыня Рима начала приобретать всё более чудовищные формы. Одной из них стал четвертый крестовый поход (1204 г.), в ходе которого крестоносцы, руководимые католическим духовенством, всей своей мощью обрушились на Константинополь, не ожидавший удара с тыла — от «братьев по вере». Они осквернили православные храмы, разграбили и сожгли город, убив всех, кто не смог спрятаться. О причине происшедшего много позже сказал архиепископ Парижский Мари Сибур, вдохновитель Крымской войны 1853—1856 годов: «Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная. Все другие основания, выставляемые кабинетами, в сущно-

---

сти, не более как предлоги, а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь <...> укротить, сокрушить ее. Такова признанная цель этого нового крестового похода, и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом».

Парадоксально, но античная гордыня была намного ближе к христианскому пониманию сущности человека, чем западноевропейский гуманизм — законнорожденное дитя католицизма. Провозглашая человека высшей ценностью (Протагор), греки не отрицали богов, а жили рядом с ними, общались, враждовали, влюблялись и даже рожали детей. Эллина и в страшном сне не привиделось бы, что он произошел от обезьяны, а в Новое время об этом было заявлено громко и гордо.

Главная причина — богоотступничество. В основной массе люди всё дальше и дальше уходят от Бога («...широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими...» (Мф. 7: 13-14)), потому что научились жить без Него, придумав свои «заповеди», отражающие падшую, разрушенную грехом природу человека: «на мой век хватит, а после меня — хоть потоп», «человек человеку — волк», «трудом праведным не живешь палат каменных», «не делай добра — зла не будет» и т.д. Людям казалось, что в эмансипации от Бога и заключается наивысший прогресс человечества, но на самом деле они просто забыли: то, что происходит с ними, уже не раз происходило на земле. Достигнув довольства, сытости и комфорта, люди забывали о Боге или пытались «отменить» Его за ненужностью: «...отойди от нас, не хотим мы знать путей Твоих! Что Вседержитель, чтобы нам служить Ему? и что пользы прибегать к Нему?» (Иов 21: 14-15) Они забыли, как их прародители один раз уже попытались стать «как боги» (Быт. 3: 5), и это обернулось для них и всех последующих поколений большой бедой. Но Бог никогда не ограничивает свободу людей и не заставляет их любить Себя, потому что знает, чем закончится их бунт — заблудившееся человечество опять растеряет свое богатство и опять обратится к Нему. Поэтому Он смиренно и кротко ждет: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3: 20).

Пока человек с Богом, его могущество ограничивается только его верой. Но в какой-то момент человек привыкает — и к Богу, и к своей вере и забывает слова апостола: «Испытайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследуйте» (2 Кор. 13: 5). Человек привыкает исполнять обряд, забывая о его назначении — придавать форму чему-то важному,

---

сущностному и таинственному. Смысл религиозного обряда — принесение жертвы Богу. Чем более велика эта жертва — тем больше любовь человека к Богу и тем сильнее его вера.

Жертва соединяет любящего и любимого, создавая между ними особую духовную связь, сила и прочность которой определяется ценностью жертвы для самого жертвователя и чистотой, бескорыстностью его помыслов. В жертве нет места эгоизму и гордыне, а если они появляются, то жертва немедленно превращается в «партнёрские» отношения: «я тебе, а ты за это — мне». Жертва лишается своего значения и тогда, когда человек относится к ней только как к необходимости, предписанной традицией, не понимает ее смысла и не чувствует потребности в соединении с тем, кому он приносит жертву. Нередко в этом случае возникает искушение отдать не самое дорогое, а нечто ненужное: «На Тебе, Боже, что нам не гоже!».

Это и произошло с Каином, который принёс Богу установленную обычаем жертву. И Бог, естественно, понял это. Он не обиделся, потому что никакой человеческий поступок не может изменить Его сущность, которая «есть любовь» (1 Ин. 4: 8). Он просто не принял жертву Каина. И жизнь продолжилась своим чередом: Авель пас стада, а Каин возделывал землю. Но он понял, почему Бог не принял его жертву, и знал, что теперь нужно сделать: признать свою вину (раскаться) и впредь никогда так не делать (покаяться). Но тогда пришлось бы изменить всю свою жизнь — удобную, приятную и комфортную и принести Богу новую жертву, отдав Ему самое дорогое. А Каину этого очень не хотелось, и потому он продолжал жить по-прежнему, хотя совершённый грех жёг его сердце, с каждым днем причиняя всё больше и больше страдания. Оно увеличивалось еще и потому, что Каину приходилось жить рядом с людьми, сохранившими верность Богу. Каждый день он видел перед собой Авеля, который, зная о происшедшем, ни словом не упрекнул брата и лишь кротко скорбел о нём. Само ежедневное присутствие рядом с собой смиренного праведника скоро стало невыносимо, и тогда Каин убедил себя, что страдает именно из-за брата, и что если бы его не было, то не было бы и страдания. И убил брата, и сразу же совершил новое преступление, опять отказавшись от покаяния, когда на вопрос Бога об Авеле ответил: «Разве я сторож брату моему?» (Быт. 4: 9).

С тех пор цивилизация каинитов разделилась на тех немногих, кто искренно любит Бога и живёт по Его воле и тех, кто, полагаясь исключительно на себя, пытается выстраивать с Ним договорные отношения. Пропасть между челове-

---

ком и Богом постоянно расширяется, и хотя люди научились жить без Бога, память о совершённом преступлении живёт в их сердцах и является источником страдания, от которого они пытаются избавиться, придумав разнообразные способы насыщения своих естественных и неестественных потребностей. Но это не дало им ни спокойствия, ни удовлетворения, скорее наоборот — неясное, иррациональное чувство тревоги, «духовный голод», «тоска по чему-то утраченному» (Достоевский) терзают их сердце и заставляют страдать всё больше и больше.

Рядом с собой на протяжении столетий они видят странный народ, для которого все достижения цивилизации не имеют особого значения — он может ими пользоваться, а может легко обойтись и без них. В какой-то момент они догадались, что у этого народа есть нечто, что выше всех земных благ и «прогрессов» — исконная, первоначальная вера во Христа Спасителя и Его Пречистую Матерь. Они вспомнили, что когда-то тоже владели этим сокровищем, а затем растеряли его, поддавшись на диаволовы искушения (Мф. 4: 3-10) и свернув с пути, указанного Христом.

Христианские богословы называли дьявола «обезьяной Бога» — в том смысле, что он подражает Ему так же, как обезьяна — человеку. Это сравнение возникло задолго до гипотезы Дарвина, но странным образом раскрыло ее сокровенный смысл. Тварь не может быть выше творца, поэтому дьявол никогда не может стать Богом. В отличие от него человек может стать подобным ему, если пойдёт за Христом, сказавшим: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14: 6). Но если человек отверщается от Бога и не хочет становиться подобным Ему, он неизбежно обращается к дьяволу, потому что в духовном мире нет «серой зоны», а есть только Свет и тьма. Но если дьявол уподобился обезьяне, сам не зная того, то современный человек делает это вполне добровольно и сознательно, не понимая при этом, что опускает себя ниже дьявола, становясь его слугой. Достоевский гениально сказал об этом словами Великого инквизитора, обращёнными к тому, кого он принял за Христа: «И я ли скрою от тебя тайну нашу? Может быть, ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: Мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с ним, уже восемь веков». Напомним, что события в главе происходят в XVI веке.

Память о совершённом предательстве стала источником нескончаемого страдания, и тогда Запад пошел путём Каина — попытался уничтожить Россию, сохранившую верность

Христу. Век за веком он насылал на нее полчища «своих озлобленных сынов» (Пушкин), дважды захватывал ее столицу, а однажды даже посадил в ней своего царя. Но Запад никогда не понимал и не поймёт, что Россия — не географическое, экономическое или политическое, а прежде всего духовное явление, а потому ее нельзя уничтожить, физически захватив столицу или даже всю территорию, как это было сделано в 1917 году.

Не стоит земля без праведников, и пока русские люди сохраняют верность Богу, Россия будет стоять неколебимо. Но нужно постоянно помнить грозное библейское предупреждение о том, что и у праведности есть мера: Авраам не нашёл в Содоме и Гоморре и десяти праведников (Быт. 18: 32), и теперь эти города покоятся на дне Мёртвого моря. Такая же судьба ждет и Россию, если мы допустим ослабление, а тем более — разрушение нашей веры. И не надо перекладывать свою вину на кого-то другого: США, масонов, тайное мировое правительство, инопланетян и т.д. Наши враги не сильнее, чем прежде, это мы становимся слабее, когда забываем, что христианин — это не тот, кто ходит на богослужения, ставит свечки и подаёт записки, а тот, кто живёт по воле Христа, открытой в Его заповедях. А для этого ничего особого делать не надо, надо только возлюбить Бога и ближнего своего — всё остальное сделает Господь.

«СОКРОВИЩЕ СИЕ МЫ НОСИМ В ГЛИНЯНЫХ СОСУДАХ»

Мысль апостола Павла — в наше сегодня, и обращена она к тому «малому стаду верных», кое, имея средоточие своё в России, умалется на наших глазах, как и само пространство её. На некогда 1/6 части суши, завещанной нам Богом, как огненная капля, осталось малое стадо верных, со всех сторон изнутри окружённое тьмой египетской — нашей 5 колонной. Эта капля, как горящий столп, подымается в самое Небо, и слышен он не только нашими Воинами-Заступниками, что продолжают защищать всех святых для нас, освободителей Малороссии, Родины нашей, но и теми непрославленными на земле Воинами, коих за таковых и не почитают. И первый среди них для меня — Александр Сергеевич Пушкин. Ибо Тарас Бульба и Пётр Гринёв — суть не только герои гениальных творений Гоголя и Пушкина, но великие исторические личности Русского Космоса. И сам Пушкин всегда был и остаётся для меня величайшей исторической личностью всех времён.

Вот уже третье столетие наша 5 колонна трудится над тем, чтоб остался Пушкин в памяти народной как эротоман и

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

«гуляка праздный». Но нет! Родившийся в день Вознесения Господня, он и венчался в храме Вознесения. И тот факт, что Наталия Николаевна родилась в 1812 году, в День Победы на Бородинском поле, был для него мистическим. А в самом судьбоносном для современной России 2000 году день рождения Александра Сергеевича снова выпал на праздник Вознесения Господня! Прав был Гёте: «в ничто прошедшее не канет». Он говорил, что гениям образование даётся во сне. И хоть Александр Сергеевич был самым образованным человеком своего времени, как истинный гений он был мистик, а значит, обладал сферическим и надмирным слухом. Быть может, и поэтому Сон Татьяны до сих пор так и не смогли разгадать все «наши» «пушкинисты».

Читайте, господа, Фридриха Шиллера: «Не мне управлять песнопевца...» Вся эта публика бегала, как чёрт от ладана, от недосыгаемых Киры Павловны Викторовой и Валентина Яковлевича Курбатова, с которыми я имела честь и радость общаться многие годы. Курбатов стал одним из самых восхитительных героев Цикла «Возвращение на Родину». За год до смерти написал замечательное предисловие к моей книге «Три жизни Артемьева». И Викторова, и Курбатов так по-русски любили Александра Сергеевича, что им единым открывал он какие-то сокрытые от иных, чуждых ему взоров, потаённые двери Своего Дома. Но увы, даже они слишком поздно узнали о том, что камерюнкером Пушкин был всего 5 месяцев. Остальную же жизнь свою был камергером, а значит, в воинском звании, генералом, что вместе с тёзкой своим, Александром Сергеевичем Грибоедовым поступил в коллегия иностранных дел, что все «ссылки» его были заданиями, кои только он один и мог выполнить (имманентные или даже топографические «свидетельства» тому внимательный читатель найдёт в его «Путешествии в Арзрум»), что всю жизнь свою с открытия Лицея и до встречи с Батюшкой Серафимом во время Болдинского карантина, когда он не только вместил всё предстоящее на оставшиеся 7 лет жизни, но и получил от Батюшки благословение на эти муки и благословение на брак с Наталией Николаевной, что всю жизнь свою он любил божественную Императрицу Елисавету Алексеевну. Кира Павловна Викторова написала гениальную, ослепительную книгу об этой Любви «Неизвестный или непризнанный Пушкин» (СПб, изд. Политехника, 1999 г.). А предисловие к ней написал доктор физико-математических наук, доктор философских наук, академик С.С. Хоружий.

Я пишу эту маленькую историю 8 июня, в день рождения поэта. Ибо любой человек, включая священнослужителя, открыв церковный календарь, увидит, что родившийся 26 мая 1799 года не может отмечать день рождения 6 июня по новому стилю, ибо

это 24 мая (по ст. ст.). Следовательно, и день ангела Пушкина не 12 сентября, в день памяти его предка — Святого благоверного князя Александра Невского, которого он глубоко почитал и у которого был тот же святой покровитель, а 2 июня — 15 по н. ст., в день памяти святителя и чудотворца Константинопольского — архиепископа Александра. Напомню только два эпизода из жития небесного покровителя Пушкина, ибо житие это и само имя святого кем-то неосмотрительно изъято из календарей последнего времени. Этот дивный святой в одних календарях указан как епископ, в других как архиепископ, а в иных — как патриарх. Однако, пользуясь титулом «Святейшество» и являясь главою Константинопольской и Вселенской Церкви, он при жизни патриархом не назывался. Лишь его Восприемники, начиная с 421 года получают на это официальное право.

Святитель Александр был вторым после святителя Митрофана Константинопольским епископом или 23-м в Царьграде. Святитель Митрофан, будучи престарелым, поставил вместо себя своего протопресвитера Александра. И вот первое чудо, совершённое им на Никейском Соборе. Как известно, еретик Арий получил на этом Соборе затрещину от святителя Николая, а владыка Александр велел еретику именем Христа замолчать и Арий стал нем. Когда же он раскаялся и пал к ногам святителя Александра, снова обрёл дар речи. Второе чудо святитель Александр совершил в 336 году, когда тот же злосчастный Арий добился права вступить в общение с Константинопольской Церковью и владыка Александр встал на горячую ночную молитву накануне того дня, когда это должно было произойти, чтобы Господь не допустил еретика до храма, либо взял его душу. Настало утро и, когда Арий, уверенный в себе, шёл в храм, с ним сделался припадок, и он скончался. Небесный покровитель Пушкина среди 207 правящих после него Константинопольским Главою Церкви с именем Александр был единственным. Некоторые церковные историки именуют его Александром I, как именовался и венценосный тёзка Пушкина. Есть календари, где имя святого Александра Константинопольского упоминается 30 августа (12 сентября н. ст.), это неверно. Александр Сергеевич сам редактировал «Исторический Словарь о Святых прославленных Российской Церковью и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых», вышедшего в 1836 году в Петербурге, а до этого дата 2 июня (15 по н. ст.) с житием святителя Александра мы находим во всех православных календарях Российской Империи, в том числе в календаре 1884 года, а также 1803 года, изданного в Москве другом Гавриила Романовича Державина, поэтом, будущим митрополитом Евгением (Болховитиновым). Даже в старообрядческом календаре 1970 года я вижу под датой 2 июня имя этого святого.

Даже в Польском (sic!) Православном календаре 1973 года я вижу ту же дату и то же имя.

Церковные календари, как Евангелие и Псалтирь, являются неотъемлемой частью жизни настоящего, профессионального историка, и... каждого верующего человека. Можно сколь угодно перемещать даты, но дни памяти святых невозможно. Увы, та же участь постигла Гоголя, Грибоедова, Достоевского, о чём я подробно писала на страницах «Русской народной линии», в статье, посвящённой 185-летию убийства Поэта, а также многократно в журнале «Покров» и на многочисленных вечерах моего Цикла «Возвращение на Родину». Любой компромисс здесь небезопасен. Вспомним: после того, как в храме Святой Софии Константинопольской 12 декабря 1452 года была отслужена католическая месса, пал Константинополь, а вместе с ним и вся Великая Византийская Империя. Церковные календари — живые свидетели истории человечества и суть божественные, метафизические свидетели. Именно поэтому ленинцы-троцкие, прямые наследники французской революции, полностью изменившей календарь, начали свой шабаш с церковного календаря, установив новый стиль. Но каким бы ни был новый стиль, мы обязаны удерживать Дни Памяти Святых, в особенности тех, с кем неразрывно связана наша с вами история. И имя Пушкина здесь первое. Увы, даже почитающие Русского Гения батюшки служат ему панихиды не 11 февраля (29 января ст. ст), забывая о том, что Пушкин, убитый грязной, педерастической «семьёй» Геккернов, умер в день святителя Игнатия Богоносца — единственного святого, на сердце которого начертано имя Спасителя. Когда же мы научимся хранить столь важные для Национальной Памяти дни?! «Святая Русь! Обыкновенный разум судьбы Твоей вместить в себя не в силах» (Н.В. Кукольник).

И сегодня первый для меня Русский Поэт, прозорливый отец Леонид Сафронов, снова предупреждает: *«Все диверсии против России, все расшатывания наших государственных устоев начинаются с ниспровержения авторитета Пушкина, традиционной классической литературы. Не доказывает ли это, что традиционная Русская литература во главе с Пушкиным — не пустой звук, но сила, имеющая большое значение для Русской нации? К сожалению, о значении этой силы недруги России имеют более полное представление, чем мы с вами».*

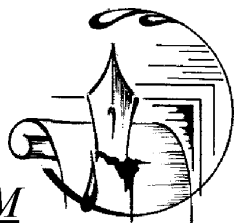
Закончу словами самого Александра Сергеевича:

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах проживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один Пиит...*

ВСЕ СЕКРЕТЫ РАССКАЗАЛ...

6 июля главный раввин Москвы Пинхас Гольдшмидт покинул свою должность в связи с «истечением контракта». Об этом сообщили в Московской еврейской религиозной общине (МЕРО). Сообщили и слухавили, поскольку накануне рокового события 7 июня раввин в 33-й раз был переизбран главой Московской хоральной синагоги.

Причиной увольнения бессменного сотрудника, а точнее последней каплей, переполнившей чашу, стало его зубодробительное интервью американскому СМИ о положении дел в современной России, пределы которой Гольдшмидт торжественно покинул в марте 2022 года, аккурат в начале СВО. Тогда главный раввин говорил, что срочно едет ухаживать за своим умирающим отцом... Однако вскоре невестка Гольдшмидта написала в соцсетях о «боли и страхе» в их семье, которые «невозможно передать словами», что на раввина со стороны российских госорганов идёт жестокая травля, что на него давят, вынуждая публично поддержать спецоперацию на Украине, но он героически отказывается.

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Выждав какое-то время и поняв, что в РФ перемены пришли всерьёз и надолго, Гольдшмидт разразился публичным откровением, в котором ненависть к России зашкаливала неимоверно. Но (о ужас!) в результате усилий вышел суший каламбур. Слепившее несчастного еврея желание отомстить сыграло с ним злую шутку, ибо понаговорил бывший раввин такого, что выказал себя как минимум евреем, лишённым хитрости. Уже не говоря о том, что здорово подставил своих соплеменников, оставшихся куковать в «треклятой рашке».

«Ребе, вы ведь нас не подставите?» — «Саша, ну ты же меня знаешь...» — «Вот именно, потому что я Вас знаю...» Увы, знание меня не подвело. Раввин Пинтхас Гольдшмидт выступил против страны, благодаря которой он сделал карьеру и кинул общину, которая кормила его последние 30 лет», — написал позже в своём ТГ бывший коллега Гольдшмидта, директор программы Московской хоральной синагоги Александр Каргин.

«По поводу статей в международной прессе: то, что там изложено Гольдшмидтом, — это ложь, — спешили оправдываться преданные соратники. — На господина Гольдшмидта никто не давил. Никто не звонил, не приходил... Печально, что люди, зараженные антироссийской истерией, тупо верят всему, что говорится против России. И ничего другое для них не важно».

Но самое смешное началось чуть позже. Уже изрядно на шумевшую статью и интервью бывшего главного раввина редакция журнала вдруг начала судорожно редактировать, причём по очень любопытному поводу.

На сайте издания в конце оригинального материала появилась приписка: «В предыдущей версии этой истории говорилось, что раввин Александр Борода из ФЕОР высказывался в поддержку войны. На основании его заявления, размещённого в Интернете, это неверно». Так вскоре в отредактированном варианте статьи упоминание о поддержке Бородой СВО оказалось вымарано.

В свете известного противостояния еврейских течений в России Гольдшмидт верно желал притопить конкурента в глазах «хозяев», но неожиданно получил по штраймлю...

Так что сколько Путин ни приручал волков, сколько в прессе ни писали о «хабаде имени Путина»... они-то из рук ели, да всё в лес глядели. Мнение Запада для команды Лазара всегда было и остаётся определяющим.

Если вернуться к ситуации в Москве, то главный раввин России Берл Лазар еще в начале спецоперации написал в своём заявлении: «Остановите кровопролитие, чтобы больше не умирали люди», а затем раскритиковал министра иностранных дел России Сергея Лаврова за то, что он сказал, что у Адольфа Гитлера

была еврейская кровь, пытаясь провести аналогии между лидером нацистской Германии и президентом Украины Владимиром Зеленским, который является евреем. «Было бы неплохо, если бы он извинился перед евреями и просто признал, что ошибался», — написал Лазар о Лаврове. И Лазар, и Гольдшмидт подтвердили, что тысячи евреев покинули Россию после начала войны.

В интервью «Deutsche Welle» (внесена в список СМИ-иноагентов) Гольдшмидт заявил, что «очень значительная часть» российского еврейства, которое, согласно демографическому исследованию 2020 года, насчитывало 155 000 членов, уехала, и что другая «значительная часть думает об отъезде». Другие раввины в России также публично говорили об обстоятельствах, вызвавших эмиграцию.

«За одну неделю я увидел, как многие ведущие члены общины собрались и уехали, — писал Гольдшмидт из Иерусалима, — почти все в Израиль. В России были заблокированы независимые новостные сайты. Это было радикальное изменение к худшему. 90 процентов сообщества не поддерживает вторжение на Украину. У меня есть ощущение, что подавляющее большинство не захочет жить в новом Советском Союзе, изолированном от мира».

Впрочем, бегство Гольдшмидта из России было предсказуемо. Как сообщает хабадский «Лехаим», статус раввина уже был поколеблен в прошлом. В 2005 году Гольдшмидту, работавшему в Москве с 1989 года, внезапно отказали во въезде в страну. Прошло несколько недель, прежде чем ему разрешили вернуться. Власти не дали официального объяснения по поводу отказа во въезде, но некоторые чиновники ссылались на «вопросы национальной безопасности». Гольдшмидт отказался комментировать это, но дело совпало с борьбой за власть, которая закончилась тем, что Главным раввином России Берл Лазар и его связанные с Хабладом раввины стали доминировать в российской еврейской жизни.

Гольдшмидту в конце концов разрешили въехать в Москву, но траектория его карьеры всё больше ориентировалась на Западную Европу. Такова предыстория.

А вот сама история, которая тянет на юмористический опус, как в триллере:

«Была ночь на 23 февраля, и давний главный раввин Москвы рав Пинхас Гольдшмидт лёг спать дома; на следующее утро он проснулся в чужой стране. Это была не очередная дальняя поездка для одного из самых влиятельных еврейских лидеров в Европе, который практиковал дипломатию от Персидского залива до Америки. Это произошло потому, что страна, которую он знал в течение 33 лет — от сумерек Советского Союза до высот эпохи Путина, — исчезла в одночасье.

В то утро, когда танки Владимира Путина пересекли границу с Украиной, а спецназ пытался захватить аэропорт Киева, Кремль решительно попытался покончить с последними остатками свободы по всей России. Тысячи антивоенных демонстрантов были схвачены, независимые СМИ были закрыты, а религиозные лидеры были вынуждены поддержать агрессию Кремля, либо им грозят репрессии. Даже вторая по величине фигура в Русской Православной Церкви митрополит Иларион был отодвинут в сторону.

Далее, собственно, следует история странствий Пинхаса по кругам российского ада длиной в 33 года, приравниваемая автором ни много ни мало к истории самой современной России — «теплой и ласковой при Ельцине и угрожающей при нынешнем правительстве».

Любопытно было узнать о том, какими способами внедрялась сионистская агентура в ткани постсоветской умирающей России. Оказывается, при содействии раввина Адина Штейнзальца из Израиля, при поддержке рава Моше Соловейчика из Цюриха, который получил одобрение от рава Шаха, Советская академия общественных наук в своё время открыла Центр еврейской цивилизации, который был прикрытием для первой иешивы Советской России.

Ну а дальше... Еврейские группы торговцев алмазами из Антверпена, запакованные «на случай» чемоданы, таинственные связи со свидетелями защиты в суде над Менделем Бейлисом, первая в Союзе машинка Хегох, которую героический Пинхас контрабандой ввёз в страну по частям и на которой распечатывал чуть ли не первый в России Талмуд, треклятая русская картошка с кашей, когда так хотелось салями, и пр., и пр., а в итоге: «За последние годы гигантская еврейская экосистема, бюджет которой в настоящее время составляет около 11 миллионов долларов, созрела до такой степени, что Москва и Россия теперь находятся на европейской еврейской карте в таком объёме, который было бы невозможно и предсказать».

Знаменитый еврейский пафос, когда гордость настолько зашкаливает, что сначала пронзительно трещит, а потом стремительно улетает в космос пуговица от штанов, захлестнул героического Пинхаса во время повествования о трагедии 1991 года: «Переворот сорвался, когда Ельцин отказался отступить. Первым сигналом о том, что для евреев наступила новая эра, был мемориал Илье Кричевскому, еврею, который был убит, стоя лицом к советским танкам. Мемориальная церемония включала в себя чтение Кадиша... Момент, когда в российском эфире прозвучали слова «исгадал в искадеш шмей раба», был основополагающим. Это было объявление любому,

---

кто услышит это, — что евреи вернулись в Россию. Нас угнетали, нас заставляли молчать, нас унижали, но мы вернулись».

Да, они вернулись. И началось... «Российские олигархи были евреями, — продолжается эпическое повествование. — Борис Березовский, Владимир Гусинский, Михаил Ходорковский. Огромное количество грязных русских денег, поступающих в британскую столицу, создало то, что стало известно как «Лондонград» — роскошные районы города, где российские деньги евреев правили бал. Все трое процветали в ельцинские годы, но столкнулись с репрессиями Владимира Путина. Березовский бежал в Великобританию в 2000 году, где умер — один и почти банкрот — в 2013 году. Ходорковский был заключён в тюрьму по сфабрикованным обвинениям в финансовых преступлениях, а его компания была конфискована в 2005 году. Но именно беды Гусинского грозили поставить еврейскую общину под прицел».

И кто бы вы думали спасал лучшего друга еврейской общины Москвы? Конечно же, героический Пинхас. «Я позвонил президенту Всемирного еврейского конгресса Эдгару М. Бронфману, и через несколько часов Билл Клинтон выступил с заявлением против этого шага. Через несколько дней власти РФ позволили Гусинскому покинуть страну».

Статус главного раввина Москвы был не единственной шляпой, которую носил Пинхас. Будучи президентом Конференции европейских раввинов (CER), Гольдшмидт общался с европейскими и американскими политиками, ненавидящими Россию. Трижды — в июне 2000 года, затем в 2005 и 2017 годах — правительство пыталось выслать Гольдшмидта, аннулировав его визу. Только поддержка со стороны российской еврейской общины и международных игроков позволила ему остаться.

Почему, однако, раввин Гольдшмидт не стиснул зубы и не подчинился властям, как это на благо общины всегда делали все раббаним в галуте? «Действительно, традиция всегда заключалась в том, чтобы делать то, что говорит цезарь, но сегодня всё по-другому по нескольким причинам, — отвечает Гольдшмидт. — Спустя восемьдесят лет после Холокоста мы, евреи, умеем обвинять немцев и поляков в том, что они не высказываются, когда могли бы. Мы живём в глобальной деревне, и весь мир прислушивается к тому, что мы говорим или не говорим. Поэтому мы не можем молчать».

Другим фактором, который убедил его в том, что молчание не вариант, стало существование Израиля, который изменил статус еврейского народа. «Сегодня мир не рассматривает нас как преследуемое меньшинство. Мир смотрит на Израиль и еврейский народ и знает, что мы лидеры».

А поэтому совершенно логично, что для главного раввина самым страшным было прослыть в глазах «хозяев» «рав-митаамом» — как называли связанных с правительством раввинов в царские времена. Собственно, этим самым «митаамом» Пинхас, по сути, и обозвал хабадского Бороду. Последний обиделся и поспешил отмагендовиться. О забавном ерлаше уже говорилось выше. «Причина кажущейся свободы, предоставленной раввину Лазару, заключается в том, что раввин Борода уже ясно обозначил прорежимную позицию их организации». Нет, ну вы представляете такое ляпнуть, когда весь мир — одна глобальная деревня?!

А дальше моё любимое место интервью... Сага Пинхаса близилась к концу. Широкими мазками беглый раввин рисовал апокалиптическую картину новейшей путинской России, когда «их маленькая семья крепко держалась вместе в море штормов». И вот, последний раз они заперли свой дом, выгрузили два чемодана в аэропорту и направились в Восточную Европу, чтобы быть вместе с еврейскими беженцами, спасающимися из Украины. «Это было похоже на сон в Москве и пробуждение в Тегеране! Старая Россия ушла».

Пробуждение Пинхаса в Тегеране — это вообще верлибр. По-моему, смешнее анекдота придумать просто невозможно.

Дальше по тексту идёт душеспитательное повествование о «десятках тысяч (!) контуженных» путинскими бомбами евреев и о нём — героическом Пинхасе, вынужденном курсировать между Иерусалимом, Европой и Америкой, повышая осведомлённость человечества о «бедственном положении российских евреев». А «бедственность», догадываетесь, в чём заключается?

«Украинские евреи получают огромную помощь — и это правильно, — размышляет бывший раввин. — Но гораздо большая российская еврейская община находится в глубокой беде. Санкции в отношении олигархов, которые поддерживали сеть учреждений, сократили своё финансирование. Дефицит в нашей собственной сети учреждений в настоящее время составляет 5 миллионов долларов как прямой результат войны и санкций. У евреев появилось чувство страха!»

Действительно, настоящая еврейская катастрофа выглядит именно так: олигархические деньги, которые были источником жизненной силы постсоветского еврейского возрождения, оказались отрезаны. И что же теперь? Снова пустыню топтать сандалиями и пенять на Моисея? Читатели, а вы не задумывались о том, кто и зачем сыграл с несчастными такую злую шутку? Чего же они снова своих-то по галутам глушат? Целились в Путина, а попали в кого?

Альбина ВОЛКОВА,
помощник депутата Законодательного Собрания
Приморского края

ДВА ФРОНТА РОССИИ

Вечером на пляже в бухте Прогулочной вблизи города Находка Приморского края люди проводили выходные дни: купались, загорали, вечером небо расцвело вспышками фейерверков. Сам город жил обыденной жизнью...

С голубых экранов ТВ лились хорошо поставленные голоса знатоков военных действий: крепкие холеные мужчины, в дорогих костюмах, в безопасных студиях с кондиционерами показывали свою причастность к военной специальной операции. Чем больше я смотрю и слушаю заполонивших экран «знатоков», тем большее раздражение они вызывают одним лишь появлением и тем большее отторжение вызывает всё, о чем они говорят. Почему это происходит? Вроде речи правильные, и лица порой носят трагическое выражение...

Но эти же самые лица с этих же экранов празднуют на всю страну юбилей. Почему в таком случае возникает чувство глубокого негатива к вещателям «голубого экрана», актерам, режиссерам, эстрадникам?.. Для себя я ответила на этот вопрос. Мне стало понятно, почему при виде этих лиц сердце наполняется болью... Потому что где-то в наших российских семьях сто-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

ит стон матерей, жён, детей тех, кто проливает свою кровь по призыву совести и понимания линии борьбы с фашизмом. Тех, кто всей своей жизнью защищает честь страны.

Видя очередной юбилей артистов, эстрадников, режиссеров, слушая, как кто-то из телеведущих «может позволить себе на выходные слетать в Сибирь к друзьям», режет душу это несоответствие доходов и уровня жизни, боли и праздника, слёз и смеха, света экранных прожекторов и отсветы взрывов снарядов в документальных съемках, лязга танковых гусениц и звуков музыки на «экранных» юбилеях...

Во всем этом лично мне видится какая-то двойная мораль, двойные стандарты и некий скрытый смысл.

Невольно сравнивается уровень жизни экранных певцов и тех, кто находится в окопах, в подвалах домов; где живут семьи первых и семьи рискующих своей жизнью; где учатся дети одних и других; какое лечение могут позволить себе экранная элита и люди, отдающие жизни за те ценности, о которых эти самые «герои» рассуждают...

Прекрасно понимаю, что идет гибридная война. Что на информационном фронте врагов не меньше. Но меньше риск и больше оплата труда как оценка профессии.

И возникает убежденность в какой-то глобальной несправедливости.

У Конфуция есть замечательные слова: «Умереть с голоду — событие маленькое, а утратить мораль — большое!»

Общество разделилось на тех, кто погибает, борясь с фашизмом, и тех, кто дискутирует о специальной военной операции. А еще на равнодушных, бездумных и безразличных. Общество разделилось на тех, в чей дом пришли похоронки и на тех, кто продолжает набивать себе карманы, откровенно нарушая закон (примеров много, один из самых безобидных — незаконные поборы в Находке за проезд к побережью). Можно такое представить в годы Великой Отечественной, чтобы одни соотечественники погибали на фронте, а другие обирали их семьи и народ? Видимо, в Находке две морали, две «линии фронта». Интересно было бы узнать: на чьей стороне мэр города и прокуратура?

Что стало с нашими моральными и нравственными ценностями? По какой шкале и кем они выстроены в обществе? Герои русских былин — это богатыри, защищающие Родину и народ. После подвига они возвращаются к работе на земле-матушке. Может, кому-то известна хоть одна былина, где главным героем были артисты и чиновники?

Главный компонент национального богатства — человеческий капитал. А условие его накопления — высокое каче-

---

ство жизни как трудовой, так и социальной. Какие профессии в России сегодня могут обеспечить это самое высокое качество жизни себе и своим близким? Разве можно сравнить уровень зарплаты телеведущего и военного, актера и врача, какого-нибудь эстрадника и учителя?

Или это тоже «второй фронт» против России?

Почему стало возможным такое вопиющее разделение уровня жизни людей? Почему Великая Отечественная война была бедой всего народа, а сегодня специальная военная операция для одних — это смерть, горе и слезы, для других — дополнительные гонорары и повышение дохода?

На долю одних семей выпала страшная участь: в мирное время хоронить близких, погибших, защищая Родину. На долю других, называющих себя россиянами — доказывать, что самое страшное место на Земле — это семья. Или так готовится «почва» к возвращению мужчин из окопов? Мужчин, которые смотрят смерти в глаза.

Именно такой пример продемонстрировал Нижний Новгород, где проходила фото-выставка о «жертвах семейно-бытового насилия», посвященная пережившим насилие женщинам. Выставка была организована Нижегородским женским кризисным центром и широко рекламируется местными СМИ.

Первое, что бросилось в глаза, это тот факт, что данная информация умышленно искажена, из чего можно сделать вывод о манипуляции сознанием людей с использованием определенных эмоциональных рычагов. Общественная организация РВС проводила исследование данной тематики. Согласно статистике, жертвами домашнего насилия гораздо чаще женщин становятся мужчины, и это данные МВД России.

Само название проходящей в Нижнем Новгороде выставки, форма ее представления нижегородцам искажают фактические данные по теме преступлений в семейной сфере, и, несмненно, имеют совершенно иную цель: подрыв уважения к мужчинам. Моральный аспект данной выставки, похоже, содержит умышленный уклон в представление мужчин как агрессоров, опасных для детей и женщин.

На мой взгляд, во время специальной операции, подобная выставочная деятельность выглядит как минимум неуместной. В то время, когда наши мужчины проливают кровь, здесь, в России, общественная организация с весьма сомнительной репутацией настраивает женщин и общественность против мужчин.

Мы помним, как этот кризисный центр доказывал необходимость принятия закона о семейно-бытовом насилии, продвигаемого центром «Анна» (признан иностранным агентом). Против этого закона встала практически вся страна.

Мало кто знает о данной организации. ИА «Красная весна» публиковала данные о работе центра и его руководительнице: «С 2000 по 2001 годы она обучалась по программе «Молодые лидеры» Совета по международным исследованиям и обменов. На официальной странице Совета указано, что программа «Молодые лидеры» — это программа отдела образовательных и культурных программ Госдепартамента США, которая финансировалась в рамках «Акта в поддержку свободы» и координировалась Советом международных научных исследований (IREX) с 1999 по 2005 г. Отмечается, что «по окончании программы российские участники вернулись в свои регионы и, работая в общественных, государственных и коммерческих структурах, продолжают вносить свой вклад в развитие т.н. *гражданского общества* в России с учетом тех знаний и опыта, которые они получили во время учебы и стажировки в США».

Действительно, трудно понять губернатора области, мэра города, где в разгар специальной военной операции проводятся подобные выставки, дискредитирующие мужскую часть населения.

Более актуальна и понята обществом была бы выставка в центре города, где с огромных фотоплакатов на нас смотрели бы глаза героев, бьющихся с фашизмом сегодня и бившихся с фашистами во время Великой Отечественной. Переключка времен. Высшим патриотизмом был бы показ Защитников Отечества всех времён.

Но мы видим, как минимум, странное понимание шкалы ценностей у нижегородских губернатора и мэра.

Греческий философ Антисфен, живший в V веке до н.э., писал: «Государства погибают тогда, когда не могут более отличить хороших людей от дурных!». А вот имеется ли такое понимание у главы региона в Нижнем Новгороде?! На чьей стороне руководство города и региона?! По какую они сторону линии фронта?

И опять возвращаюсь к вопросу о том, что же стало с нашим обществом, с нашими чиновниками, если такое стало возможным?! Не могу себе представить подобную выставку во время Великой Отечественной войны. Почему же то, что было недопустимо в нашей стране тогда, стало возможно сегодня? За какие ценности отдают жизни наши парни?! Или чиновники и общество тоже разделились на два фронта?

С КЕМ ВОЮЕТ РУССКИЙ МИР?

Всякий военный конфликт имеет подоплёку, экономическую или политическую. Много можно найти тому указаний, объяснений и теорий. Но когда военный конфликт происходит между двумя или более мировыми центрами сил, а точнее — цивилизациями, то характер такого конфликта носит цивилизационный характер, то есть характер мировоззренческий, а если копать глубже — религиозный, то есть духовный.

Уже, наверное, ни у кого не вызывает сомнений, что текущие военные действия на территории бывшей Украины развернулись между Россией и коллективным Западом. Политические заявления Запада в поддержку преступного киевского режима, массовая поставка оружия и наёмников, финансовые вливания и предоставление всех систем разведки — это прямое тому доказательство. Но это всё технологические аспекты западного влияния. А есть и мировоззренческое вдохновение или напутствие Запада киевскому режиму. На это имеются вполне прямые и публичные факты. Например, премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий недавно заявил о необходимости уничтожить идеологию Русского мира. И никто со стороны Запада его не одёрнул, а, значит, господин Моравецкий высказал, так сказать, общую позицию. Что такое идеология Русского мира, подробно объяснять не надо, это — идеология русской православной Империи, идеология российской традиции, идеология традиционных ценностей народов России. Вот что хочет уничтожить господин с говорящей фамилией Моравецкий, которая происходит от понятия болото. Нечисть любит болото, нечисть сама из болота.

А с кем же воюет Русский мир? Президент и Главнокомандующий России В.В. Путин указал одну из целей специальной военной операции (СВО) — денацификация. Денацификация как цель СВО — это силовые действия, направленные на защиту и очищение, по крайней мере, Новороссии, от

нацистов и влияния нацистской идеологии. А то, что Украину после государственного переворота в 2013—2014 гг. захватили и поглотили нацистские силы, тоже общеизвестный факт. Более того, вскрывается всё больше и больше фактов, что Запад спонсировал и взращивал нацизм на Украине, сделал его духовным знаменем киевского режима.

Но что есть нацизм? Нацизм — это не националистическая идеология, нацизм — это неоязыческий культ. И этому также есть вполне публичные исторические подтверждения. Всем известно, что многие нацистские вожди, в том числе и Гитлер, разделяли идеи и деятельность таких организаций, как общество «Туле», общество «Врил», «Аненербе» и т.п. Суть их была одна: нацисты — это потомки высшей древней расы. Расы, которая была богами и обладала сверхчеловеческими способностями, которая правила миром и призвана к этому, но в результате некоего катаклизма ушла под Землю или скрылась в труднодоступных местах Земли до поры до времени.

С 1918 года члены этих тайных политических обществ, используя различные эзотерические практики, якобы вступали в контакт с этой подземной расой, получали от неё знания, в том числе высокотехнологичные. Жрецы этих обществ также определили, что Адольф Гитлер — это новый мессия мира и готовили его приход к власти, взращивали милитаризм и всеобщее помешательство германского народа.

И как апогей их многолетней деятельности и пролог к развязыванию войны за мировое господство — они совершили немецкую якобы научно-исследовательскую экспедицию в Тибет под эгидой организации «Аненербе» (май 1938 — август 1939 года) под руководством учёного Эрнста Шефера. Там они якобы вступили в контакт со жрецами этих древних подземных богов и, как вспоминали некоторые из окружения руководства нацистского режима и их семей, получили благословение на мировую войну и даже были снабжены какими-то техническими устройствами-артефактами этой самой древней расы. После их возвращения Германия напала на Советский Союз, а немецкая гражданская и военная индустрия стала показывать какие-то просто фантастические достижения для той эпохи: телевизионные прямые эфиры, кабельное телевидение, ракетная техника, ядерные установки и так далее.

Но как мы знаем, в мае 1945 года советская Россия разгромила этот нацистский неоязыческий проект. Произошло это в день Святого Георгия Победоносца, что было несомненным указанием на великий духовный смысл Победы, на то, что Россия имеет свою духовную поддержку и защиту.

Относительно же так называемой подземной расы со сверхчеловеческими способностями, то и православная, и мусульманская и, конечно, иудейская традиции однозначно трактуют её как поверженное в допотопные времена и заточенное в подземелье древнее возгордившееся и жаждущее реванша вселенское зло. И получается, что и ныне Россия в который уже раз встала на защиту добра и света и начала тяжелую и трудную битву с этим древним злом, с его пособниками как на Западе, так и на территории бывшей Украины.

Роман ЮШКОВ

ДОЖИВЁМ ЛИ?..

У всех нормальных русских людей в последние месяцы появился повод для радости: постылое «россиянство» почти ушло из публичного пространства, по крайней мере, сильно отступило. Вместо него закономерно почти уже утвердилось слово «русский», тут и там в текстах и эфирах звучит: русские... русский народ... русская земля... русские воины... русская культура... русская армия... Но есть в этой радости и ложка дёгтя.

Как только разговор в каком-нибудь эфире или видеостриме не проскочит пугливо, а хоть чуть-чуть задержится, собственно, на русскости и русском народе, так обязательно выйдет заминка. Потому что среди гостей в студии или среди слушателей-комментаторов обязательно найдётся бдительный толераст-многонационал. И он обязательно вякнет что-то в духе: «А почему опять у вас только русские?! А как же остальные ббб проживающих в России народов?!» И тут у любого «эксперта» из самых, казалось бы, горячих русских «патриотов» неизменно в голове случается полонка и просыпается в крови впитанный с молоком матери «страх иудейский».

И тут уж пошло-поехало: ну... русские... это же типа идейная общность... это политическая нация... к ней может примкнуть кто угодно, хоть негр преклонных годов... главное, что он любит Россию... Ну то есть русские это опять не народ, не этнос, а проходной двор для всех желающих. Хоть еврея Жириновского подымай из гроба, чтобы он им ответил, а наши «русские» ведущие и «эксперты» от этой темы дрожат и трусливо пятятся.

А всего-то и надо сказать ну хотя бы примерно так: «Уважаемые представители других народов! Вам придётся признать и принять, что русские — государствообразующий и главный народ России. Именно русские в силу разных причин создали великую империю, пропитали своими потом и кровью эту бескрайнюю суровую землю, стали стержнем и фундаментом нашей страны. Да, в силу разных причин, о которых можно отдельно говорить, это дано было сделать не удмуртам, не татарам, не ингушам, не ненцам и не прочим прекрасным народам, а именно русским. Россия, то есть земля россов, создана русскими. Гипотетическое исчезновение любого из других народов она переживёт. Её существование и целостность зависит только лишь и исключительно от существования русских, хотя бы исходя из количественных параметров — только русские являются необходимым условием продолжения России. И поэтому русские имеют не только трудную миссию, но и особые права государствообразующего народа. Например, именно русский язык, русская ментальность, русская мысль, русская культура и русская политика доминируют в России и формируют духовный и культурный облик страны. Да, не якутский язык и не тувинская мысль доминируют, а именно русские, так уж определила история. Хотя никто на основании этого не собирается угнетать, обижать и дискриминировать вас, другие народы».

Есть ли в этих словах какой-то экстремизм и какое-то разжигание розни? Нет абсолютно, даже с точки зрения нашего идиотского антиэкстремистского законодательства. Лишь простая констатация исторического факта.

Ну а если набраться ещё на капельку смелости, то можно добавить и следующее: если у вас, представители других народов, нет к этому расовых преград, то вы спокойно можете ассимилироваться и присоединиться к великому русскому народу. Русские — самый открытый народ, который принял и принимает в себя очень многих, как большая река принимает притоки и малые ручейки. А не хотите расставаться со своей марийскостью, или татарством, или чувашеством — нет вопросов, храните себе на здоровье свою малую аутентичную этничность, вольному воля.

Но доживём ли, услышим ли, как в стране россов россы посмеют сказать о себе в полный голос?

ВЗЯЛИСЬ ЗА «СОХНУТ»...

21 июля 2022 года Министерство юстиции России подало иск в суд с требованием ликвидации еврейского агентства «Сохнут». По сообщению ТАСС, «В суд поступил иск Министерства юстиции РФ с требованием ликвидации автономной некоммерческой организации по поддержке связей с еврейской диаспорой «Еврейское агентство «Сохнут». Иск связан с нарушениями «Сохнутом» российского законодательства».

Агентство «Завтра» пишет: «Многие, очень многие эксперты всегда считали «Сохнут» глобальной подрывной сетью. Теперь к такому же выводу, судя по всему, пришли российские власти. Даже не верится. Ликвидация российских ячеек еврейского агентства станет монументальной пощёчиной государству Израиль, сионизму в целом. Реально, СВО ознаменовала слом доселе незыблемых конструкций, наступление новой эпохи».

Что тут началось! Израильский премьер-министр Яир Лапид в Тель-Авиве созвал аж экстренное совещание по такому поводу. Было решено направить в Москву совместную делегацию канцелярии премьера, министерства иностранных дел, министерств юстиции и абсорбции, дабы предотвратить решение о ликвидации. Хотели что-то обсуждать аж с президентом России. Но В.В. Путин не пожелал встречаться с высокой израильской делегацией, которая 27 июля прибыла в Москву.

Кроме того, Яр Лапид поручил своему МИДу разработать ряд политических мер в отношении Москвы в случае закрытия российских офисов еврейского агентства «Сохнут». Среди возможных мер называли присоединение Израиля к западным санкциям против России. Это не первое «предупреждение» Израйля России. Такое же было после слов Министра иностранных дел России С.В. Лаврова 1 мая 2022 года: «Он (Зеленский) выдвигает аргумент: какая у них (на Украине) может быть нацификация, если он еврей. Могу ошибиться, но у Гитлера тоже была еврейская кровь. Это абсолютно ничего не значит».

Из справки ТАСС: «Высший орган правления Еврейского агентства («Сохнут») — Генеральная ассамблея, ежегодное

собрание, проходящее в Израиле... В ней участвуют делегаты, избранные по следующему принципу: 50% представителей Всемирной сионистской организации, 30% Объединенных еврейских федераций и 20% от Основного фонда (организации, собирающей пожертвования для Израиля). В ходе Ассамблеи перед делегатами традиционно выступают президент Израиля, премьер-министр и глава оппозиции. В заседаниях и дискуссиях обсуждаются такие вопросы, как демография, укрепление связей между евреями диаспоры и Израилем, антисемитизм, еврейская самоидентификация молодого поколения, репатриация и участие в еврейской общественной жизни... Еврейское агентство («Сохнут») начало работать на территории СССР при Михаиле Горбачеве, проводившем курс на сближение с Западом. Первое представительство открылось в 1989 году... Представительства Еврейского агентства работают в России, Белоруссии, Украине, Молдове, Азербайджане, Грузии, Узбекистане и Казахстане. В России они действуют в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Екатеринбурге, Иркутске, Новосибирске, Хабаровске... Организация финансируется крупными еврейскими общинами и федерациями, фондами и спонсорами со всего мира, Международным товариществом христиан и евреев...»

Российский мультимиллиардер Роман Абрамович в 2019 году пожертвовал израильскому агентству «Сохнут» 5 млн. долларов. Израильские СМИ называют это самым большим взносом еврейскому агентству от одного донора. А незадолго до этого в Федерации еврейских общин России (ФЕОР) сообщили, что за 20 лет бизнесмен пожертвовал на поддержку еврейских общин по всему миру около 500 млн. долларов. Президент федерации еврейских общин раввин Александр Борода (большой друг и ближайший сподвижник Берла Лазара) в интервью The Jerusalem Post заявил, что благодаря Абрамовичу проходит порядка 80% всех еврейских мероприятий в России.

Ещё несколько уточнений по агентству «Сохнут». Оно было основано в 1929 году как часть Всемирной сионистской организации. Агентство «Блокнот» отмечает: *«Сохнут» — международная организация с центром в Израиле, которая занимается репатриацией в страну и помощью репатриантам, а также вопросами, связанными с еврейско-сионистским воспитанием и глобальным еврейским сообществом. Её истоки берут начало в 1908 году, когда Всемирная сионистская организация создала на территории Османской империи Палестинское еврейское бюро... 11 августа 1929 года решением 16-го Сионистского конгресса в Цюрихе бюро было переименовано в Еврейское агентство, штаб-квартира перенесена из Яффы (ныне Тель-Авив) в Лондон. Многие ис-*

торики утверждают, что именно тогда на базе агентства была создана первая еврейская разведывательная служба «Шерут едит». Именно она стала основой всех современных спецслужб Израиля... Во многих странах «Сохнут» называют «троянским конём» еврейского государства, создающим легальное прикрытие для работы израильской разведки во всём мире. Например, 6 июля стало известно о задержании по обвинению в хищениях ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы Владимира Мау. Как пишет телеграмм-канал «Незыгарь», в момент задержания Мау пытался связаться с высокопоставленным сотрудником «Сохнута», который является действующим офицером Моссада».

Среди главных причин необходимости закрытия «Сохнут» одни наблюдатели выделяют сбор агентством сведений о российских гражданах еврейского происхождения и то, что при репатриации отдаётся предпочтение ученым и предпринимателям, то есть «Сохнут» занимается плановой утечкой мозгов из России в Израиль. Ряд других экспертов называют неофициальной причиной наличие в структуре агентства действующих сотрудников Моссада. Конечно, это один из важнейших факторов к закрытию — «Сохнут» является инструментом для Моссад и иных спецслужб Израиля. Иные «эксперты» делают акцент на внешний контур, сближение России с Ираном, недавнюю поездку Путина в Тегеран. Но все в той или иной степени соглашаются, что дело связано с освободительным походом России на т.н. Украину.

Представители российской власти заявляют, что причиной закрытия является нарушение российских законов. «Это не связано с утечкой мозгов, это связано с соблюдением российского законодательства», — заявил пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков. Говоря про агентство «Сохнут», официальный представитель МИД России Мария Захарова отметила, что вопрос лежит в правовой плоскости. Но начала свои размышления Мария Захарова с темы неконструктивной позиции Израиля относительно ситуации на Украине. По её словам, позиция Тель-Авива была направлена исключительно в поддержку киевского режима, что созвучно действиям Запада.

Скорее всего Израиль своими всеобъемлющими связями, нажимами и уговорами вытянет данное дело, «уговорит» власти России не закрывать «Сохнут». Но то, что это произошло, что наше государство воочию увидело тлетворную деятельность «Сохнут» и предъявило обвинение этой организации — факт красноречивый. Ещё год назад такого и близко быть не могло.

РУССКИЙ МИР И СВО

Я думаю, все прекрасно понимают, что в ходе СВО решается вопрос, кто кого одолеет: новоявленное украинство или исконный Русский мир. Это понимаем как мы, так и наши враги, недаром само это словосочетание — Русский мир — вызывает у них звериную злобу и ненависть.

Не случайно патентованный недруг России, глава польского правительства Матеуш Моравецкий в статье, опубликованной в *The Telegraph*, заявил, что идеология «Русского мира» представляет угрозу для всех европейских стран, и призвал: «Недостаточно поддерживать Украину в ее военной борьбе с Россией. Мы должны полностью искоренить эту чудовищную новую идеологию».

Не отстают от Моравецкого и сонмы различных украинских пропагандистов и политиков. За многие годы, предшествовавшие СВО, мы довольно наслышались о том, что «Русский мир — это гибель Украины», что с ним необходимо покончить решительно и бесповоротно. Например, украинский президент Петр Порошенко заявил, что считать Украину частью Русского мира может лишь сумасшедший. Выступая в Краматорске (Донецкая область), он сказал, в корне извращая суть дела: «Почти 2,5 тыс. украинских героев отдали свою жизнь для того, чтобы освободить Донбасс, защитить его от так называемого Русского мира». Публицист Александр Тверской, рассуждая о событиях в Донбассе, пишет, что «украинцы сдерживают кровожадный Русский мир на последнем рубеже». А заместитель генерального директора украинского телеканала АТР Айдер Муждабаев заявил: «Всё, что имеет в корне слово «Россия», всё, что с ним сейчас хоть как-либо связано, — это кристальное, тотальное и доказанное зло. Как для украинцев, так и для всего мира не пещерных людей». И т.д., и т.п.

Особенно усилились нападки на Русский мир после воссоединения России с Крымом, когда эта доктрина прозвуча-

---

ла с самой вершины российской власти. О необходимости защитить и консолидировать Русский мир заговорил наш президент Владимир Путин еще в 2014 году. А в 2015 году глава МИДа Сергей Лавров также публично отметил важность развития Русского мира; он сказал, что для России поддержка Русского мира служит «безусловным внешнеполитическим приоритетом».

Ответом украинской стороны стали попытки запретить в бандеровской державе даже само понятие Русского мира. 28 сентября 2018 года в Верховной Раде зарегистрировали проект закона № 9139 «О внесении изменений в закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики» (об осуждении и запрете «русского мира» в Украине)». Это выдающийся памятник украинского законотворчества. Статью 436-1 уголовного кодекса предлагается дополнить пунктом о пропаганде Русского мира. Все формы популяризации этой идеи будут наказываться ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок с конфискацией имущества или без таковой. Подобная пропаганда должна быть запрещена всем юридическим лицам, политическим партиям, СМИ, общественным организациям. Кроме того, после принятия закона Центральная избирательная комиссия получит право не регистрировать кандидатов в президенты и народные депутаты, политические партии, которые публично ведут пропаганду Русского мира. В пояснительной записке сказано: «Необходимо однозначное осуждение и запрет на законодательном уровне в Украине идеи «русского мира» как формы национал-социализма (нацизма)». Кто бы говорил!

В марте 2021 на этот раз уже депутаты правящей партии «Слуга народа» внесли в Верховную раду законопроект об установлении уголовной ответственности за пропаганду идеологии «русского мира». Законопроект разработан группой парламентариев во главе с внефракционным депутатом Александром Шевченко. Авторы документа предлагают наказывать за продвижение подобных идей тюремным сроком до 10 лет.

К разнузданной кампании против Русского мира подключились активисты так называемой Православной церкви Украины. На заседании Синода этой церковной организации 27 июля с.г. они приняли «Письмо о привлечении российского патриарха Кирилла к канонической ответственности и лишении его патриаршего престола». В письме иерархи ПЦУ требуют «осудить доктрину «русского мира» и признать

ее еретической; квалифицировать действия патриарха Кирилла на канонической территории Александрийского патриархата как схизматические (раскольнические); лишить Кирилла Гундяева права занимать Московский патриарший престол». Ни много ни мало.

Вероятно, в связи со всеми подобными инициативами украинский вице-премьер Вячеслав Кириленко уверяет, что отныне на Украине «российская ментальность закрыта».

К сожалению, деятельность ненавистников Русского мира не ограничилась декларациями и законопроектами. Недавно они совершили чудовищное преступление: взорвали молодую журналистку и общественного деятеля Дарью Дугину, дочь известного разработчика идеологии Русского мира философа А.Г. Дугина, которая и сама была предана этой идее, служила ей истово. В связи с этим бесчеловечным терактом глава комитета Госдумы по международным делам и руководитель ЛДПР Леонид Слуцкий назвал взрыв машины Дугой «атакой на скрепы Русского мира».

Ненависть к Русскому миру и борьба с ним не на живот, а на смерть со стороны врагов России, а также русофобствующей хунты Украины и ее адептов не удивляет.

Удивляет, что в самой России находятся борцы с Русским миром, чье рвение мало уступает рвению наших прямых и откровенных врагов.

В общем и целом реабилитация и поддержка Русского мира произошла не только на вершине нашей властной пирамиды, но и во всем российском обществе. Это движение, по мнению некоторых наблюдателей, затронуло даже структуры, непосредственно осуществляющие политическое руководство и контроль. 4 августа, например, информационное агентство *Readovka* распространило такое извещение: «Центрам “Э” (подразделения МВД, заточенные на борьбу с экстремизмом. — А.С.) по всей стране поступило распоряжение перестать «кошмарить» по 282-й статье за пропаганду русского национализма. При этом вопросы межнациональных конфликтов теперь будут пресекаться в разы жестче. Кажется, в нашей стране, наконец, задались вопросами идеологии. Как стало известно *Readovka* от трех источников, имеющих отношение к проблеме, в вопросах возбуждения производства дел по 282-й статье на места поступили новые вводные. Теперь «эшникам» настоятельно не рекомендуют касаться вопросов обсуждения русской идентичности и пропаганды русской нации вообще. Связано это в первую очередь, естественно, с СВО — стало публиковаться слишком много пограничных, по мнению силовиков, постов в соцсетях, за-

---

частую от простых жителей, которых точно нельзя заподозрить в экстремизме. Этот патриотический народный порыв было решено никак не пресекать и дать волю русским открыто признаваться в величии государствообразующей нации и ее значимости в мировом масштабе. Однако Россия была бы какой-то другой страной, если бы у этой истории не было обратной стороны. Вместе с тем на места поступило и распоряжение усилить контроль за любыми проявлениями межнациональной розни, такое будет теперь пресекаться в разы жестче».

Появилась в данной связи даже надежда, что та самая межнациональная рознь отныне больше не будет привычно рассматриваться правоохранителями через призму презумпции виновности русских. А статья 282 повернется, наконец, против гостей нашей страны, возомнивших себя ее хозяевами. Как ветеран Русского движения, состоящий в нем с 1991 года, я отлично помню дикие преследования, которым подвергались русские люди, посмевшие в злые годы сурковщины выступить в защиту своих прав и интересов, особенно на почве именно межнациональных отношений. Несколько тысяч (!) молодых, горячих русских парней, вставших по велению сердца на защиту своего народа и того самого Русского мира, расселилось тогда по местам лишения свободы. Сколько судеб таких защитников оказалось сломано разными «органами»! В 2008 году мне даже пришлось написать по этому поводу статью со знаковым названием «Новая инквизиция», которую осмелился опубликовать журнал «Наш современник». В ней я рассказал о возрождении тоталитарного полицейского государства, о попытке антирусского геноцида, о запрете на откровенное и объективное обсуждение этнополитических проблем, о невозможности бороться с несправедливостью в отношении русских. Приводил множество примеров нелепых и противоправных преследований русских националистов.

Говорил я и о том, что «именно ФСБ формирует стратегическое направление («борьба с русскими националистами») и курирует весь процесс этой борьбы». Я написал тогда слова, под которыми подписываюсь и сегодня: «Стратегия такого поведения ФСБ в высшей степени неумна и противоречива. Ведь превратить русское движение из противника режима в его мощнейшего сторонника было бы совсем нетрудно, для этого надо лишь прислушаться к справедливым требованиям государствообразующего народа, начать защищать его права и интересы. От этого государство Россия (и его ФСБ) только укрепитя, получив безоговорочную под-

---

держку 82 % населения — мечта любого разумного политика. И наоборот, раздувать конфронтацию государства (в лице ФСБ и др.) с государствообразующим народом — это опасное безумие, сродни плеванью в колодец, которое ничем хорошим не кончится, а для самих плевателей может и вовсе обернуться трагически. Нельзя рубить сук, на котором все сидят. Таким образом, борьба Федеральной службы безопасности с Русским движением — есть борьба против самих основ государственной безопасности России».

Надо признаться, меня лично тоже не обошла волна репрессий в 2000-х и 2010-х годах: два обыска, полтора десятка попыток завести на меня уголовное дело по 282 статье или запретить мои книги. Но Бог милывал, удалось отбиться, хотя семь из моих тридцати с лишним книг таки запрещены, чем сегодня, можно бы, скорее, гордиться.

Ситуацию неожиданно для всех переломил лично президент Владимир Путин. Который, во-первых, выкинул из своей администрации Владислава Суркова, злого гения Русского движения, отца этой репрессивной политики. А во-вторых, воссоединил Крым с Россией, после чего в октябре 2014 года, выступая на Валдайском форуме, заявил вдруг: «Самый большой националист в России — это я». Чем поверг общественность в настоящий шок, ибо такого признания не ожидал никто. Но что сказано, то сказано. Признание Путина смело можно назвать поворотным в новейшей истории. В том же году прозвучал на весь свет и тезис о Русском мире. А это, согласитесь, уже тенденция.

Прямым следствием изменения внутривнутриполитического президентского курса я считаю внесение лично Путиным поправки в Конституцию России (2020 год), где русские в косвенном виде признаются государствообразующим народом. И высший арбитр — Конституционный суд России разъяснил: эта поправка действительно касается, конкретно, именно и только русского народа, который внес основной вклад в строительство России и на котором она, в основном, и держится ныне.

Итак, на самом вершине российского общества мы видим однозначную и четкую ориентацию на «замирение» власти с русским народом, на признании его значения, на поддержку Русского мира и его идеологов и деятелей, в конце концов. Что вполне правомерно и естественно в условиях СВО и подъема русского национального самосознания.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2022 год
(Август)

Вашингтон в 1986 году приказал взорвать Чернобыльскую АЭС. В 2022 году Вашингтон приказал Зеленскому уничтожить крупнейшую в Европе Запорожскую АЭС. Зеленский выполняет этот приказ. 11 августа В.А. Небензя на экстренном заседании Совбеза ООН зачитал жалобу России о ракетных и артиллерийских обстрелах «преступного киевского режима» Запорожской АЭС, «грозящих всему миру ядерной катастрофой, по масштабам сопоставимой с Чернобыльской». Но кому он жаловался? Тем, кто приказал взорвать Чернобыльскую и Запорожскую АЭС? Тем, кто потирает ладошки от удовлетворения? Генсек ООН, руководство МАГАТЭ и постоянные члены Совбеза не увидели в этих обстрелах опасности для атомной станции...

ВСУ нанесли ракетный удар по складу аммиака в Донецке. На складе начался пожар, произошел разлив аммиачной жидкости и ядовитое облако накрыло часть города. В ответ на жалобы российского МИДа т.н. «мировая общественность», потупив глазки, молчаливо усмехнулась.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

А Кремль продолжает нянчиться с Зеленским, с его министром обороны, как и со всем «преступным киевским режимом».

* * *

Шестой месяц войны. ВСУ с помощью вооружения, поступающего из Европы и Америки, обстреливают Донецк, Горловку, Макеевку и т.д. Абсолютно всем во всём мире ясно, что мы воюем с объединённым Западом, в том числе и на дипломатическом уровне. Но вот уже шестой месяц эту войну мы называем невнятным словом «спецоперация», которая якобы идет «по плану»... Никакая спецоперация не может длиться полгода, потому что в этом случае она должна называться иначе.

* * *

Парламент Латвии принял постановление о признании России «страной, спонсирующей терроризм».

Эстония запретила въезд в страну всем россиянам.

Польша объявила о ликвидации всех памятников советским воинам-освободителям.

Должна ли быть на всё это и подобные действия стран, освобожденных нами от нацизма, реакция Кремля? Любой здравомыслящий русский человек скажет: несомненно, да, должна быть. Но ее почему-то нет...

* * *

Никакой Украины не должно быть вообще. Украина в качестве отдельного государства — это географическое и политическое недоразумение, придуманное на Западе. И никаких украинцев как официально и документально закреплённой национальности тоже не должно быть. Это такое же недоразумение, внедрённое в общественное сознание по принципу места проживания данного населения, к примеру, как псковитяне, вологжане или вятичи, в то время как во всём мире именно название народа определяет название государства. Малороссы в качестве названия данного населения ещё могут быть и были таковыми до XX века, а вот понятие «украинец» как национальность в будущем должно быть изъято из официального употребления.

Украина как самостоятельная территория всегда будет враждебна России, какую бы часть земли она ни занимала. История и жизнь нам это показали и убедили нас в этом со всей горькой правдой и очевидностью. И всегда под личиной «незалежности» она будет вынашивать планы нанесе-

---

ния вреда России и русским. Поэтому никакой «незалежности» Украины, как и Малороссии, в будущем быть не должно. Эта территория обязана стать и быть частью России на веки вечные. И если наше поколение еще не способно это до конца понять, то наши потомки это все равно осознают с неотвратимой неизбежностью. Чем раньше, тем лучше для всех.

* * *

К этому всё шло неизбежно. Оставался только один вопрос: когда? В конце концов это произошло уже на наших глазах. Депутат Европарламента Мартин Зоннеборн публично, с парламентской трибуны, выразил общее европейское мнение: «Пришла пора реабилитировать Гитлера за то, что он убивал русских». Депутат Европарламента наконец озвучил это мнение, после чего дело будет за малым: конечно же, реабилитируют. И, конечно же, «фюрер» станет их официальным героем, лидером, вождем, каким стал Бандера на территории, всё еще называемой Украиной.

* * *

Вспомним, как упорно в 90-е годы Запад через «демократическое» ТВ и другие либеральные СМИ вдалбливал в сознание наших людей понятие «толерантности». То есть нам, обладавшим советским менталитетом, внушали терпимость по отношению к другим мнениям, другой идеологии, другим, т.е. западным, «свободным», «цивилизованным ценностям». И что же мы видим и слышим теперь? Весь Запад объединился на почве ненависти и ксенофобии по отношению к нам. Откровенная, злобная, истеричная русофобия стала единой политикой, единой идеологией Запада. Напоминание о «толерантности» вызывает у них зубовой скрежет, злобный оскал и нецензурную брань. Всего-то прошло около 30 лет, но как перевернулись американские и европейские идеологии, учившие нас терпимости ко всему «другому»!

Оголтелая, прущая из всех щелей русофобия Запада, и прежде всего Европы, — это и есть самый убедительный признак окончательного разложения западной и в первую очередь европейской морали, вступления западного мира в период конца его истории. На самом деле Европа, как и Америка (США), ведут войну не с Россией, а сами с собой.

Маски толерантности, демократии и либерализма сброшены окончательно. Русофобия в совокупности с содомизацией — это публичное, демонстративное самоубийство Запада.

***

По «Маяку» сообщили, что человечество достигло на нашей планете этой цифры: 8 миллиардов. Но самое интересное заключается в том, что мужчины и женщины на Земле разделены поровну — по 4 млрд. Вот как распределила человечество умная природа, не глядя на европейских дегенератов, которые насчитали более двадцати гендеров...

***

Доигрались российские власти в либерализм и демократию. Доигрались в тридцатилетнее потакание украинскому нацизму. Теперь «демократическая» Европа не допускает русских на свою территорию. А украинский нацизм приходится выжигать калёным железом. Но что делать с либеральной заразой в мозгах российского чиновничества? Чем ее будем вытравливать? Да и есть ли такое желание в самых верхах страны? Слибералистическими мозгами проельцинского чиновничества выжечь русофобский нацизм отколовшихся «советских» окраин не получится. Прежде всего нужна «денацификация» либеральной заразы в самой России.

***

Еще в апреле после ракетных ударов по Белгородской области наши МИД и Генштаб пообещали в случае повторных обстрелов российской территории нанести удары по украинским «объектам принятия решений». С тех пор неоднократно обстреливались не только все приграничные с Украиной российские территории и совершались теракты в Крыму, но и было несколько диверсионных попыток нанести вред Курской АЭС. Вот уже заканчивается август месяц, однако никаких вразумительных ответов наших ВКС по «штабам и центрам принятия решений» так и не последовало. Почему? Тут у всех большая почва для догадок и размышлений... Но для чего было обещать? Ведь заранее было ясно, что все эти обещания — пустое сотрясение воздуха.

***

Власти паршивой Чухни (Эстонии) объявили о своем решении убрать все памятники советским воинам. 16 августа в г. Нарве, населённом в основном русскими, был снят с постаментов танк-памятник Т-34, несмотря на массовые публичные возмущения жителей города. Российский МИД по этому поводу выразил Эстонии свой смехотворный, бессмысленный протест. Этим и ограничился. Было бы очень пра-

---

вильно, если бы русское население Нарвы выразило свой протест российскому МИДу за пустословную бесхребетность и за тридцатилетнее потакание чухонскому русофобскому нацизму.

* * *

Абсолютно очевидно, что в 2014 году Украина была не готова к войне с Россией — ни физически, ни морально. События в Крыму это ярко подтвердили. И мы сами дали ей 8 лет, чтобы Запад накачал ее оружием и создал по всей ее юго-восточной границе оборонительные заслоны, которые за прошедшие полгода с начала «специальной операции» до сих пор не позволили нам полностью освободить Донбасс. (Слово «мы» здесь, само собой, очень условно.)

* * *

21 августа в Подмосковье была взорвана машина Александра Дугина, за рулем которой оказалась его 29-летняя дочь Дарья. Она погибла на месте взрыва. Возможно, покушались на самого А.Г. Дугина, широко известного философа и общественного деятеля. Но Дарья за несколько дней до этого была в Мариуполе и вела телевизионный репортаж с завода «Азовсталь», а затем выступала на Первом канале ТВ в передаче «Время покажет» с разоблачительными для Киева фактами бесчеловечных деяний преступного режима. Так что она и сама могла быть приговорена к смерти киевскими озверевшими нелюдьми.

Я множество раз писал о том, что страна уже давно насыщена сетью украинских диверсантов. Это ясно практически всем, кроме, пожалуй, российских властей. Во всяком случае никто из ее представителей на эту тему до сих пор публично не высказывался. Правда, сразу после теракта с машиной Дугина, поспешила отметить Мария Захарова, заведя свою заезженную шарманку: «Если вдруг окажется, что к этому убийству причастны киевские спецслужбы, то мы будем иметь полное право называть киевский режим террористическим...» А то до этого мы такого права не имели, и у нас не было фактов причастности киевского режима к бесчисленным террористическим актам... Остается только сказать: Мария Владимировна, ваших обещаний мы наслушались вдоволь. Лучше объясните, почему у нас до сей поры не введен визовый режим с Украиной?.. И наша граница с ней для кого угодно — это проходной двор. Причём исключительно в российскую сторону.. Хотя в свою сторону Киев ви-

---

зовый режим ввел. Я уж не говорю о сохранении с «преступной киевской властью» дипломатических отношений...

***

Баснословные пожары в Рязанской области, конечно же, все центральные СМИ объясняют, как и положено, природными причинами...

***

Уже на следующий день после теракта под Можайском, в результате которого погибла Дарья Дугина, ФСБ объявила о раскрытии всех его деталей и личности исполнительницы, которая прибыла в Москву из Украины. Ею оказалась завербованная СБУ, член террористического «Азова» 43-летняя Наталья Вовк. Исполнив теракт, в тот же день она смогла выехать из России в Эстонию, где ее уже ждали сотрудники СБУ.

Однако, по всей видимости, и этого факта (одного из многочисленных) будет недостаточно, чтобы на официальном кремлевском уровне объявить Украину террористическим государством. Остается только задать Марии Захаровой вынужденный риторический вопрос (который, как всегда, повиснет в воздухе без ответа): Мария Владимировна, кажется, Вы тут что-то на днях обещали?..

***

24 августа в Риге снесен памятник советским воинам, освободившим город от фашистских захватчиков. Людей, вышедших с протестом против этого сноса, полиция жестко задерживала и отправляла под арест. Латышские власти объявили о плане сноса всех памятников советским воинам-освободителям. Одновременно они пообещали всех недовольных этими действиями и всех, имеющих пророссийские взгляды, депортировать из страны.

Приходится задавать еще один риторический вопрос: почему по отношению к оборзевшим от наглости и подлости, отпущенным нами на свободу прибалтийским «государствам»-вырожденцам со стороны Кремля нет никаких санкций? Понятно, что этот вопрос отправляется в пустоту. Но пусть те, кому положено, знают, что такой вопрос в сознании многих наших людей существует.

К великому сожалению, российская власть как все тридцать последних лет, так и теперь не выполняет своих прямых **обязанностей** по отношению к русскому населению фашистских прибалтийских лимитрофов.

Приходится произносить нелюбезные слова по отношению к российским властям. И слова эти — отражение настроения и мнения улицы, простых людей нашей страны. Особенно эти настроения и мнения обострились после безнаказанного (надеюсь, пока безнаказанного), за пределами наглого ядерного шантажа киевских зеленских ублюдков. Народ прямо спрашивает: почему эти недочеловеки еще живы и могут так себя вести после нашей полугодовой «специальной военной операции» на Украине? Почему за полгода контрактная армия Шойгу так и не освободила Донбасс и не приблизилась к Харькову? И ответы на эти вопросы, за неимением вразумительных и четких ответов со стороны Кремля и Минобороны, у простых людей тоже имеются. И они, как это ни грустно, — тоже нелюбезны для наших властей.

А ответы эти таковы. Силами одних контрактников воевать со всей Европой — это не что иное, как излишне амбициозная самоуверенность, если не сказать — самонадеянность. И через полгода топтания возле Донецка продолжать эту блефовую амбициозность — значит не иметь способности признавать собственные стратегические ошибки, обходящиеся нам слишком дорогой ценой, прежде всего человеческой ценой. Но и политическая цена этой амбициозной самонадеянности тоже слишком высока. Враг видит слабые стороны «спецоперации» и еще больше нагнетает. Каждодневные обстрелы Донецка, Запорожской АЭС, украинские диверсии на территории, прилегающей к Курской АЭС, и в Крыму — это и есть результат упёртой амбициозности идеи контрактной «армии», которая, в свою очередь, стала заложницей кремлевско-генштабовского блефа о спецоперации малыми силами. И самое трагичное заключается в том, что этот блеф упёрто продолжается, что Украине не объявляется война, и реальная, регулярная, действительная, призывная армия всё еще сидит по казармам и не вступает в войну за освобождение русской земли, оккупированной фашистским объединенным Западом. Нам уже рассказывают про предстоящие боевые действия осенью и зимой будущего года... То есть этот блеф, как нам внушают, будет продолжаться и дальше. И мы должны, мы просто обязаны с этим самонадеянным блефом смириться...

Почему вообще был возможен ядерный шантаж киевской преступной банды, этих жидобандеровских нелюдей,

---

по отношению к Запорожской АЭС? Да потому, что российская контрактная «армия» (то ли «по плану», то ли не «по плану» «специкации») до сих пор воюет возле донбасской Авдеевки. В то время как российская регулярная армия уже через месяц после 24 февраля обязана была находиться в Киеве. Только лишь потому, что Кремль, как и восемь лет назад, на это не решился, а малочисленная контрактная «армия» этого сделать не смогла, киевская жидобандеровская мразь долбит из американских реактивных установок по г. Энергодару, по работающим блокам атомной станции и по складу отработанных ядерных материалов.

Множество раз писал и еще раз повторю: нерешительность и политиканство всегда приводят к гораздо большим человеческим трагедиям, а чаще всего — к поражению, если не физическому, то моральному.

* * *

«Мы сознательно продвигаемся медленно», — уведомил весь мир С.Шойгу в своем докладе на совещании глав оборонных ведомств ШОС в Ташкенте 24 августа 2022 года, в день, когда исполнилось ровно полгода со дня начала СВО. Видимо, таким вот способом он попытался сгладить негативное мнение простых людей страны о затянувшейся и не во всём удачной «специкации» на Украине. А ведь поначалу, полгода назад, оптимизма в речах армейского руководства РФ было гораздо больше... Да и народ ожидал других результатов.

Но приходится вынужденно возражать нашему министру обороны: Сергей Кожугедович, воевать медленно нельзя. Это закон войны. Воевать надо эффективно, интенсивно и быстро. И жертв будет меньше, и народ окажет вам моральную поддержку.

«Продвигаться медленно» лучшая армия мира просто не имеет права. «Медленная» философия войны не для России, не для нашего времени и не для враждебной по отношению к нам международной обстановки. Нашу «медленность продвижения» весь Запад воспринимает как нашу слабость, осторожность и неуверенность в своих силах. Нельзя давать ему этого вожделенного повода для оптимизма.

«Всё идет по плану», — вновь повторил С.Шойгу. Тогда что же получается? Значит, согласно этому «плану», ВСУ должны были целых полгода обстреливать Донецк? Очень странный план... Или всё же что-то идет не так, как планировалось? А признаться в этом, как всегда, не хватает духу?

***

Пока славяне убивают друг друга, долбят по друг другу «градаами» и «ураганами», кавказско-азиатские бородачи захватывают Россию. Посмотрите, кто в большинстве своём ходит по нашим улицам, кто на 90% заполняет московское метро. И подумайте, кто это допустил и кому это было нужно.

***

После бесчисленных терактов и диверсий со стороны Украины, после артиллерийских и ракетных ударов по нашей территории, после каждодневных обстрелов Донбасса и теперь уже Запорожской и Херсонской областей, после нескончаемого ядерного шантажа на ЗАЭС, после того, как нас исключили из всех европейских союзов, ассоциаций и федераций, — все основные органы власти России, вместе с президентской, всё никак не решатся отменить мораторий на смертную казнь. Кто бы ответил на этот вопрос: почему не решаются?..

***

Вот и Меченый сдох. Более 90 лет эта мразь коптила свет. Сбежал в Германию из страны, которую возглавлял. Сколько миллионов людей более чем за тридцать лет погибло по его вине! Начиная с Чернобыля и кончая войной на Украине. А Чернобыль — это тоже ведь Украина... Вот она, 36-летняя украинская война...

Сумгаит, Вильнюс, Баку, Карабах, Тбилиси, «Адмирал Нахимов», Буденновск, Беслан, «Норд-Ост»... Таджикистан, Казахстан, Чечня, Дагестан, Грузия, Белоруссия, Украина... Все эти человеческие трагедии привязаны крепче всего к «голове с заплаткой». Такова роль в истории одной безликой личности. Но такова и участь Иуды. Хотя Иуда всё же раскалялся и покончил с собой...

Горбачёв позволил Германии поглотить ГДР. На похороны «лучшего немца» от Германии не пришел никто.

ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА ДУШИ

(О книге Эммы Меньшиковой «Мгновения вечного времени».
Москва: Редакционно-издательский дом
«Российский писатель», 2022)

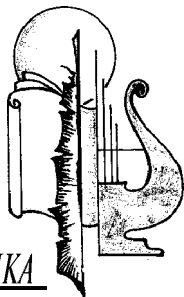
Когда на то нет Божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, —
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Фёдор Тютчев

Земля — это пристань для тела.
Она его примет в свой час.
А души в иные пределы
Несут своё знание о нас...

Эмма Меньшикова

Действительно, а что такое человеческая душа в нашем «обезличенном пространстве», как его в своём вступительном слове к поэтическому сборнику Эммы Меньшиковой называет Николай Дорошенко? Сегодня гораздо больше пишущих, чем читающих. К тому же истинных ценителей литературного слова вообще единицы. Эпоха глобальной компью-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

теризации поставила нас перед фактом господства примитивных текстов, где человек и его душа — полное ничто, где успех ценится больше, чем искра Божия. Что же и кто в итоге победит: живое слово или голая цифра, человек или «великий инквизитор» по Достоевскому, а точнее, «великий глобализатор» новой эпохи? Будет ли нужна современная изящная словесность, в особенности — поэзия?

Новая книга Эммы Меньшиковой даёт ответы на эти острые вопросы времени. Общеизвестно: мужская поэзия — это прежде всего линия разума, женская же — душа. И поэтесса ведёт не только доверительный разговор, но и представляет нам искреннюю лирическую исповедь. Единственное, чем можно нынче пробудить читателя: исключительно откровенной, граничащей с самоотречением, поражающей первозданностью правдой души.

Традиция всегда подразумевала внутреннюю слитность, нечто целостное, а не разорванное, на что обращала внимание большой советский поэт и литературный критик XX столетия Татьяна Глушкова. Ведь национальные истоки всей русской культуры неумолимо возвращаются в прошлое. В конечном счёте мы убеждаемся: на свете очень мало вещей вне наследия. Ибо настоящая литература — драгоценность, когда как посредственное, лёгкое чтиво — дешёвая «бижутерия». И здесь Николай Дорошенко прав. В современном мире настоящее встречается крайне редко — одни подделки.

Между тем Эмма Меньшикова показывает нам глубокое владение словом — ясность мысли, исповедальную чистоту, являет нам своеобразный дневник русской поэзии — реальную жизнь России, какая явственно просвечивается сквозь её сюжеты, символы и метафоры. Она является автором шести стихотворных сборников: «Когда-нибудь...», «Открыт мой дом», «Дыханье бытия», «Мелодия на два голоса» (изданной совместно с Аллой Линёвой), лирических заметок «Русская тетрадь» и недавно вышедших «Мгновений...», а также книги прозы «Крестный путь, голгофская дорога», рассказывающей о судьбах писателей, связанных с Липецким краем. Эмма Меньшикова — лауреат многочисленных всероссийских и международных премий и конкурсов. Поэтесса прошла достаточно богатую, насыщенную событиями школу жизни: работала библиотекарем, учителем, воспитателем, служила в Советской Армии. С 1994 года — журналист, более двадцати лет — редактор отдела областной «Липецкой газеты».

Итак, о книге «Мгновения вечного времени». Собственно, на первый взгляд ничего необычного. Но, как говаривал один мудрый старец, где просто, там ангелов до ста, а где мудрено, так там ни одного. Поэтому самым основным достоинством этой книги я считаю именно красоту, ту самую, которую осеняют ангелы. Хотя писать о простом — сложно! Каким-то чудесным образом небесное и земное, простое и великое — соединяются в стихах Эммы Меньшиковой. Человек, природа, Родина, Бог — момент подлинного бытия проступает в её поэзии сквозь сложный почерк жизни. Автору близка многовековая гуманистическая традиция нашей литературы, та «тихая лирика», что не терпит фальши. Для неё важно — обрести независимый внутренний мир.

Среди стихов Эммы Меньшиковой есть одно, сокровенное, о том, как

*Жизнь души начинается ночью,
Когда всё предстоит как воочью,
И луна не с полотен Куинджи,
А с небес зеленеет в тиши...
Когда спят мои люди родные,
Отпускают тревоги земные —
Подступает всё ближе и ближе
Заповедная зона души.*

Игра фантастической иллюзии света и тени, тончайших нюансов тонов, оттенков — загадка живописи и поэзии. Два мастера рисуют эту восхитительную художественную миниатюру, и неповторимый язык искусства ярко и сильно начинает говорить о красоте мира... Сама структура души — женская суть — гармония внутри себя и гармония вокруг. «Душа выше и дороже всего — это наша вечная ценность», — был уверен русский философ Иван Ильин. Реальный мир современности донельзя упрощён и циничен, но это — наш мир! Умение соединить эти два духовных пространства и есть мастерство писателя. И чужой, враждебный дисгармоничный мир становится гармоничным, потому что всё в нём живёт, страдает, думает, стремится к свету, и «замирает» то в тихом ночном сне, то в «предрассветной неге» не только человеческая одинокая душа, но и сама природа: мерцают звёзды, падающие с неба, шуршат дождевики, тающие в космических брызгах наступающей зари...

Как жаль, но нет ничего вечного — всё проходит, всё меркнет, стирается. Лишь поэту и художнику дано запечатлеть

быстротечное мгновение, уловить тонкую и хрупкую грань истины и тем самым духовно противостоять вселенскому хаосу разрушения.

«О Русь, моя земная пристань...»

Широкая, многоцветная, полная жизни и движения картина родной земли слагается в произведениях Эммы Меньшиковой, целостная картина, вбирающая в себя бесконечное множество тем, сюжетов, смыслов. Вы не найдёте здесь велеречивых строк о любви к Родине — они предельно лаконичны и неподдельны в своей святой простоте. Хотелось бы выделить четыре произведения автора, какие по праву можно считать не только автобиографическими, но и центральными в жизни и в творчестве Эммы Меньшиковой. Вся её духовная стезя, надёжная пристань, к которой стремилась душа, — Россия.

*Ну вот зачем-то я нужна на этом месте,
Вот этой речке, этим небесам,
Так плотно павшим на унылое окрестье,
Что уцепиться не за что глазам...*

Зовёт родовая память, воскрешает былое... Возвращает к истокам. Но ясность стиля не означает лёгкости и беззаботности мысли. Из самых обычных слов она ткёт эту незамысловатую вязь, вплетает в тугой узел воспоминаний, не дающих уснуть:

*Ну вот зачем-то я нужна на этом свете,
Церквушке рядом, дому моему,
Где по ночам стучит в окно бездомный ветер,
А вот зачем — я так и не пойму...*

(2021)

Судьба Эммы Меньшиковой отчётливо и убедительно отражается в зеркале народной жизни. И пока ещё рядом старая церквушка, пока ветви любимого дерева шепчутся с ветром и стучат в окно, пожалуй, стоит жить... Многие удары судьбы тогда не так трагичны, есть утешение — нет уехавших, кто не вернулся бы обратно. Все люди должны возвращаться. Беспощадны своей оголённой гражданской правдой стихи «Иностранка» (2018), свидетельствующие о сложном периоде развала страны, о тысячах сломанных судеб:

---

*А мы тогда ходили в оккупантах —
За всех, кто жизнь за этот край отдал,
Кто лёг костями в чужой земле когда-то
И сам с годами той землёю стал...*

Не столько укором, сколько болью и тревогой пропитаны и последующие строки-признания:

*И где вы были, нынешние судьи,
Когда мы возвращались не домой,
А с ярлыками беженцев, в распутье
Застрявших между небом и землей...*

Поэтесса не ищет оправдания, лишь чувство неизбывной вины и человеческое горе разлуки переполняют душу и одновременно вселяют веру:

*А я рвалась в Россию безоглядно,
Где мой язык, где даль и даль вокруг,
Где вечера тихи и благодатны,
И слышно, как звенит цветущий луг...*

*И от Руси святой не отрекалась
Я никогда, свою судьбу приняв.
И научалась жить, молясь и каясь,
В избе столетней дух её впитав.*

Или другие стихи, в которых проявилась истинная народность её поэзии, стихи, честное слово, вызывающие уважение, прежде всего — безупречной, непоколебимой прямоотой:

*А я сама народ, всю жизнь — в труде,
Топила печи, гнулась в борозде,
И по воду — с ведром наперевес,
С бельём — к реке, и за дровами в лес.
Всю жизнь батрачу я со всей страной,
И доли не хотела бы иной.*

Неиссякаемую силу русского народа, его вековое историческое бытие — любовь горькую и мучительную — впитала она с молоком матери-земли. Неслучайно к этим стихам Эмма Меньшикова взяла ахматовский эпиграф, подтверждающий её страстное желание жить судьбой своего многострадального народа. Генетическая память русской земли — деревенская изба. Тут прочитывается и уга-

---

дывается опыт, основанный на прежней жизни целых поколений, бесценный опыт, подкреплённый внутренними талантами:

*Жила как мой народ, как плоть его,
Начав свой путь с избушки вековой,
Во тьме плутала, шла через дожди.
Я и сама народ, как ни ряди.
И тянет посмотреть, как там изба.
А никуда не денешься: судьба.*

«Усе мы з хат» — эта крылатая фраза белорусского поэта Янки Сипакова в высшей степени выразила ключевую идею нашей славянской литературы. Мы вышли из природы, создав целую генерацию творческих людей. Дом — крестьянская изба — человеческое жилище — сакральноеместилище тайн любви и ненависти, радости и горя, рождений и смерти. Целая мифология мира. Но Господь однозначно говорит о том, что созданный Им мир будет существовать вечно: «Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекращаются» (Бытие, 8: 22).

Что примечательно: у Эммы Меньшиковой нет претензий на собственное поэтическое величие, нет зла и обид на жизнь:

*А мне Россия всё дала —
Деревню, дом, колокола,
Спасительную силу Таинств,
Ночной метели белый танец,
Рассветы лёгкие как сон,
И над рекой вечерний звон...*

В своём стремлении к высшей правде она благодарна своей стране, будучи на редкость достоверна, исчерпывающе искренна и естественна:

*Всё мило мне и всё вдомёк —
Земли оттаявшей дымок,
Избушек скорбные бекрени
Среди бушующей сирени...
Всё, что отдать она могла,
Всё мне Россия отдала —
Деревню, речку, лес и поле,
И счастлива я русской долей.*

(2019—2020)

И в самом деле, у каждого поэта — свой образ России. Исторические события не проходят бесследно, но вновь и вновь возвращаются в таинственных видениях, а бессмертный свет звёзд указывает на нетленную вечность самой древней Руси.

*О, сирая, посконная Россия...
Крестьянкой горемычною она
В таких трудах детей своих растила,
А нынче им как будто не родня.*

*Стоит она, понурясь, у порога
Изрядно покосившейся избы —
И смотрит на пустынную дорогу,
Тоску свою за годы не избыв.*

Такая Русь, будто сошедшая с полотен великих русских живописцев, не забывается. Вот они, косенькие блоковские хаты, бегущие по обочине, — неизживаемое горестное сиротство, щемящая сердце боль. «Россия, нищая Россия...» — всплывают в памяти похожие на плач по родной земле слова гениального поэта. В стихах Эммы Меньшиковой сквозит и явная тютчевская грусть, тоска, уходящая вглубь времён.

*Под снегом утлые хатёнки,
Уже отжившие свой век.
Оконцев мутные глазёнки
Ещё взирают из-под век —
Отяжелевших снулых балок,
Осевших ставенок и крыш.
В избушках наших родин малых
Ещё ты, Русь, себя хранишь.*

Возносятся ввысь проникновенные интонации вселенской печали русских просторов, её равнин и полей. Но печаль и надежда всегда идут рядом. Разве мы не хотели бы видеть Россию, приближённую к счастливой русской мечте? Свет надежды на возрождение вдруг загорается в душе. В этих стихах отразилась, среди прочих, мысль о том, что возрождение начнется из глубинки, из провинции, из самых забытых окраин «Руси болезной». «Но последняя, бранная, гнанная, / Русь воспрянет — ещё не срок. / Строки эти — моё упование / И поэзии высший долг». Всё отступает перед спасительной верой, источник которой был и есть для Эммы Меньшиковой — Россия.

Поэтесса возвращается к своим отчим корням, в русскую деревню, что в Липецкой области. Наша лирическая героиня вышла из народа — она его плоть и кровь. Отсюда и народная мудрость — привычные приметы универсального определения человеческого жизненного, исторические, психологические — как неотъемлемая часть крестьянской самобытности, её вековой связи с землёй, завещанной нам предками, ибо неподвластны забвению основы русской праведности. «Деревня — Руси колыбель. / Здесь люди просты и доверчивы. / Скрипит вековой журавель, / Как люлька, которую женщина / Качает в далёкой ночи...», — корни воспоминаний неотвратимо ведут автора в родную деревню — в необъятный космос крестьянской вселенной. Как воскресить это историческое бытие народа, вместившее ярко-индивидуальные черты художественного мира? «Русские старухи», которым «нет числа», во все времена спасали Россию, на их руках она росла и крепла. «Святые женщины Руси» — так Эмма Меньшикова назовёт целый раздел, посвящённый неповторимым женским образам: верным, любящим, сильным духом, красивым внешне и душой. Бежит «дорога к дому», «бежит издалека», там когда-то стоял «дедов хутор», и брала свой разбег река детства. Как важно не потерять в житейском море родные берега, иметь волю и терпение, чтобы не утратить своё место в жизни. Но где теперь дом наших первых детских воспоминаний, его живое, тёплое пространство? Ждёт ли он нас? Главное — не забывать и возвращаться.

Поэзия — бесконечность мысли при конечности земного существования, вмещающая в себя боль, мучительную правду, память былого. И поэтическое слово приходит, как откровение. К тютчевским, блоковским литературным реминисценциям Эмма Меньшикова привносит и оригинальные интонации Пастернака. Всевластно ли время? Может ли оно что-то изменить в устоявшемся веками жизненном укладе людей?

*Деревня спит, в окне бездонный мрак:
Ни в небесах огня, ни в избах света.
Не зря на ум приходит Пастернак:
Какое там у нас тысячелетье?..*

.....
*Пытайся вспомнить, что это за дом
И что за время — без примет и знаков...
А впрочем, разница какая в том,
Когда пришли мы и когда уйдём
Со знаньем байронов и пастернаков...*

---

*Что жизни — строки, что ей — имена?
За веком век бесстрастно пролетает.
Но как бы ни менялись времена,
А петухи кричат, собаки лают.*
(2021)

Но ход времён не повернуть вспять, не остановить... Говоря о России, она параллельно достаточно часто обращается к природе. «Пейзажи России» — удивительный раздел поэтической живописи, открывающий книгу «Мгновения вечно-го времени». Поэтесса словно восстанавливает выломанную из естественного лада человеческую жизнь под строгую материальную защиту природы, родной земли. Именно природа вызывает желание и стремление к целостному созерцанию. Её универсальный мир, давший всему своё место и назначение, сотворён Богом. Стихи Эммы Меньшиковой сродни картинам и написаны в жанре пейзажной лирики. Написаны восторженно, как будто сам автор творит кистью на холсте пейзаж с натуры — подлинная поэзия слова и живописи, изображения и смысла. Традиция природы и русской поэзии всегда отражает тесную связь всех классиков. Эмма Меньшикова погружает нас в блаженство словесной красоты и свободы: звеняще-прозрачная лирика дарит нам сосредоточенное, самозабвенное углубление в мир подлинного бытия. Её пейзажи обретают художественную плоть, настоящий животворящий дух — то, что было характерно всем труженикам на ниве русского классического слова. Подобных стихов не счесть. К примеру, одуванчик: «Мальчик в шапке золотистых, / солнцем пахнувших волос...» И, конечно же, каштаны, которые «только что прозрели, / Упав на землю с высоты, / Где им во мраке колыбели / Пришлось до осени расти». А ландыши, что «спят во тьме — о, дайте только сроки! — / Цветы земли, чисты и нежнооки...» Потрясающие эпизоды, вызывающие лёгкое изумление, ведь все эти небольшие миниатюры с цветом, запахом и вкусом! Ежели бывает на свете чудо, вот оно, мальвы: «То ль садовые, то ль полевые... / Да в России повсюду они! / Как девчонки, что вышли впервые / Погулять за калитку одни...» Подчас происходящее неуловимо: только, только неброские краски, нежные мазки — словесные узоры, орнаменты. Перед нами — зримая и пластичная совершенная картина, внутри которой ты находишься и которая рождает «свет в душе»:

*Ни краски за окном — уныло, хмуро.
Всё передашь простым карандашом —*

---

*Унылый фон, деревья в строй понурый,
Прохожих крючковатые фигуры
Под семящим вкрадчивым дождём...*

Некое всеединое божественное начало — художники и поэзия — сама жизнь и молитвенное слово:

*Таким пейзажем трудно умилиться —
Дороги вдрызг и пасмурные лица,
А всё стою у тусклого окна —
И свет в душе...
И хочется молиться
За всё, за всё, чем жизнь озарена...*
(2009)

Искусство должно нести счастье и радость, должно возвышать человека. Истинная красота кроется в повседневном. А среднерусская красота, не просто география, но и душевная точка опоры, — это то маленькое волшебство, которое доступно слову художника. Не секрет, талантливое слово — прежде всего реалистическая образность. Отчётливые до прозрачности тона, классическое спокойствие строк, чистые краски — целый расцвеченный мир в подарок! К тому же Эмма Меньшикова поражает мелко выписанными выразительными деталями, стилистически точной подрисовкой чувств. Стихи у неё зачастую очень предметны и осязаемы. Не случайно Господь даровал нам великую радость лицезреть, как совершается круг времён, как день сменяет ночь, лето осень, а зиму весна, свои загадки мира и жизни являет читателю и Эмма Меньшикова. Так в разделе «Мой месяцеслов» она показывает, что любит любое время года, а в природе входит, как в музыку, плавно погружая нас в атмосферу естественности. Автор умеет быть в неразрывном благородном единстве с человеком и природой, при этом поразительно точно улавливает приметы всех времён. Природа здесь попришвински сама идёт к человеку. И каждая весна, осень, зима — другие. Ты испытываешь уникальное состояние уединения и созерцательности — великий круговорот — глубокое дыхание природы, идеальный облик которой предстаёт на поэтическом полотне:

*Неужто грачи прилетели?!
Ещё до весны две недели,
Ещё злопыхают метели,
Как будто глубокой зимой...*

---

*А птицы летят к своим гнёздам —
Их тучи на небе промозглом,
И поздно жалеть уже, поздно,
Что рано вернулись домой...*
(«Февраль», 2012)

Необычайно остро ощущается эффект присутствия в зримом воображении картин Саврасова — действительно классический сюжет. В звучных красках запечатлела поэтесса и своё «Зимнее утро», на смену которому обязательно придёт радостный солнечный день. Вспоминаются зимы сказочные, былинные:

*Давайте послушаем тихое зимнее утро...
Как падает с шорохом снег на уставшую землю,
Как птицы последние сладкие ягоды делят
На старой калине, что дремлет у дальней запруды...*

Зима — время чудес и лучших ожиданий. У автора — это и соприкосновение с зимней строгой красотой, затерянной где-то в глуши, в далёкой «лесной обители»:

*В квадратах окошек мерцают лампадки святые.
Ах, не говорите... Мне сон этот не прерывайте.
Слетает снежок, чуть звеня, на земные полаты,
И музыка зимнего утра плывёт над Россией...*

Вся природа созерцается в душе человека. Мудрое, художественно-философское постижение её законов, которые вносят гармонию в нашу жизнь, придают книге Эммы Меньшиковой таинственную нерукотворную прелесть. Мы наглядно созерцаем импрессионистический этюд, вычерченный явственно проступающими суровыми красками: «Апрель как на графической картинке — / Весь в сером, зябко стынет на ветру. / Земля ещё промозгла: ни травинки, / Ни цветика щемящего вокруг». Природа ещё под спудом таит в себе будущее половодье поэтического чувства, светлую ясность ожидания весны.

Автору посчастливилось вписать в эту книгу до конца всё очарование и всю исцеляющую силу русской природы. Даже, оказывается, обычная берёза может глянуться совсем иной. Вдруг отворяются глаза, и понимаешь, как же прекрасна жизнь на этой земле:

---

*В сарафанце неброском, светла и скромна,
Больше всех на Россию похожа она.
Есть другие деревья, и краше, и выше,
Только статью и прелестью русской не вышли.*

Одному Богу известно, как ей удаётся сохранять свою первоизданную красоту, своё изящество русской красавицы с белеющей нежной корой, свои тонкие молодые веточки-руки, так легко летящие ввысь. Затем с наступлением лета будет «до самого скончания судьбы» сниться дедов хутор, с раннего детства дорогой русскому сердцу мир, озвученный петушиными криками. В стихах Эммы Меньшиковой слиты все времена года и все времена природы, всё её незаметное разнообразие. И раствориться в ней дано лишь в пору умудрённой осени, в пору созревания, испытывая собственное рождение и умирание: «Асфальт, подёрнутый ледком, / Морозцем схваченные лица. / И так легко с пейзажем слиться / На сером фоне городском». Примечательно, что поэтическая мысль развивается не броско, стремясь претвориться во всём образном строе этого ноябрьского стихотворения, его живой поэзии, нарисованной свежей акварелью. Воочию проявляются полотна Левитана — художника печальных пейзажей, чувствуется борьба за свет — Куинджи, слышится голос Леонардо да Винчи, который говорит о том, что живописец постоянно спорит и соревнуется с природой. Но она неистощима в своём многообразии, и её невозможно превзойти. Эмма Меньшикова пишет с натуры, не споря с природой, а благодарно принимая каждое мгновение:

*Но всё дороже, всё родней
Мне эти блёклые картины —
Чем было тяжело доньше
Прельститься в рамках ноябрей...
Ведь дорожишь уже любым
Мгновеньем, выпавшим на долю,
Любуясь с радостью и болью
Этюдом осени скупым.*

Исповедальная просветлённая грусть проникает в душу. Автор — тонкий мастер пейзажной лирики. Кроме того, эти проникновенные зарисовки служат своего рода иллюстрацией к всеобъемлющему, свободному миропониманию.

Тот факт, что человек к старости приходит к Богу, является, по сути, одним из доказательств бытия Божия. Перейдя море житейское, немало нагрешив, он обращается к Богу. Не из одного же страха перед конечностью земной жизни, перед вечностью. Мог бы обращаться к какой-то высшей силе вообще. Но человек хочет услышать голос Создателя. Для этого, как писал Набоков в рассказе «Занятой человек», надо «много заниматься своею душой». И Эмма Меньшикова относится к тому типу людей, которые в первую очередь сосредотачиваются на душе, что, безусловно, усложняет смысловую задачу. Её лирическая героиня существует в особом измерении: «Опять заплакала душа, / А значит, стала ближе к Богу... // И покосившийся журавль / У старого/ Колодца, / И неба трепетная даль, / И свет / Оттуда / Льётся... / В слезах возносится душа / Всё выше — и всё ближе к Богу. / Трава колышется шурша / И что-то шепчет на дорогу...» Душа поэтессы настроена на доверие к миру, на полное принятие этих милых сердцу примет деревенского бытования, сохраняющих душевную гармонию, несущих Божий свет.

Мир веры — как самая невероятная субстанция — непознаваем. Мне представляется, что всё мировоззрение автора имеет нравственно-христианский характер. Это очень хорошо прослеживается. Возьмём её августовское стихотворение «Время» (2020 г.):

*Было время объятий,
Жарких встреч, а теперь,
Время скорбных полетей,
Время горьких потерь.
Было время бездумья,
Ставок на интерес.
Было времени — уйма,
Оказалось, в обрез...
Машет осень беспечно
Шалью звёздчатых астр.
Было времени — вечность,
А теперь — как Бог даст.*

Какое тонкое и точное умозаключение! Пожалуй, самое большое сожаление на свете — ничем и никем невозполнимая утрата времени. Тайна сия есть великая. Наши приобретения таятся в потерях. И, «как ни крути, а жизнь залог страдательный», — сложно поспорить с автором. Эмма Меньши-

---

кова спешит что-то досказать своё, хотя, казалось бы, что уже всё сказано до неё. Искусство жизни — верить вопреки тревожному ощущению неумолимого бега времени. Ныне же, уподобясь Экклесиасту, предположим, что существует время ушедшее и время реальное. Можем ли мы что-то здесь изменить? «Премудрость поможет мудрому», — гласит житейская философия ветхозаветной книги библейского Проповедника (Еккл., 7: 19). Истинная мера вещей предвидит разумный выход. Но иногда разум — плохой советчик: не нами сказано, будьте как дети, доверьтесь воле и голосу Свыше. Любомудрие несёт и вселяет в человека единая совокупная молитва.

*Молюсь и плачу, плачу и молюсь,
Когда вдруг нападает эта грусть
На сердце, у которой нет причины,
А просто пролетел косяк грачиный,
А просто март, и небо невпрогляд,
Деревья словно в трауре стоят —
Все в чёрном. И тоска такая гложет,
Что если б не молитва — свет мой Боже...*

Стихи в одну строфу, восьмистишия, сокровенные смыслы поэтесса талантливо вмещает в 8 заветных строк, которые Пастернак считал идеалом для русской лирики. Грешный мир держит только молитва. Бескорыстие и молитва. Служение. Многие ситуации у Эммы Меньшиковой выстраданы, пережиты. Мысль осязаема, рельефна: за ней — весомость пройденного, испытанного, передуманного. Повседневный труд души и Слово Божие — уверенная и надёжная опора на жизненном пути. Образ лирической героини сливается с образом самой поэтессы в одно целое. Сострадание и милосердие, совесть и молитва выше всякой поэзии. Именно она излучает благодатный свет души, устремлённый к Божественному совершенству. «Вечер и утро особенно благодатны для молитвы, для созерцания», — писал отец Павел Флоренский своему другу Василию Розанову. Молитва даёт нам спокойствие внутренней незамутнённости, приносит утешение. Русский лирический стих испокон веку держится на жизнеутверждающей вере.

В поэзии живёт вера в счастье, пусть не раз и обманывавшее. Между тем самое лучшее в стихах Эммы Меньшиковой — светлое мироощущение; лирика любви, человечности, грусти, благородства, широты чувств. По зову души рождаются и выверенные строки:

---

*Рифмы стали проще и точней.
Пульс ровнее, а душа — всё строже.
Ни греха не утаить пред ней,
Попусту её не растревожить.
И перебирая не спеша
Все мои нехитрые пожитки,
Лишь любовью полнится душа,
Остальное из земного багажа —
Ни до рубежа, ни до калитки.*

(2021)

Что наиболее важно: лирика, дарящая возвышенное, а не страсть. Это, пожалуй, отличает поэтессу от страстного тютчевского пера. Торжествует любовь, торжествует и жизнь, а значит, поэтическое слово. Нужно заметить, поэтесса довольно скупко пишет о любви. Христианская любовь прежде всего учит терпению, молчаливому и созидающему чувству — преображению души. Так смотреть на мир способен только человек верующий, искренне радующийся самому дару жизни, живущий ради ближнего. У автора любовь — как связующая нить между прошлым и будущим. Для неё необходимо оставаться самой собой даже в любви, даже если это «странная любовь» и неожиданный лирический сюжет с визуальным акцентом: «Да, странная у нас любовь с тобой... / Мы связаны лишь Небом и Землёй, / Необъяснимым притяжением душ, / Когда и сушь, и глушь, и злоба стуж — / Всё нипочём. У чувства есть лишь Бог...»

Не совсем укладывается в систему привычного представления о мире и поздняя любовь, не менее странная, горькая, осознанная, потому настоящая, обещающая спасение от одиночества. «Последняя любовь — какая это мука. / Ни прошлого у ней, ни будущего нет. / Рифмуется она единственно с разлукой, / Но как пленителен её нездешний свет...», — в боль, в проникновенную нежность, в пронзительную жалость обмакнула она своё трепетное перо. Это камерные стихи — то, что не предназначено для хора или большого оркестра.

Как видим, Эмма Меньшикова творит собственные лирические сюжеты, в которых и завершённость и открытость одновременно. Оживить забытую мелодию дано романсу. «Нет на свете ничего такого, о чём нельзя было бы спеть песню», — утверждал Блок. Удивительная музыкальная романсовость сквозит и в стихотворении поэтессы «Настроение романса»: «Ещё один вечер кончается... / Ямщик не гони лошадей! / Ещё для меня заливается / Какой-то шальной соловей. / И песня взволнованной сказкою / Над тихою речкой

плывёт...» Лиризм её — не просто глоток родниковой воды, но и бокал настоявшегося доброго вина. Подлинная поэзия — тоже опьянение. Такова общая тональность. И повелевающий императив вечной дороги, и конкретно-чувственное эмоциональное, непосредственное ощущение жизни проникает в тебя и зовёт, настойчиво манит куда-то вдаль...

«И словом любви прорастаешь...»

Такие известные писатели, литературоведы, историки, публицисты, как Лобанов, Кожин, Палиевский, Глушкова придавали поэтическому слову глобальное значение, смело открывая в нём глубину тем, широту образов и колоссальное торжество созвучий. У Эммы Меньшиковой сложился свой собственный художественный мир поэзии, ярко проявилась своя проекция одухотворения слова, отражающая крепкую русскую почву. Ведь слово является чем-то особенным: в её книге «Мгновения вечного времени» образ Божий в человеке дан наиболее явственно, а сам поэт уподобляется Творцу мира сего. Да, именно — мира как вселенной, земного шара, народа. Слово — ключ ко всему. Слово вначале было от Бога, и было оно поэтическим. В середине же нашего земного существования — от человека. Как ни прискорбно, но он научился убивать словом душу. Только поэт до сих пор пытается сберечь чистоту его изначальной первоизданности.

Вместе с тем сущность поэзии и жизни одна — в правде. В стихах «Поэту» (2005) Эмма Меньшикова говорит о правдивой искренности художника слова:

*Ты море, и поле, и степь,
И песнь бесприютного волка...
Посланник неведомых неб —
И странник Земли одинокой.
Ты ветром тоскуешь в ночи
И душу дождём изливаешь,
Немым ожиданьем молчишь —
И словом любви прорастаешь...*

Поэзия — это искусство, и поэт талантливо поёт всё: степь, поле, море, небо... Ему подвластно то, что скрыто от обычных глаз. И всегда стоит прислушаться к его неравнодушному голосу. Весь мир — заповедник всевозможных слов, через которые он творит уникальное произведение искусства. Но глубочайшие корни языка — в словах простых, в них и могут воплотиться творческие замыслы, исконная образность язы-

---

ка. Слово магически связует времена и пространства: «Великое таинство слова! / Сближает оно и роднит. / Казалось бы: что в нём такого? / А манит оно как магнит». Оно хранит в себе и сокровенное молчание, какое куда красноречивее любых словесных излияний, даже на расстоянии. Душевный ожог или хрустальная нота нравственного одиночества, что витает над миром, способны найти в нём своё выражение: «И зов, и безмолвие даже / Лишь слову — хранить и спасать. / Оно и сквозь небыть расскажет / О том, что сейчас не сказать...»

Более того, автор увлекает неожиданными поворотами сюжета, как в небольшом произведении, навевающим размышления о печальной красоте многоточия. Возможно, это нечто прежде виденное, вновь явившееся жизненное измерение памяти: «Стихи тогда печальны и таинственны, / Как будто обещают продолжение, / Где жизнь не завершается поистине, / И длятся, длятся дни её блаженные...» В действительности мы никогда ничего не забываем. В многоточии весь смысл. Точка — конец. Многоточие — продолжение, а, может быть, — «следы» набоковских тихо «ушедших слов...»

Неким таинственным образом соединились философия земного бытия и Божественная философия в венке сонетов (2010—2020), который завершает книгу Эммы Меньшиковой, являя нам общекосмические ценности сакральных загадок мира, природы и человека. Автор вплетает собственные размышления в реальность и делает их вполне осязаемыми и понятными.

1.

*О Боже, если б знать, зачем мне это
Сияние небесной синевы,
Земные доли, искры горюцвета
И шорох опадающей листвы,*

.....
*Ах, если б знать, зачем душа болит
О той весне, где было всё впервые.
Ведь встрепелётся жизнь и опалит,
И снова небо разорвут грачи,
И освятит просторы вековые
Мерцанье звёзд в распахнутой ночи.*

Словно из духовного небытия возносятся над бранным миром эти философичные проникновенные строки. Сюжетно-композиционный план сонетов составляет цепь словесных повторов, где первая и последняя фразы образуют сти-

---

лирическое кольцо — смысловое единство текстов. Здесь уместно привести одно четверостишие признанного поэта нашей современности Анатолия Аврутина, ставшее эпиграфом к его сборнику «Временная вечность»:

*Когда бредёшь в раздумчивой тиши
Наедине с ночным небесным светом,
Есть ночь и высь... А больше — ни души,
Но всё душа... Но всё душа при этом...*

Оно очень хорошо передаёт духовное состояние лирической героини Эммы Меньшиковой, которая так же пытается увидеть в мерцании ночных светил особый знак судьбы, испытать ощущение соприкосновения с вечностью, с разумной и торжественной гармонией природы.

2.

*Мерцанье звёзд в распахнутой ночи
Когда-то ничего не обещало.
Вселенная не ведала причин
И длилась без конца и без начала,
Ещё ни бури не роились, ни смерчи,
Ещё у жизни не было причала,
А в глубине космических пучин
Лишь холод мирозданье источало.*

Кажется, что вся Вселенная перед нами, однако космический холод подобен смерти и нужен был Высший Разум, создавший всё мироздание, вечную природу: «Но Божий Дух уже зывал к Земле — / И восставала радугой во мгле / Турманность сокровенного рассвета». Эти литературные мотивы воспринимаются как поэтический космос царства времени — в какой-то степени восхождение к державинской оде, по-своему воплотившееся у автора в Магистрале венка сонетов. Вечная тайна и многомерный взгляд на мир, образы макро- и микрокосма — Вселенной, универсума в целом — в процессе творческого познания приобретают конкретные очертания, воплощаясь в лирические сонеты.

Николай Бердяев в книге «Смысл истории» писал о том, что «каждый человек по своей природе есть некий великий мир — микрокосм, в котором отражается и пребывает весь реальный мир и все исторические эпохи». Стремится прикоснуться к глубинно-сущностному микрокосму человеческой судьбы и Эмма Меньшикова. Последний 15-й сонет, который связывает все части этого «венка», повторяет пер-

---

вые и заключительные строки стиха каждого сонета. Нас всех объединяет конечность и начало собственного бытия.

15. МАГИСТРАЛ

*О Боже, если б знать, зачем мне это —
Мерцанье звёзд в распахнутой ночи,
Туманность сокровенного рассвета,
Зари позолочённые лучи...
За что нам жизнь, струящаяся в Лету,
Весна в зелёном отблеске парчи,
Случайность встреч в потоках круговерти,
И грусть-тоска, и звук шагов ничьих...
Ах, если б знать... — но тишина в ответ.
Засыплет снегом незнакомый след.
Не скрипнет ни ступень, ни половица...
Но надо жить — страдая и томясь,
Писать стихи, и плакать, и молиться
За тех, кто остаётся после нас...*

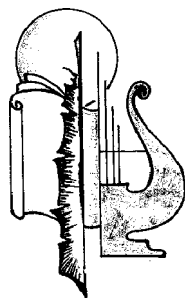
Значит, стоит продолжать жить и делать этот мир лучше, ведь он нуждается в каждом из нас и будет таким, каким мы его сотворим. Эмма Меньшикова — замечательный мастер русского стихотворного слова, ей близки и понятны как человеческое горе, так и светлая надежда на возрождение души. Вне всякого сомнения, её книга «Мгновения вечного времени» должна стать востребованной поэтической книгой!

г. Минск

НА ФОНЕ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА

*(О книге прозы Анатолия Подольского «Не переступить черту».
Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2021)*

Современная отечественная литература рубежа XX—XXI веков и первых десятилетий XXI века уже может рассматриваться как некое единство, отмеченное рядом общих особенностей. К числу их можно отнести отказ от обязательных в прошлом идеологичности и дидактичности, множественность направлений и течений, внимание к форме, медийность фигуры писателя и др. Важно и то, что независимо от возраста, статуса, принадлежности к определенному направлению и художественной ориентации автора, она творится «здесь и сейчас», отвечая самым разнообразным запросам и вкусам читателей. Как современное общество представляет собой ряд страт (национальных, профессиональных, религиозных, половозрастных и т.п.), так и автор, в ряде случаев, выражает в концентрированном виде представления одной из них. И если раньше литература делилась исключительно на высокую и низкую, то сейчас появляется большое количество промежуточных форм (беллетристика, массовая, наивная, паралитература, сетература и др.). Напряжение между ними, по замечанию современных литера-

КРУГ ЧТЕНИЯ

туроведов, во многом способствует ее развитию. На этом фоне вызывает особый интерес книга Анатолия Подольского «Не переступить черту». В ней представлены повесть под одноименным названием и несколько рассказов, развивающих ее мотивы, но иногда привносящих и существенно новые черты.

Значимой тенденцией современной литературы было и остается изображение советского прошлого. Так, по замечанию известного критика и литературоведа А. Татарина, одни авторы активно защищают «советский дискурс», другие, воссоздают его метафизический уровень, третьи — отрицают и преодолевают, и т.п. Советское прошлое типичного регионального (провинциального) центра России становится одной из основных тем повести Анатолия Подольского «Не переступить черту». Этому прошлому посвящена вся первая и часть второй главы повести. В интерпретации автора — это важный этап в формировании личности ее главного героя Алексея Горностаева и его друзей. Выпускной вечер в школе, учеба в техническом вузе, работа в качестве молодого специалиста в Сибири, участие в так называемом кооперативном движении, потеря любимой работы и обретение себя в новых областях, участие в выборах губернатора и, уже в зрелые годы, достижение относительно устойчивого положения уважаемого специалиста и профессионала — это путь многих людей, родившихся во второй половине XX века. Причем жизнь советского человека данного периода здесь действительно узнаваема как в бытовых мелочах, так и в некоторых душевных движениях и переживаниях героев. Я бы сказала, что книга А. Подольского в этом плане — даже определенный источник сведений о советской повседневности. Но в отличие от многих произведений современной литературы автор не концентрирует внимание на постсоветских травмах и утрате идентичности героем и его ближайшим окружением. Герои Подольского, за небольшими исключениями (судьба Галанина), находят себя в новой реальности. Поисками себя и своего места в новой жизни заняты герои повести, по сути, в новой, уже другой стране, которой стала Россия. Этим аспектам отведена большая часть второй и полностью третья глава повести.

В этом контексте можно несколько уточнить и жанр данного произведения. Перед нами достаточно хорошая известная в мировой и отечественной литературе прошлого и снова популярная в современной литературе повесть о становлении (взрослении) героя произведения. Как черту современной литературы, можно обозначить в повести и подробное описание различного рода производственных процессов.

Особенно много таких фрагментов предлагает автор из жизни советской Сибири, наполненных социальным оптимизмом людей периода освоения этого региона.

Как своего рода продолжение повести, но представленное в виде отдельных сюжетных зарисовок автора можно рассматривать его рассказы. В некоторых из них мы встречаемся с героями, близкими Алексею Горностаеву. Среди них — Артём, остро переживающий счастье взаимности и горечь утраты («Она приходит один раз»). Николай Николаевич — успешный бизнесмен, затем высокопоставленный чиновник, но сознательно оставивший и ту, и другую сферы ради преподавания в вузе («Мужские слезы»). Появляются и новые персонажи: Опрощка Затворница («Вологодский приворот»), Василий («Васька Матаня»), Фёкла («Не тобой положено, не тебе и брать»). А вместе с ними и яркие описания народного быта, народных праздников и народной морали. Хотелось бы особо выделить этнографически точное описание свадебного обряда («Вологодский приворот»), появление, по сути, фольклорных персонажей Опрощини («Вологодский приворот») и Старушки с «замысловатой тростью» («Твой день, Владимир»), современного юродивого Васьки Матани («Васька Матаня»). Таким образом, события сегодняшнего дня измеряются А.Подольским сложившимися веками традиционными представлениями. В этом плане особенно показателен рассказ «Не тобой положено, не тебе и брать». Его герой, Виктор Васильевич, отказывается от возможности стать обладателем огромного состояния («килограммы золота в старинных российских монетах»), испытывая при этом ощущение настоящей свободы.

Думается, что в многообразии подходов и методов изображения действительности современной литературы найдет свою нишу и своего читателя и новая книга А.А. Подольского.

г. Йошкар-Ола, Марий Эл

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на первую половину 2023 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

В первом полугодии 2023 года редакция планирует выпустить следующие номера: №1-2, №3, №4, №5-6.

Журналу «Молодая гвардия» очень нужна ваша финансовая помощь. Лишённый поддержки государства, наш журнал надеется на помощь верных читателей и подписчиков. Наша общая цель — сохранить «Молодую гвардию» в качестве патриотического национального издания, необходимого каждому честному и думающему человеку. Денежные средства можно перечислить на карту Сбербанка РФ: 2202 2005 6546 0175.

Также оказание финансовой поддержки можно осуществлять по следующим реквизитам:

ООО «Журнал «Молодая гвардия»

ИНН 9721060860

КПП 772101001

БИК 044525593

ОГРН 1027700067328

Р/с: 40702810302590002402

Корр. счет: 30101810200000000593

АО «АЛЬФА-БАНК»

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».

Уважаемые подписчики «Молодой гвардии»!

У вас есть возможность подписаться на наш журнал на первое полугодие 2023 года непосредственно через редакцию. Для этого необходимо перечислить 1200 руб. на нашу карту Сбербанка (цена подписки на весь год соответственно — 2400 руб.). Номер карты: 2202 2005 6546 0175. А также сообщить свой полный почтовый адрес по телефону: 8 916 939 22 69 или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru